

Университет им. Адама Мицкевича в Познани

Факультет нефилологии

Институт русской и украинской филологии

Мацей Варачевски

Образ языковой коммуникации в среднерусский период.

Обозначение участников дискурса во взаимных грамотах

Кандидатская диссертация, написанная

под научным руководством

проф. Божены Хрынкевич-Адамских

Познань, 2022

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Wydział Neofilologii

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej

Maciej Waraczewski

Obraz komunikacji językowej w dobie średnioruskiej.

Wskazywanie uczestników dyskursu we wzajemnych gramotach

Praca doktorska

napisana pod kierunkiem

prof. UAM dr hab. Bożeny Hrynkiewicz-Adamskich

Poznań 2022

Содержание

Введение	6
1. Тема, цели и структура работы	6
2. Взаимные грамоты – специфика материала.....	9
1 Дискурс, текст, контекст	14
1.1 Дискурс.....	15
1.1.1 М. Л. Макаров – основания дискурса	16
1.1.2 Д. Шиффрин– 6 подходов к дискурсу	22
1.1.3 Дискурс в академическом пространстве 2009	28
1.1.4 3 онтологии – классификация Петра Цапа.....	30
1.2 Текст.....	33
1.2.1 Общие сведения	33
1.2.2 Д. Шиффрин – 6 подходов к тексту	36
1.3 Контекст	37
1.3.1 Контекст и конситуация.....	37
1.3.2 Д. Шиффрин – 6 подходов к контексту	38
1.3.3 Условия создания текста.....	40
1.4 Дискурс, текст и контекст в понимании Тёна ван Дейка	44
1.5 Дискурс исторических текстов.....	46
1.5.1 Исследование истории языка.....	46
1.5.2 Типы исторического дискурс-анализа.....	48
1.5.3 Перспективы исторических исследований.....	51
1.6 Дискурс, текст и контекст – подведение итогов по результатам терминологических рассуждений.....	54
1.6.1 Базовые термины	54
1.6.2 Типы анализа дискурса	56
1.6.3 Выводы	57

2	Обозначение участников дискурса как тип референции	60
2.1	Референция.....	60
2.2	Дейксис	62
2.3	Анафора	63
2.4	Катафора и эллипсис	67
2.5	Классификация анафорических выражений	68
2.6	Средства выражения референции	70
2.6.1	Местоимения	70
2.6.2	Личные формы глагола	80
2.7	Выводы	82
3	Грамота в научном освещении	83
3.1	Взаимная грамота в историческом контексте.....	83
3.2	Общие условия создания грамот.....	86
3.3	Жанр.....	88
3.4	Формуляр.....	98
3.5	Грамота – договорная грамота – взаимная грамота	106
4	Формулярный анализ взаимных грамот	111
4.1	Материал	111
4.2	Типы формуляров	114
4.2.1	Филологическая классификация взаимных грамот.....	114
4.2.2	Условный и абстрактный формуляры	115
4.2.3	Конкретный формуляр взаимных грамот.....	116
4.2.4	Индивидуальный формуляр.....	133
5	Коммуникация в среднерусский период	145
5.1	Обозначение участников дискурса	145
5.1.1	Общие замечания	145
5.1.2	Способы строения отношений.....	146

5.1.3	Строение отношений на примере одного документа	152
5.2	Формы множественного числа	175
5.2.1	Количество лиц, участвующих в коммуникации	175
5.3	Выводы	192
	Заключение.....	195
	Summary.....	198
	Streszczenie	201
	Библиография.....	204

Введение

1. Тема, цели и структура работы

Язык – это средство коммуникации. Это утверждение, с одной стороны, является очевидным, можно даже сказать – банальным. С другой, однако, осознание его научной значимости в лингвистике XX в. повлекло за собой огромные изменения в способе анализа языка, который ранее исследовался, прежде всего, с формальной, структуральной точки зрения, и его отношение к действительности и лицам, употребляемым его, в большой степени игнорировалось. Развитие прагматики, лингвистики текста и анализа дискурса принесло результаты в форме огромного количества разработок, посвященных связям между языком и внеязыковым миром.

В последнее время это направление, естественным путем, началось развиваться также в работах историков языка. Правда, дискуссия о способе применения новых методологий в исследовании древних текстов все же продолжается, но все реже задается вопрос об обоснованности их использования. Несмотря на это, *исторический анализ дискурса* (который можно толковать по-разному, как это будет описано в разд. 1.5) все еще достаточно молодая дисциплина, и общее количество древних текстов, особенно русских, подвергаемых такого типа анализу, небольшое.

В настоящей работе будут исследоваться договорные грамоты великих и удельных князей XV–XVI вв., выбранные из сборника *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (Черепнин 1950; далее: ДДГ) по внелингвистическому признаку – наличию двух вариантов одного и того же документа, что позволяет определять их как *взаимные грамоты* – подробно характеризуем их в разд. 3.4. Документы, входящие в состав названного сборника, отражают отношения между князьями в период образования Российского государства. Они представляют собой соглашения между великими и, подчиненными им, удельными князьями. По отношению к историческому состоянию языка того времени употребляем термин *среднерусский язык*, который определяется как «язык великорусской народности, русский язык Московского государства XIV–XVI вв.» (Тарланов 2018). Он происходит от древнерусского языка и наследует в огромной степени его систему, но в нем уже появляются особенности, выделяющие его среди других восточнославянских языков.

Договорные грамоты являлись ранее предметом исторического, правового а также лингвистического анализов, и язык, отраженный в них, довольно хорошо исследован (они часто представляют собой материальную базу работ, описывающих строй древне- и среднерусского языка, напр. Борковский 1949; Стеценко 1972; Борковский, Кузнецов 2006; Зализняк 2008). Однако отсутствуют работы, учитывающие внелингвистический контекст и его влияние на языковой строй документов. Поскольку в языке имеются элементы, интерпретация которых полностью опирается на их отношение либо к другим элементам того же текста, либо к внеязыковой реальности, считаем такого рода анализ нужным. Такими элементами являются местоимения, а также некоторые грамматические категории склоняемых и спрягаемых слов. Взаимные грамоты представляют уникальную возможность проверить, как меняются средства называния лиц, участвующих в коммуникации, в зависимости от личности говорящего (пишущего). Поэтому анализу подверглись те слова, которые обладают грамматической категорией лица: личные и притяжательные местоимения и личные формы глагола.

Главной целью настоящей работы является установление, как названные словоформы применяются в договорных грамотах и каким образом обозначают участников коммуникации. Анализ позволяет проверить, достаточно ли само знание исходного текста, чтобы однозначно приписать референта употребляемым словам, или необходимо отнестись к более широкому контексту других договорных грамот или внеязыковому контексту. Так как грамоты представляют собой документы со строго определенной, повторяющейся (в какой-то степени) структурой, необходимым оказалось также определить формуляр анализируемых текстов. Достижение этой цели позволило отличить повторяющиеся элементы от оригинальных, свойственных только данному тексту или группе текстов.

Настоящая работа состоит из введения, пяти разделов, заключения, резюме на английском и польском языках и списка литературы.

Поскольку языковые средства изучались нами с учетом их коммуникативных функций, это помещало данное исследование в сфере анализа дискурса. Поэтому первый раздел является теоретическим введением в проблематику дискурса и лингвистику текста. В ней описаны научные источники развития этих дисциплин, разные способы толкования главных, употребляемых в них, терминов (дискурс, текст, контекст), а также способы применения достижений этих направлений в анализе древних текстов и связанные с этим трудности. Представленные в этом разделе

концепции, с одной стороны, показывают сложность и многообразие данного научного подхода. С другой, однако, нами подчеркиваются те общие черты всех его подтипов, благодаря которым сам анализ дискурса является применимым в настоящем исследовании.

Во втором разделе продолжается разработка теоретических основ настоящей работы, а именно освещается проблема референции в языке. Анализируя способы обозначения участников дискурса, мы естественным образом исследовали то, как устанавливаются связи между местоимениями и элементами внеязыковой действительности. В разделе толкуются также такие термины как дейксис, анафора, катафора и эллипсис, связанные с функциями местоимений и личных форм глагола.

Третий раздел отводится важнейшим сведениям, касающимся жанровых особенностей грамот вообще и взаимных грамот в частности. Начиная с описания исторических условий создания грамот, переходим к понятию жанра, которое в современной лингвистике набирает новые значения, поэтому пытаемся отнести их к анализируемым нами текстам. В дальнейшей части представляем способы толкования термина *формуляр* и правила *формулярного анализа* Сергея Каштанова. В четвертом подразделе перечисляются затруднения, связанные с применением терминов *грамота*, *договорная грамота*, *взаимная грамота*.

Четвертый раздел – это один из двух разделов, представляющих результаты анализа 25 взаимных грамот. В нем охарактеризован их формуляр, а точнее – разные типы формуляра (условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный). Представление индивидуального формуляра каждой из грамот одновременно указывает, как в отдельных частях пар документов применяются слова, обозначающие участников дискурса, что позволяет объединить их в определенные типы по этому признаку.

Продолжением четвертого раздела, содержащего общие сведения на тему взаимных грамот, является пятый раздел, где подробно описано, как строятся отношения между князьями с применением личных и притяжательных местоимений и личных форм глагола, когда они употребляются в текстах регулярно, а когда их использование имеет нетипичный характер. Предпринимается также попытка объяснить замеченные нерегулярности. Особенное внимание уделяется формам множественного числа, в которых обозначение участников дискурса часто неоднозначно.

Представленные в пяти разделах результаты исследования подводятся в последней части.

В отношении технической стороны построения настоящей работы стоит подчеркнуть, что любые примеры и отрывки из документов записываются согласно печатному изданию ДДГ, однако будут введены небольшие модификации, облегчающие чтение текста. Главные различия между записью в издании ДДГ и употребляемой в нынешней работе следующие:

- скобки, обозначающие раскрытые титла и опущенные знаки, опускаются;
- буквы, записанные курсивом, обозначающие надстрочные знаки в оригинальных текстах, пишутся без курсива.

Кроме указанных выше модификаций, отрывки из текстов будут приводиться точно в такой форме, в какой они представлены в печатном издании ДДГ, с сохранением знаков препинания, добавленных редактором.

2. Взаимные грамоты – специфика материала

В самом начале настоящей работы хотим в общих чертах охарактеризовать языковой материал, который является базой описанного здесь исследования. Только потом обоснованным будет привести теоретические сведения, касающиеся методов, использованных для его анализа. Такой подход можно объяснить, сравнивая работу историка языка с работой археолога, который сначала находит объект исследования и только потом подбирает к нему подходящие инструменты. Так же работает историк языка: исходной точкой для него является всегда языковой материал – текст или группа текстов – для которой подбирает он такие методы исследования, которые будут наиболее эффективными. Именно поэтому мы решили в начале работы представить изучаемый материал, так как это поможет лучше понять выбор применяемых методов исследования и теоретических подходов.

Грамота, в общем, это деловой документ или письмо (частное или официальное) на Руси X–XVII столетий, которое являлось свидетельством на пожалование лицу или общине прав, владений, наград, отличий или о совершении каких-либо сделок, установлении каких-либо отношений (*Большой энциклопедический словарь*: электронный ресурс). Само слово *грамота* является древнерусским заимствованием из греческого языка, а его значение сильно менялось в отдельные периоды времени: оно

могло обозначать просто письмо, но и юридическое письмо или даже письменность в целом (Львов 1966: 88–103). Михаил Николаевич Тихомиров (1940: 11) определяет грамоту как текст распорядительного характера, в отличие от, например, записей, представляющих собой фиксацию условий. По своей теме и предназначению грамоты разделяются на различные типы: духовные (завещания), данные, жалованные, купчие, уставные, договорные и др. Описываемые в настоящей работе тексты – это договорные грамоты или докончания. Подробное описание грамот данного типа будет проведено в подразделе 3.4. Здесь только кратко охарактеризуем их с целью создания основ для дальнейших объяснений специфики объекта настоящего исследования.

В *Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона* договорные грамоты определяются следующим образом:

В XIV и XV веках такими грамотами юридически определялись отношения великих и удельных князей между собою. Практическое значение их было ничтожно, и они всецело могут быть рассматриваемы, как исторический анахронизм; зато научное их значение чрезвычайно высоко, так как в них можно наметить отголоски глубокой старины и встретить множество данных, касающихся и не междукняжеских отношений. (Сторожев, электронный ресурс).

В литературе прежде всего подчеркивается огромное значение договорных грамот как исторического источника (Дебольский 1901; Черепнин 1948: 4–5; Черепнин 1955: 321–327; Белковец 2012: 38–41) и они подвергаются анализу с исторической точки зрения. Грамоты как объект лингвистического исследования будут описаны в разд. 3. Здесь хотим обратить внимание на факт, связанный с условиями, в которых эти документы создавались.

Как правило, договор между князьями составлялся в двух экземплярах. Как описывается это в комментарии к *Памятникам русского права*, «[д]оговаривавшиеся стороны обменивались экземплярами докончания, причем каждая из сторон оставляла у другой стороны экземпляр, исходивший от ее имени» (Черепнин 1955: 322). Таким образом, существовали две, почти тождественные по содержанию, версии одного и того же документа. С юридической или исторической точки зрения, это один и тот же документ, но в двух вариантах. До наших времен не всегда сохранились оба текста и поскольку наличие одного из экземпляров для историка совсем достаточно, так как в нем содержится целая исторически существенная информация, для лингвиста факт

существования двух аналогичных текстов – исключительная база для сравнительного анализа.

Тексты, представляющие собой языковой материал настоящего исследования – это те договорные грамоты, которые доступны в двух вариантах. Определяем их как *взаимные грамоты*. Этот термин употребляем за первым изданием сборника среднерусских документов: *Духовныя и договорныя грамоты князей великих и удельных* под ред. Сергея Владимировича Бахрушина (Москва 1909). В этом издании появляется определение *взаимная грамота*, напр. *Две договорныя взаимныя Грамоты Князя Георгия (Юрья) Дмитриевича Галицкаго и сына его Князя Дмитрия меньшаго, съ Великимъ Княземъ ВАСИЛИЕМЪ ВАСИЛИЕВИЧЕМЪ*. Интересно, что в новейшем издании этого сборника: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, (Москва 1950) данный термин отсутствует, а те грамоты, которые ранее назывались взаимными, стали объединяться под одним общим номером, указывающим на то, что они являются двумя вариантами одного документа, напр. *Докончание великого князя Василия Васильевича*:

- а) Грамота кн. Дмитрия Юрьевича в. кн. Василию Васильевичу,
- б) Грамота в. кн. Василя Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу.

Здесь не будет обсуждаться вопрос правильности такого способа обозначения этих документов, поскольку это проблема скорее технического, чем лингвистического характера. С языковедческой точки зрения существенным представляется рассмотреть документы, которые в обоих изданиях определялись как каким-то образом связанные друг с другом. Эти связи наблюдаются, прежде всего, на уровне их содержания и коммуникативной ситуации, к которой они относятся.

Оба варианта взаимной грамоты практически одинаковы по содержанию. Их отличает друг от друга личность отправителя (автора) и получателя. Каждая взаимная грамота состоит из двух документов: отправитель одной из них является получателем другой и наоборот. Например, упомянутая выше грамота, которую можно бы назвать *взаимной грамотой великого князя Василия Васильевича с князем Дмитрием Юрьевичем* состоит из грамоты, составленной от имени великого князя Василия Васильевича князю Дмитрию Юрьевичу, и из грамоты, составленной от имени князя Дмитрия Юрьевича князю Василию Васильевичу. Сравним два отрывка из этих документов:

а)

А сель ти, брат(е), в моеи отчинѣ и во всем в моем великом княженѣи не купити, ни закладнеи ти в Москвѣ и во всеи в моеи отчинѣ, въ великом княженѣи, не держати. Ни мнѣ, брате, великому кн(а)зю, в твоеи отчинѣ сель не купити, ни закладнеи ми в твоеи отчинѣ не держати.

б)

А сель ми, г(о)с(поди)не, въ твоеи ѡтчинѣ и во всемъ великомъ кн(а)ж(е)нѣи не купити, ни закладнеи ми в Москвѣ и во всеи твоеи ѡтчинѣ, в великомъ кн(а)ж(е)нѣи, не держати. Ни тобѣ, г(о)с(поди)не, княз(ь) великии, в моеи ѡтчинѣ сель не купити, ни закладнеи ти в моеи ѡтчинѣ не держати.

Прежде всего, стоит обратить внимание на полное соответствие грамот по содержанию – они касаются точно одной и той же темы и выражают ее практически одинаковыми языковыми средствами. Зато некоторые различия между ними можно обнаружить в нескольких сферах:

- орфографии: отчинѣ – ѡтчинѣ; всем – всемъ; великом – великомъ;
- употреблении местоимений: ти – ми; моем – твоем; мнѣ – тобѣ;
- названиях лиц, участвующих в коммуникативном акте: брате – господине.

Разницы в правописании свидетельствуют о том, что, хотя документы составлялись в большой зависимости друг от друга, все-таки ни один не является простой копией другого – даже в маленьком отрывке, приведенном выше, видно, что в первом документе составитель всегда записывает *отчина* через *о* и опускает *еры* в конце слов, в то время как во втором *отчина* всегда записана через *омегу*, а *еры* в конце слов присутствуют. Таким образом, мы имеем дело с двумя тесно связанными друг с другом документами, но не с одним и тем же документом в двух копиях. Их можно скорее определить как два варианта, отличающиеся друг от друга.

Различия, которые окажутся в центре нашего внимания в настоящей работе, относятся к двум категориям: 1. различия в употреблении личных и притяжательных местоимений, а также личных форм глагола и 2. различия в употреблении названий лиц. Данные элементы обозначают участников коммуникативного акта – объект настоящего исследования.

Стоит подчеркнуть, насколько уникальным является подвергаемый анализу материал для исследования способов обозначения и называния участников дискурса. Мы имеем дело с серией «двойных текстов», обладающих одинаковым смысловым содержанием, выраженным теми же языковыми средствами (на каждом языковом уровне: морфологическом, лексическом, синтаксическом), то есть текстами, которые

вполне соответствуют друг другу, а отличаются лишь одной чертой: личностью автора и получателя. Кроме того, они относятся к одной и той же коммуникативной ситуации, разделяя такие элементы контекста, как место, время, цель и условия составления. Это создает своего рода «закрытую систему», идеальные условия, в которых представляется возможным проверить, как одно и то же лицо лингвистически проявляется в тексте в зависимости от своей роли в коммуникативном акте.

Для того чтобы такое сопоставление было возможным, необходимо отнести исследуемые тексты к реальной ситуации, в которой они составлялись, то есть учесть контекст их создания. Без этого невозможно было бы сравнивать их отдельные элементы, поскольку каждый из текстов в чисто лингвистическом смысле представляет собой законченное целое, которое не нуждается в пополнении. Однако если отнестись к контексту, можно заметить взаимосвязь, существующую между элементами одного документа, в котором адресат соответствует отправителю в другом документе. Таким способом, в настоящем анализе языковые и неязыковые элементы рассматриваются в совокупности, хотя надо помнить, что в центре исследования находится текст как лингвистическое явление. Учет специфики исследуемого материала обуславливает набор подобранных нами методов исследования и теоретических концепций, на которые мы будем ссылаться в ходе анализа взаимных грамот.

1 Дискурс, текст, контекст

Во введении указывалось на специфику анализируемого в настоящей работе материала и необходимость отнестись к контексту, в котором создавались рассматриваемые тексты. Такой выход за рамки самого текста позволяет причислить данное исследование к области анализа дискурса.

С целью описать любое явление в дискурсивном аспекте стоит, прежде всего, определить, как понимается *дискурсивный аспект*. Это, в свою очередь, обозначает необходимость привести точные дефиниции таких терминов, как *дискурс*, а также *текст*, которые очень тесно связаны друг с другом.

Оба термина относятся к направлениям, возникшим в лингвистике второй половины XX в., когда вырос интерес к анализу сверхфразовых единиц, а также к внелингвистическим факторам, существенным для коммуникации. Это дало начало так называемой *лингвистике текста* и *анализу дискурса*, хотя некоторые авторы обращают внимание на то, что уже раньше – даже в древности – были известны концепции, в рамках которых лингвистическому анализу подвергались целые тексты. По справедливому замечанию Аллы Петровны Миньяр-Белоручевой, «понятие дискурс не является новым, оно восходит к древнегреческой философии, встречается в трудах Томаса Гоббса и Джона Локка, но как парадигмальное явление было осознано только в XX веке, чему не в малой степени способствовал лингвистический поворот» (Миньяр-Белоручева 2015: 8). Автор обращает внимание на факт, что концепции, в какой-то степени связанные с анализом дискурса, существовали в науке с древнейших времен, но только развитие философской мысли в XX в. позволило придать этому термину значимость, включить его в научный оборот, и широко использовать.

Эти явления способствовали развитию интереса к анализу текста и дискурса, которые толковались и до сих пор толкуются по-разному разными учеными. Некоторые авторы употребляют данные термины как синонимы, другие обращают внимание на существующие между ними различия. Эти разногласия будут представлены в следующем подразделе.

1.1 Дискурс

Задача, стоящая перед исследователем, который предметом изучения делает дискурс, представляется очень сложной. Ее трудность заключается не только в сложности самого явления, но также в огромном количестве посвященных ему работ в связи с различным толкованием его сущности. На эту проблему обращают внимание многие авторы (Shiffrin 1994: 2; Макаров 2003: 84; Кожемякин 2008: 11–12).

Дискурс стал одним из наиболее употребительных терминов и получил столь широкое распространение, что в научной литературе можно найти десятки или сотни его интерпретаций. История его возникновения и развития, многочисленные подходы к анализу дискурса, подвергались разработке многими авторами (например: Макаров 2003: 89–99; Кожемякин 2008: 5–12; Paveau, Sarfati 2009: 216–241). Представленная ниже характеристика ни в коей мере не является попыткой полностью описать формирование понимания дискурса. Это лишь начертание общей картины, которая поможет создать методологические рамки для последующего исследования. Стоит отметить, что нашу разработку хотим начать именно с дискурса, а не с понятий, которые на него складываются: текста и контекста. Такая последовательность отражает путь, который проходит исследователь, пытающийся понять суть дискурса как научного термина. История его развития и его современные интерпретации ведут к двум остальным понятиям, которые охарактеризуем позднее.

Значение и способ применения терминов *дискурс*, *анализ дискурса* и других, связанных с ними, существенно изменились (или расширились) с 50-х годов XX в., когда этот термин впервые ввел в научный оборот Зеллиг С. Харрис. Его толкование дискурса как некой сети связанных друг с другом структур (Harris 1952) постепенно насытилось психологическими, социологическими и культурными значениями.

Многоаспектность самого понятия вытекает, между прочим, из того, что оно являлось объектом анализа многочисленных научных дисциплин, напр. лингвистической антропологии, этнографии устной речи и этнографии коммуникации, интерактивной социолингвистики, микросоциологии и социологии языка, разговорного анализа, социолингвистики, теории речевых актов, а также психолингвистики, когнитивной психологии и искусственного интеллекта (Макаров 2003: 90–92). Представители названных дисциплин внесли свой вклад в разработку теоретических основ и практических подходов к анализу дискурса.

Обзор оснований дискурса позволяет уловить суть самого понятия и его сложность. Нижеследующие сведения опираются главным образом на результаты исследований российского ученого, профессора Михаила Львовича Макарова. Сотрудник Тверского государственного университета, автор многочисленных работ, посвященных дискурсу, в книге *Основы теории дискурса* (2003) проводит очень тщательный анализ его развития. Представление главных наблюдений российского ученого является базой для дальнейших рассуждений на тему дискурса.

1.1.1 М. Л. Макаров – основания дискурса

1.1.1.1 Философско-методологические основания дискурса

Отправной точкой М. Л. Макарова для рассуждений на тему дискурса является рассмотрение изменений в теоретических основах языкознания как такового. Автор утверждает, что «[с]оциальные науки сегодня все больше обращаются к языку и дискурсу как методологическому основанию научного анализа» (Макаров 2003: 15). Как известно, в результате таких тенденций начался так называемый лингвистический или дискурсивный поворот в гуманитарных науках.

В новой перспективе меньшую роль играют место и время, в которых произошло общение. Важнее становится то, кто, кому, как, о чем и с какой целью что-то сказал, т. е. человеческое пространство, определяемое коммуникативными, социальными, культурными, межличностными, идеологическими и психологическими факторами. Любые науки, принимающие во внимание некие аспекты человеческой жизнедеятельности, определяются Макаровым как «человеческие» (Макаров 2003: 16).

Новыми объектами анализа в этом подходе являются дискурс и речевой акт, которые существенно меняют отношение к языку, особенно к его коммуникативной функции. Однако интересным представляется замечание Макарова о том, что данный подход можно определить как новый только условно, так как и ранее похожие взгляды (язык как явление, принадлежащее социальной и/или психологической части человеческой деятельности) появлялись в работах российских ученых, напр. Л. В. Щербы (1974: 102), Л. П. Якубинского (1986: 17) (Макаров 2003: 17).

Однако так определенные исследовательские задачи ставят перед языкознанием (и другими науками «человековедения») новую проблему: следовать методологии

и научным теориям естественных наук, как математика и физика, в которых социальные, психологические и коммуникативные явления игнорируются, или следовать методам социальных наук, которые часто критиковались за ненаучность, поскольку человек как объект исследования гуманитарных наук обладает таким же сознанием, как и сам исследователь. Представители «человеческих» дисциплин, конечно, требовали, чтобы они считались научными и следовали методам и подходам естественных наук, несмотря на очевидные различия в объекте анализа. Человек же со всей своей сложной системой жизни требует «особого подхода, особого стиля и способа интерпретации» (Макаров 2003: 16–20).

М.Л. Макаров доказывает, что даже «прагматический бум» второй половины XX в. и признание языку гуманитарного характера не привели к принятию новой онтологии. Язык продолжал анализироваться как некий предмет в пространстве и времени, которым люди пользуются как инструментом. По мнению Макарова, в настоящее время наблюдается смешение двух разных исследовательских подходов – язык как инструмент и язык как действие – которые требуют совсем разных способов анализа и целой методологии. Современная лингвистика, однако, решительно обращается к деятельностному анализу, благодаря чему лингвистические данные могут применяться и в других науках (Макаров 2003: 22–23).

Ввести этот новый подход (исследование языковой системы как части социальных наук) в научные рамки позволяет феноменология. Это философское направление вводит термин *феномен* – предмет человеческого сознания – как базовый объект научного исследования, благодаря чему возможным становится исследование языка в новой перспективе. В ней языковая система и языковой материал являются «ментальными проекциями» и формами «присутствия» феномена речевой деятельности, а коммуникация понимается интерактивно, как «конститутивный фактор социального процесса» (Макаров 2003: 49).

1.1.1.2 Социолого-психологические основания дискурс-анализа

Поскольку благодаря описанным выше изменениям научный интерес исследователей языка обратился к человеку и его деятельности, естественным путем языкознание началось насыщаться теориями из таких наук как социология и психология. Ниже вкратце опишем влияние важнейших научных подходов, представленных Макаровым во второй главе его труда (Макаров 2003: 50–82).

1.1.1.2.1 Символический интеракционизм (СИ)

СИ – это научный подход, родившийся на рубеже XIX и XX вв., который является очень разнообразным. Сосредоточимся на его положениях, касающихся языка и его отношения к другим аспектам человеческой деятельности, особенно коммуникации.

Интерпретативные и символические интеракционисты считают, что интеракция не подвергается общим правилам, а каждый раз создается заново, так как люди строят (главным образом дискурсивно) «собственные ситуативные версии общества». Исследования фокусируются на небольших отрывках человеческой деятельности, особенно текстах нарративного типа. Значения и смыслы, которыми оперируют люди, вырабатываются в ходе социальной интеракции и находятся под сильным влиянием индивидов – их собственных «я», которое является существенным понятием в СИ. Обратим внимание на одну, очень важную мысль, непосредственно связанную с темой нынешнего изложения: «Языковое "Я" наполняет "пустые" дейктические элементы (личные местоимения, грамматические показатели лица, места, времени) значениями, носящими биографический, эмоциональный, истинно личный характер» (Макаров 2003: 53–54). Это показывает огромную связь между языковыми элементами и внеязыковой действительностью, которую опишем ближе в части, посвященной системе местоимений.

1.1.1.2.2 Конструктивизм

Конструктивизм подчеркивает социальный характер самого научного познания. Знание создается и поддерживается в обществе, но необходимо обратиться к индивиду, чтобы его постичь, так как каждый человек действует, исходя из обусловленных контекстом интерпретаций. Человек – это «интерпретирующее существо», которое пользуется интерпретативными схемами с целью поместить данное событие в более широкий контекст и понять его смысл. Поскольку люди не обладают идентичными схемами, «общая социальная реальность» создается путем «переговоров смысла». Коммуникация, в свою очередь, определяется как частный случай интеракции.

В общих чертах, конструктивизм представляет значение и смысл как когнитивные явления, что позволяет изучить индивидуальные интерпретации. Однако

обращается внимание на невозможность верификации существования когнитивных структур и некие недостатки теории и методологии. Несмотря на это, указание значения индивида как части общества в процессе интерпретации действительности является существенным достижением этого направления.

1.1.1.2.3 Социальный конструкционизм (СК)

СК отличается от других теоретических подходов к изучению коммуникации тем, что в языке видит место создания, а не отражения социальных отношений и проекции «Я». Поэтому личности и человеческие сообщества конституируются в процессе общения – дискурсивно и интерактивно (Mokros 1996: 5). СК на первый план выдвигает не когнитивные аспекты коммуникации и восприятие действительности, а их социальные аспекты и действие.

Сама же коммуникация является «первичным социальным процессом», а не чем-то дополнительным для другого действия. Из семи программных тезисов об отношении СК к проблемам языка и речевой коммуникации перечислим самые важные для нынешнего исследования мысли:

- высказывание имеет смысл только «в потоке» других высказываний;
- контекст разговора постоянно меняется, так как новые высказывания создают новые смыслы;
- только такие категории как *социолект*, *речевые жанры* и т. п. позволяют объяснить, как отдельные дискурсы организуют социальную жизнь.

Указанные выше главные положения СК сосредоточивают внимание на ключевой роли языка и коммуникации в обществе.

1.1.1.2.4 Теория социальных представлений (ТСП)

ТСП берет свое начало в работах Эмиля Дюркгейма, который разграничил индивидуальные и коллективные представления в социологии. Сам термин *социальные представления* ввел в научный оборот Серж Московичи в начале 60-х годов. На ТСП влияла также идея З. Фрейда об интериоризации. В общих чертах, социальные представления – это специфическая форма познания, которая помогает индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире, и делает возможной коммуникацию, предоставляя способ именовать различные аспекты жизни.

Превратить новое и незнакомое в «свое» и понятное помогают два механизма:

- анкоринг, суть которого заключается в интегрировании новых феноменов в рамки уже существующего мировоззрения и известных категорий;
- объективизация, в которой абстрактное превращается во что-то конкретное и, тем самым, более понятное.

Оба процесса возможны благодаря более широкому контексту, к которому может отнестись индивид, и который функционирует в сфере социальных знаний.

1.1.1.2.5 Дискурсивная психология (ДП)

ДП появилась как ответная реакция на невозможность принимать психологией методологию естественных наук, так как она неотъемлемо связана с исследованием человека. Поэтому психология обратилась к методам дискурс-анализа, создавая дискурсивную психологию. Ее рождение связано и с развитием когнитивистики и самим дискурсивным поворотом, и с изменениями в социальных науках вообще.

Анализ дискурса, рассматриваемого как «социальная деятельность в условиях реального мира», позволил психологии преодолеть методологические затруднения, благодаря обращению в сторону анализа устных и письменных высказываний, истинно созданных людьми. Кроме того, дискурс-анализ более подробно исследует социальную сторону общения, чем традиционная лингвистика, учитывая личность говорящего. Анализирует также процесс создания высказывания и риторические структуры в текстах, одновременно уделяя внимание когнитивным аспектам общения. Это и позволило психологии впитать в себя некие элементы дискурс-анализа, тем самым приводя к созданию ДП, которая – по словам М.Л. Макарова (2003: 82) – ближе к лингвистике, анализирующей языковые аспекты общения, чем к традиционной психологии.

1.1.1.2.6 Основания дискурса – подведение итогов

Представленный выше обзор научных подходов, развитие которых влияло на формирование дискурс-анализа, показывает сложные условия, в которых оно происходило. Изменения в области толкования самой научности, как и новое определение объекта исследования гуманитарными науками, позволили выработать оригинальные способы анализа в тех дисциплинах, которые изучали разные аспекты

человеческой жизни. В этой перспективе меняется и языкознание, так как языку все чаще признается психологический, когнитивный и, прежде всего, социальный характер.

Язык уже не рассматривается как инструмент, которым пользуются люди. Тогда он мог бы просто исследоваться как почти физический объект в рамках методологии естественных наук. Признание ему более «человеческого» измерения, с одной стороны, вызывает затруднения теоретического и методологического характера, с другой, однако, открывает перед языкознанием совсем новые перспективы и позволяет расширить и усовершенствовать свой анализ. Язык употребляется теперь среди таких понятий как коммуникация, интеракция, контекст, а дальше: мышление, знания, общество.

Популярность самого термина *дискурс* в сегодняшних исследованиях показывает, что языкознание решительно выбрало путь науки, которая сильно связана с социальными и психологическими аспектами человеческой деятельности. Однако такое расширение научных рамок привело и к огромному количеству способов толкования самого *дискурса*, различных способов его практического применения, теоретических и методологических основ. Сам М. Л. Макаров в дальнейшей части своего изложения перечисляет 12 общих подходов к изучению дискурса (94–95). Часть из них охарактеризуем более подробно, основываясь на работе Деборы Шиффрин *Approaches to Discourse* (Schiffrin 1994).

Д. Шиффрин – это известная американская исследовательница, занимающаяся вопросами анализа дискурса и социолингвистики. Кандидатскую диссертацию защитила под научным руководством Уильяма Лабова. Среди ее важнейших трудов стоит указать: *Discourse markers* (Schiffrin 1988), *Language Change and Variation* (Schiffrin 1989, ред.), *The handbook of discourse analysis* (Schiffrin 2015, ред.). В 1994 году Д. Шиффрин издала работу синтетического характера *Approaches to Discourse*, которая является попыткой собрать сведения о дискурсе и различных способах его толкования и применения в науке. Подробное описание разных подходов к дискурсу почти тридцатилетней давности является хорошей отправной точкой для рассуждений на тему его современных интерпретаций.

1.1.2 Д. Шиффрин– 6 подходов к дискурсу

Дебора Шиффрин выделяет два главных подхода к анализу языка, из которых вытекают разные способы понимания дискурса: формальный и функциональный (Schiffrin 1994: 20–22).

Формальный (или структуральный) подход в центре исследования ставит язык без связи с внелингвистической реальностью, анализ «кода» важнее в нем от анализа «употребления».

В функциональном анализе намного больше внимания уделяется взаимосвязям между «кодом» и «употреблением» языка, язык исследуется как социальное явление. Анализ основывается на двух главных предположениях: 1) у языка есть функции, выходящие за рамки языковой системы; 2) внешние функции языка влияют на внутреннюю организацию языковой системы.

Согласно формальному подходу, дискурс понимается как «язык единиц больших, чем предложение» (Stubbs 1983: 1) и разные его элементы анализируются исключительно по отношению друг к другу. Это противоположность функциональному подходу, в котором исследуются взаимосвязи между языком и контекстом. Следуя функциональному подходу, дискурс определяется как «исследование любых аспектов употребления языка» (Fasold 1990: 65), а сам язык анализируется в связи с функциями, которые он выполняет в процессе коммуникации (Schiffrin 1994: 23–24).

Д. Шиффрин (Schiffrin 1994: 39–41) предлагает третий способ понимания дискурса: дискурс – это высказывания, т. е. совокупность помещенных в контексте отрывков употребления языка, из которого следуют две главные цели анализа дискурса:

- «синтаксическая цель» – исследование правил, по которым организуются высказывания;
- «семантическая или прагматическая цель» – исследование того, как организация дискурса в определенном контексте позволяет людям воспринимать содержание сказанного и как одно высказывание влияет на коммуникативное содержание другого.

В общем, в зависимости от принимаемого подхода (формального или функционального) в центре исследования находится либо структура дискурса, либо интерпретация его значения и употребления.

Стоит подчеркнуть, что замечания Д. Шиффрин позволяют объединить оба подхода, не указывая их как противоположные, а как исследующие одно и то же явление с разных точек зрения. Автор – по нашему мнению, справедливо – утверждает, что формальный и функциональный подходы взаимосвязаны (Schiffrin 1994: 42).

Дебора Шиффрин во второй части своего труда *Approaches to Discourse* (Schiffrin: 4–334) представляет шесть главных подходов к дискурсу: теорию речевых актов, интеракционную социолингвистику, этнографию коммуникации, прагматику, конверсационный анализ и анализ вариации. Опираясь на важнейшие части этого тщательного анализа американской исследовательницы, опишем различия в толковании термина *дискурс* и способах его анализа.

1.1.2.1 Теория речевых актов (ТРА)

Разработанная английским философом языка Джоном Остином (начиная с его известного труда *How to do things with words*, 1962) и американским философом Джоном Серлом в 60-е годы ТРА не была создана как средство анализа дискурса, но ее основные положения применялись учеными, занимающимися анализом дискурса (напр. Labov, Fanshel 1977). В ее основе лежит убеждение о том, что язык служит исполнению действий, т. е. внимание уделяется его коммуникационным функциям, выполняемым не предложениями, а высказываниями, в которых выделяются три составляющие: локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акты (Schiffrin 1994: 50).

ТРА, теоретические основы которой положены Остином, развил Джон Серл, утверждая, что речевой акт, будучи базовой единицей коммуникации, непосредственно связан с языком и значением, и поэтому его изучение принадлежит лингвистике. Согласно ТРА Остина и Серла, люди могут производить действия благодаря языку, потому что они обладают составом правил, принадлежащих языковой компетенции, но для их применения необходимо также понимание внеязыкового контекста (Schiffrin 1994: 54–55).

Одновременно, автор приводит аргументы против употребления положений ТРА для анализа дискурса, например, ее слишком большую сосредоточенность на правилах образования языковых структур (Taylor, Cameron 1987). Сам Серл (Searle 1989) писал, что в анализе дискурса важнее цели говорящего, чем объективные условия и условия успешности речевого акта (*felicity conditions*).

1.1.2.2 Интерактивная социолингвистика (ИС)

ИС – это подход, вырастающий из трех научных дисциплин: антропологии, социологии и лингвистики, и поэтому затрагивающий вопросы культуры, общества и языка. На ее развитие повлияли: лингвист-антрополог Джон Гумперз, который объяснил, как люди, обладающие общими грамматическими знаниями, могут по-другому контекстуализировать сказанное и, впоследствии, по-другому понимать высказывания; Ирвинг Гофман, социолог, показавший как определенные социальные условия влияют на язык, его значение и структуру (Schiffrin 1994: 97).

Хотя разработки обоих ученых принадлежат разным дисциплинам – антропологии и социологии и, тем самым, фокусируются на связях языка с разными феноменами – культурными и общественными, их объединяют два главных вопроса: отношения между индивидуумом и другими, а также отношения между индивидуумом и контекстом (Schiffrin 1994: 105).

Согласно ИС, дискурс – это социальная интеракция, в которой употребление языка способствует созданию высказывания и его значения. Ключевым элементом этого подхода является контекст, из которого вытекает данное употребление языка. По словам Д. Шиффрин, «язык и контекст формируют друг друга» (пер. МВ.): язык не только функционирует в контексте, но также создает его (Schiffrin 1994: 134).

1.1.2.3 Этнография коммуникации

Этот подход к дискурсу, созданный на основе этнографии и лингвистики, был разработан главным образом Деллом Хаймсом (Hymes 1964). По словам Д. Шиффрин, это «самый объемный» способ анализа дискурса, который ищет совсем новые методологии и теории, избегая применения достижений других научных дисциплин в изучении языковых явлений.

Этнография коммуникации, согласно своему названию, исследует то, что объединяет лингвистику и этнографию – коммуникацию. Она представляется в этом подходе как существенная часть обеих дисциплин. Только в процессе коммуникации можно исследовать употребление языка не как абстрактную компетенцию, а как реальную, именно – коммуникативную. С другой стороны, язык является неотъемлемой частью культуры, так как и другие области знаний и умений человека.

Несмотря на это, неотъемлемой частью в большой степени игнорировалась как этнографами, так и лингвистами до 70-х годов (Schiffrin 1994: 137–141).

Итак, подход этнографии речи к дискурсу можно определить как исследование структур и функций коммуникации, организующих употребление языка в определенных ситуациях, событиях. Язык в этом подходе – лишь один из элементов, формирующих значение вместе с культурными факторами (Schiffrin 1994: 142).

1.1.2.4 Прагматика

Прагматика – это наука, охватывающая очень широкую часть знаний из-за объемных понятий, которые исследует: значение, контекст, коммуникацию. Современные авторы считают ее главной задачей исследование отношений между знаками и их пользователями (Schiffrin 1994: 190–191).

В область прагматики включается также часто референция как процесс, охватывающий говорящих, их намерения, действия и знания. Референция была также определена как акт речи (Searl 1969) или «коллаборативный процесс» (Clark, Wilkes-Gibbs 1986). Референцию стоит исследовать не как отдельные слова и выражения, а как их последовательную цепочку и таким образом анализировать, как она начинается и продолжается. Такой подход позволяет включить референцию в область анализа дискурса (Schiffrin 1994: 197–202). Саму референцию рассмотрим ближе в разд. 2.

В контексте прагматики, особенно в понимании Герберта Пола Грайса (Grice 1957), дискурс толкуется как текст, контексты которого (включая когнитивные, социальные и лингвистические контексты) позволяют интерпретировать значение говорящего в высказывании. Итак, прагматика Грайса дает состав правил, которые ограничивают выбор говорящего в тексте, и позволяют слушателю понять его коммуникативные интенции (Schiffrin 1994: 227).

1.1.2.5 Конверсационный анализ (КА)

КА сильно связан с социолингвистикой и берет свое начало в работах американского социолога Харолда Гарфинкела, разработавшего подход, известный как этнометодология. В своем интересе к социальному порядку и тому, как язык создает контекст и сам им создается КА напоминает интеракционную лингвистику, а по отношению к человеческим знаниям как существенному элементу коммуникации –

этнографию коммуникации. Все три подхода к дискурсу объединяет также точный анализ последовательных высказываний. КА, однако, обладает своими собственными методологическими положениями.

С этнометодологией КА связывает: отношение к знаниям и действиям как взаимообразующимся; подчеркивание роли участников коммуникации и их понимания ее условий как обязательного фактора достижения «социального порядка», из чего вытекает избежание «идеализации» и нахождение «типификации», создаваемых в интеракции. В этом подходе язык – одна из типификаций, продукт правил и систем коммуникации.

Также трактовка КА контекста основывается на этнометодологии – каждое высказывание помещается не только в контексте социальных отношений, но и в контексте других высказываний. Таким образом, каждое высказывание формируется раннее созданным контекстом и само дальше его формирует (Schiffrin 1994: 232–235).

В общих чертах, КА, как подход к дискурсу, исследует способы, какими участники дискурса создают систематические решения повторяющихся организационных проблем разговора. Наличие этих проблем вытекает из этнометодологических поисков знаний, которые создают чувство порядка и нормальности в повседневном поведении (Schiffrin 1994: 239).

1.1.2.6 Анализ вариации (АВ)

Это единственный подход к дискурсу, который берет свое начало исключительно в лингвистике, прежде всего в анализе изменений в языке и влияния социальных и лингвистических факторов на вариации в способах высказывания. Как теоретические, так и методологические основы АВ положены Уильямом Лабовом (Schiffrin 1994: 282–287).

Базовой единицей в АВ являются устные нарративы. В этом подходе больше внимания уделяется отдельным отрывкам текста или даже предложениям, исследуя их в большей независимости друг от друга и от других текстов, чем в случае ранее описанных подходов. Все-таки, они исследуются в социальном контексте и АВ доказывает, что когерентность в интеракции не вытекает исключительно из поверхностной языковой формы, но она сильно связана с акциями и реакциями участников. С целью исследовать их предлагается «всесторонний анализ дискурса»,

в котором значение сказанного расширяется информацией о знаниях участников, их социальном статусе и т. п. Таким образом возможно описать, как говорящий влияет на слушающего.

АВ может фокусироваться как на целом тексте, так и на его отдельных отрывках или даже словах, их грамматических формах и произношении. Углубленный анализ языковых единиц в АВ является обязательным для понимания целого процесса коммуникации.

По словам Д. Шиффрин, «вариационный подход к дискурсу основывается на социально реалистической лингвистике». Он анализирует реальные, не теоретические отрывки языка и употребляет квантитативные методы для проверки своих гипотез (Schiffirin 1994: 290–293; пер. МВ).

1.1.2.7 Различия и сходства

Описанные выше подходы представляют разные способы толкования и анализа дискурса. Несмотря на различия в методологии, главных положениях и явлениях, находящихся в центре исследования, все подходы объединяет трактовка языка как средства социальной интеракции (Schiffirin 1994: 414). Именно этот фактор отличает анализ дискурса в общем от других способов языкового анализа. Исследуя дискурс, исследуем не абстрактные формы, выражения, предложения, а реальные высказывания, встроенные в контекст.

Исходя из этого, можно установить 6 принципов, которые объединяют все подходы к дискурсу. Перечисляем их за Д. Шиффрин (Schiffirin 1994: 416; пер. МВ):

1. Анализ дискурса эмпиричен и основывается на данных, полученных в результате исследования реальных употреблений языка.
2. Дискурс не ограничивается последовательными языковыми единицами. Чтобы понять связность, необходимо учесть больше факторов, чем лингвистическую форму и значение.
3. Лингвистические формы и значения объединяются с социальными и культурными значениями и интерпретационными рамками, чтобы создать дискурс.
4. Структуры, значения и действия повседневного дискурса достигаются интерактивно («are interactively achieved»).
5. Высказывания создаются и интерпретируются в локальном контексте других высказываний.

6. Выбор определенных языковых средств делается говорящими по отношению к следующим факторам:

- интенциям говорящего;
- конвенционным стратегиям, позволяющим узнавать интенции;
- значениям и функциям языковых средств в рамках формирующегося их контекста;
- последовательному контексту других высказываний;
- свойствам модуса дискурса, напр. повествования, дескрипции, экспозиции;
- культурным рамкам убеждений и действий.

Труд Д. Шиффрин, изданный в 1994 г., – это одна из многих работ, целью которых является упорядочение сложной картины анализ-дискурса, указание главных способов толкования самого термина и способов его практического применения. Несмотря на это, в позднее изданных разработках (и совсем современных) не прекращается дискуссия о значении термина *дискурс*.

1.1.3 Дискурс в академическом пространстве 2009

Разные значения терминов *текст*, *дискурс*, *высказывание* и их взаимосвязи являлись предметом интереса круглого стола *Дискурс в академическом пространстве*, проведенного в Минске в 2009 году. Первая из четырех частей семинара была посвящена исключительно различным способам толкования названных терминов. Дорота Бжозовска, сотрудник Опольского университета (Бжозовска 2010: 10–11), анализируя коллокации термина *дискурс*, указывает на многозначность термина как в общем, повседневном смысле, так и в узком, научном. Томаш Пекот из Вроцлавского университета (Пекот 2010: 14–15) выделяет три главных способа понимания дискурса:

- дискурс как нечто абстрактное – система норм, правил, ограничений или поведенческих моделей, которые определяют рождение коммуникации (текстов);
- дискурс как нечто конкретное и особое – текст, погруженный в контекст или коммуникативное событие;
- дискурс как нечто конкретное и общее – последовательность текстов, объединенных неким началом (адресантом, жанром, проблематикой, и т. п.).

Автор дает предпочтение первому из них и определяет дискурс следующим образом:

высшая единица (знак) в структуре коммуникации. Она (он) рождается в социальной среде (группе) как результат взаимодействия ее членов, но, лишь только появившись на свет, оказывает непосредственное влияние на коммуникативное (речевое) поведение данной социальной группы.

Одновременно Т. Пекот констатирует, что «в такой подаче дискурс лучше называть интерпретативными фреймами, т. е. тем, что используется представителями этой группы для понимания и коммуницирования реальности».

Анна Маркович (Маркович 2010: 16), в свою очередь, утверждает, что

дискурс определяет реализацию типов дискурсных практик. (...) Таким образом, дискурс-анализ представляет собой моделирующее описание-реконструкцию принципов и целей коммуникации, выявляемых в содержании дискурсных практик определенного типа, что позволяет выявить специфику функционирования и реализации этих практик.

Названная исследовательница считает, что дискурс не тождествен тексту, но «шире его».

В свете вышеизложенного интересным является замечание российской ученой Татьяны Скребцовой (Скребцова 2010: 18) о том, что «[в]озможно, нам и не нужно стремиться выработать какое-то единое понимание дискурса, а всякий раз следует исходить от того материала, который мы анализируем».

В названной публикации указываются вопросы, которые могут решаться при использовании дискурс-анализа: вербальный юмор (Бжозовска 2010: 26), межкультурные отношения (Сарновски 2010: 26–27), структурный, прагматический и языковой уровни политических теледебат (Поправа 2010: 27–31), дискурс переговоров – бизнес-коммуникация (Курчак 2010: 31–32) и другие. Стоит подчеркнуть, что указанные сферы исследований охватывают, прежде всего, устную речь.

Примеры толкований дискурса и описание сфер его применения, сделанное на основе названного круглого стола, показывают, по нашему мнению, скорее

увеличивающийся размыв, чем конкретизацию понятия. Т. Пекот отдает предпочтение определению дискурса как абстрактной системе норм, одновременно предлагая «интерпретативные фреймы» как более подходящий термин. Другие авторы перечисляют отдельные вопросы, которые могут решаться при использовании дискурс-анализа, но их разнообразность опять скорее осложняет, чем облегчает возможность четко разграничить сферы употребления этой методологии. В свою очередь предложение Т. Скребцовой о постоянной выработке понимания дискурса в зависимости от анализируемого материала может привести, считаем, исключительно к хаосу и потере научного характера, так как каждый ученый пользовался бы тогда тем же термином в разном значении.

1.1.4 3 онтологии – классификация Петра Цапа

Еще одну попытку упорядочить сложную картину анализа дискурса делает П. Цап (Cap 2019). Польский автор, во-первых, приводит дефиницию Аниты Фетцер: исследование дискурса – это, прежде всего, качественный метод анализа, в котором исследуются значения, созданные употреблением языка и коммуникацией, контексты и процессы этих значений, и практики, вызванные этими значениями (Fetzer 2018). Отдельные подтипы дискурса исследуют более подробно, например, связность языковой стороны коммуникации, интертекстуальность значений, связи между жанрами и дискурсами в интеракции или более широкие ситуации в историческом или социальном контексте (Cap 2019: 109). Это краткое описание, приведенное П. Цапом, следующий раз показывает огромную разновидность анализа дискурса.

Автор, однако, указывает на три главные онтологии, к которым можно отнести все подходы к дискурсу:

- дискурс как текст;
- дискурс как дискурсивные практики;
- дискурс как социальные практики.

Первая из них основывается на теории семиотики Фердинанда де Соссюра и Майкла Халлидея, поэтому сосредоточивается на языковых свойствах дискурса: фразах, связности, структуре текста, употреблении прямой и косвенной речи и др. В общих чертах, в этом подходе исследуются главные аспекты производства, интерпретации и формальных свойств текста.

Вторая онтология включает в себя процессы производства, дистрибуции и употребления текста и занимается вопросами историчности, интертекстуальности и интердискурсивности дискурса.

Третья затрагивает вопросы идеологии, гегемонии и согласия, власти и знаний и определяет дискурс как средство создания, поддержания и трансформации социального статус-кво.

Интересным является замечание П. Чапа о том, что исследование дискурса – это в сегодняшнем мире огромная «индустрия», которая питается ежедневными социополитическими происшествиями и необходимо следить за тем, чтобы дискурс остался научно чистым и независимым от политики (Сар 2019: 124). Считаем, что такая угроза касается, прежде всего, исследований, веденных по третьей онтологии, которая по своей природе затрагивает вопросы власти и идеологии, тем самым существенно отличаясь от остальных способов толкования и анализа дискурса.

1.1.4.1 Дефиниции дискурса и текст

Охарактеризовав главные тенденции в употреблении термина *дискурс*, рассмотрим еще примеры дефиниций из работ разных исследователей (перевод дефиниций из работ польско- и англоязычных: МВ):

- Дискурс: фрагменты языка, воспринимаемые как значимые, унифицированные и целенаправленные (Cook 1989: ix);
- Я оставляю термин дискурс для обозначения интерпретации коммуникативного события в контексте (Nunan 1993: 6–7);
- Таким образом, наш взгляд на язык фокусируется, где это уместно, на полных устных и письменных текстах, а также на социальных и культурных контекстах, в которых действует такой язык. Это взгляд на язык, основанный на дискурсе (McCarthy, Carter 1994: 1);
- Дискурс – это то, что производитель текста имел в виду под текстом и что текст означает для получателя; комплекс коммуникативных целей (Widdowson 2007: 6);
- Слоган «дискурс» охватывает весь акт коммуникации как совокупность факторов, составляющих своего рода систему контроля функционирования языка. (...) Дискурс здесь охватывает весь данный акт коммуникации, то есть как

конкретную вербализацию (текст), так и экстралингвистические факторы, которые его сопровождают, т. е. в первую очередь конкретную ситуацию использования и ее участников (Duszak 1998: 89);

- Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» (Арутюнова 1990; электронный ресурс).

Как показывают приведенные выше определения, а также некоторые из ранее описанных подходов, в дефинициях дискурса ученые часто употребляют слово *текст*. И хотя между отдельными определениями обнаруживаются многие различия, они показывают, что дискурс понимается как термин более широкий, чем текст. Жан-Мишель Адам (Adam 1990: 23) представил данную взаимосвязь в упрощенной форме:

дискурс = текст + условия словесной продукции

текст = дискурс – условия словесной продукции

Этот подход, однако, определяет дискурс с помощью термина текст, который также требует более подробных объяснений.

1.2 Текст

1.2.1 Общие сведения

Во второй половине XX в. имел место не только названный ранее дискурсивный поворот. Тогда было положено также начало исследованиям, которые в систематизированном виде занимались единицами большими, чем предложение – текстами. Однако точное определение того, чем является текст и какова его характеристика, до сих пор окончательно не разработано. На этот раз обсуждение терминологических затруднений начнем с приведения дефиниций разных авторов (перевод дефиниций из работ польско- и англоязычных: МВ):

- Текст: фрагмент языка, интерпретируемый формально, без контекста (G. Cook 1989: 158);
- В этой книге я буду использовать термин *текст* для обозначения любой письменной записи коммуникативного события. Само событие может включать устную (...) или письменную (...) речь (Nunan 1993: 6–7);
- текст – реальное использование языка, отличное от предложения, которое является абстрактной единицей лингвистического анализа (Widdowson 2007:4);
- 1. конкретный объект, используемый для передачи информации на абстрактном языке; 2. физический продукт коммуникативной ситуации (Saloni 1993: 595).

Определения Гая Кука и Дэвида Нунана толкуют текст как языковую сторону коммуникации, лишенную контекста, и опосредованно контрастируют его насыщенному контекстом дискурсу. Дефиниции Генри Уиддоусона и Зыгмунта Салони обращают внимание скорее на контраст между реальностью текста и абстрактностью других языковых единиц. В научной литературе часто подчеркивается также субъективный характер восприятия текста и его (семантическая и/или формальная) законченность, при одновременной нехватке объективных средств, позволяющих эту законченность однозначно определить.

Определяя термин *текст* в контексте дискурса, стоит также подчеркнуть, что многие исследователи объединяют их в одно понятие. Барбара Бонецка, например, (Bartmiński, Boniecka 1998: 45–62), анализируя употребление терминов *текст* и *дискурс* разными авторами, констатирует, что они синонимичны, и в своей статье употребляет лишь слово *текст*, *дискурс* считая избыточным.

Другие авторы более подробно анализируют условия, которые должен выполнять «фрагмент языка», чтобы являться текстом. Роберт де Богранд и Вольфганг Дресслер, в своем труде *Einführung in die Textlinguistik* (Beaugrande, Dressler 2002 [1981]: 20–30;) приводят следующие черты текста:

- когезия (способ образования поверхностной структуры текста),
- когерентность (содержательные взаимосвязи в тексте),
- интенциональность (коммуникативные намерения автора),
- воспринимаемость (настроенность получателя на восприятие текста обладающего значением),
- информативность (предоставление новой информации),
- ситуативность (благодаря которой текст является «подходящим» к ситуации, в которой он выступает),
- интертекстуальность (соотнесенность данного текста с другими текстами).

Ежи Бартминьски и Станислава Небжеговска-Бартминьска, в свою очередь, кроме абстрактных черт текста, выработанных лингвистами, приводят перечень характеристик, «интуитивно» приписываемых тексту «обычными» носителями языка (в данном случае польского) (Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2009; пер: МВ):

- субъектность (соотнесенность текста с создателем / отправителем),
- направленность к получателю,
- интенциональность (внутренняя цель, определенная отправителем),
- насыщенность стилистическими и жанровыми чертами,
- линейность (вытекающая из секвенционного характера звуковой материи),
- структурная интегральность (определение пределов текста и его внутренняя сегментация),
- связность содержания (логическая и семантическая),
- информативность (присутствие темы и ремы),
- ситуативность (связь текста с коммуникативной ситуацией, т. е. более близкими и далекими обстоятельствами, особенно во временном и пространственном смысле),
- предрасположенность к обработке, т. е. способность входить в различные интертекстуальные отношения.

Не описывая подробно очевидных различий между двумя представленными перечнями, отметим только те черты, которые Бартминьским и Небжеговской-Бартминьской определяются как «ядро стереотипа» текста:

- интенциональность (внутренняя цель, предположенная автором);
- насыщенность стилистическими и жанровыми чертами;
- линейность;
- структурная интегральность;
- связность содержания;
- информативность.

Приведем еще определение текста, авторства Ильи Романовича Гальперина, которое российский ученый Евгений Андреевич Колядин, называет «классическим (...) в отечественной лингвистике текста»:

Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка), и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку (Гальперин 1981: 18, цит. по: Колядин 2012: 60).

Названные характеристики текста частично совпадают с указанными раньше, хотя замечания формального характера (напр. присутствие заголовка) в современных разработках встречаются редко.

Подытоживая общие сведения о способах толкования термина текст, приведем слова русских исследовательниц, Елены Самуиловны Кубряковой и Ольги Викторовны Александровой:

В настоящее время общепринятым в лингвистической науке является разграничение понятий дискурс и текст на основе противопоставления процесса речевой деятельности и её результата. Дискурс понимается именно как процесс речепроизводства, текст ассоциируется как результат этого производства (Кубрякова, Александрова 1997: 19).

Разграничение такого типа широко распространено в современной науке, но подробные способы его толкования в разных научных подходах могут значительно отличаться друг от друга.

1.2.2 Д. Шиффрин – 6 подходов к тексту

В описанных в разделе 1.1.2 подходах к дискурсу употребляется также термин *текст*. Д. Шиффрин указывает различия между подходами в их трактовке текста, выделяя две главные группы: 1. анализ «высказывания» или 2. анализ «высказываний» как совокупности.

К первой группе относятся прагматика и теория речевых актов. Они, конечно, включают языковой материал в сферу своего анализа, но сосредоточиваются на отдельных высказываниях и их функциях. Поэтому, вопросы связности текста и способов объединения отдельных высказываний для того, чтобы создать одно целое, не находятся в центре исследования этих подходов (Schiffirin 1994: 383).

Все остальные подходы к дискурсу анализируют «высказывания». Интеракционная лингвистика изучает не только влияние контекста на текст, но и то, как сам текст создает контекст – одни высказывания вытекают из предыдущих и ведут к следующим. Похожим образом исследуется сторона коммуникации в этнографии коммуникации, причем здесь еще больше внимания уделяется связи между текстом и контекстом, так как в понимании этнографии коммуникации язык глубоко погружен в культуру, и они неразрывно связаны друг с другом. Конверсационный анализ и анализ вариации, в свою очередь, представляют текст как тип контекста, причем анализ вариации видит языковую сторону коммуникации как нечто более независимое от внеязыковых факторов, в отличие от конверсационного анализа, согласно которому значение постоянно активизируется в высказывании и зависит от контекста (Schiffirin 1994: 382–383).

Понятием, которое часто встречается в вышеуказанных очерках и других научных разработках, посвященных дискурсу и коммуникации, является контекст. И хотя его значение в общем смысле может казаться точным, задача придать ему четкие научные определения представляется не менее сложной, чем в случае ранее описанных терминов.

1.3 Контекст

1.3.1 Контекст и конситуация

Принимая во внимание указанные выше дефиниции, одну из главных тенденций в употреблении терминов *текст* и *дискурс* можно (продолжая схематическую модель Адама) представить следующим образом:

дискурс = текст + контекст

Такой подход, в рамках которого «условия» дискурса определяются как «контекст» можно обнаружить у многих авторов (напр. Fox 1995: 1; Brown, Yule 1993: 25). Данный термин употребляется также Д. Нунаном (Nunan 1993: 8), причем автор разделяет его на контекст лингвистический и внелингвистический. Это распределение представляется нам ключевым, поскольку благодаря ему оба этих термина можно отнести соответственно к двум разным терминам: к тексту и дискурсу. Так называемый лингвистический контекст можно исследовать только в тексте, если понимать текст как нечто принадлежащее исключительно языку. Следовательно, лингвистический контекст – это слова, выражения, предложения и целые абзацы во всей их совокупности, предшествующие и последующие другим словам, выражениям и т. д. в рамках одного текста. Внелингвистический контекст, в свою очередь, будет включать в себя «условия создания текста», т. е. будет касаться не столько исключительно текста, сколько целого дискурса. Такое терминологическое разграничение обнаруживается в работах некоторых польских и российских ученых.

В труде *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* (Polański 1993) вводятся два термина: языковой контекст – элемент или совокупность элементов, выступающих в тексте непосредственно перед данной единицей (...) и непосредственно после нее (Saloni 1999: 313; перевод – МВ), и конситуация – условия, в которых проходит данный акт речи (Polański 1999: 313; перевод – МВ). Приведенные дефиниции позволяют полностью соотнести их с лингвистическим и внелингвистическим контекстом Д. Нунана. Мы считаем необходимым, однако, ввести два замечания. Во-первых, языковой контекст предлагаем понимать не только как элементы, выступающие непосредственно перед данной единицей языка или после нее, но выступающие в любой отдаленности от нее в рамках текста. Во-вторых, конситуацию необходимо отнести не только к условиям создания устного высказывания, но и к условиям создания письменного текста.

Такое понимание терминов *контекст* и *конситуация* в русскоязычных исследованиях обнаруживается, например, в работе О. Кафковой (Кафкова, Золотова 1979: 236–247). *Конситуация* толкуется также подробно в словаре-справочнике *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)* как «экстралингвистическая ситуация общения, условия общения и его участники» (Смолина 2014: 258). В том же источнике *контекст* определяется как «связанность элементов некоего фрагмента текста, речи, реальности; текстуальное окружение какой-л. языковой единицы, среда, фон» (Бернацкая 2014: 262). Термин *конситуация*, однако, отсутствует в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* (электронный ресурс). В нем истолкован лишь термин *экстралингвистический контекст*, сопоставленный с *собственно лингвистическим*, а сам контекст определяется как «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» (Торсуева: электронный ресурс).

Итак, хотя применение двух терминов: *конситуация* и *контекст* позволяет четко определить рамки исследования – ограничивается ли оно текстом (проводится исключительно на уровне языковых средств) или относится также к внеязыковой действительности, оно не распространено широко в литературе. Можно найти, названные ранее, работы, в которых употребляются оба термина, особенно польско- и русскоязычные, но чаще сам контекст употребляется как термин более широкий, объединяющий в себе лингвистический (языковой) и вnelингвистический (внеязыковой) контекст.

1.3.2 Д. Шиффрин – 6 подходов к контексту

Названные в разделе 1.1.2 подходы к дискурсу обязательно охватывают также контекст. В самых общих чертах, Д. Шиффрин определяет текст как языковой материал (то, что говорится в случае устной коммуникации, устойчивые семантические значения слов, выражений и предложений), а контекст как «среду», в которой высказывания появляются (Schiffirin 1994: 363). Такая широкая трактовка позволяет выявить общие черты этих понятий, характерные для всех научных подходов. Однако одновременно автор подчеркивает, что именно разные способы более подробного толкования термина «контекст» отличают отдельные подходы к дискурсу друг от друга. Этот термин объясняется в каждом из них следующим образом:

- Теория речевых актов: контекст – это знания, которыми – как предполагается – обладают участники дискурса: о социальных институтах, нуждах и желаниях других людей, и прежде всего, о правилах, согласно которым люди создают и правильно интерпретируют акты речи, понимая их как определенные типы. Установление этих правил и составляет задачу теории речевых актов. Поскольку ранее перечисленные теоретические знания недостаточны для того, чтобы понять данный акт речи, в контекст включаются также социальные условия, в которых создаются высказывания (Schiffirin 1994: 365–367). Часто элементы ситуации необходимы для того, чтобы правильно интерпретировать данный акт речи (Schiffirin 1994: 373);
- Прагматика: в большой степени толкование термина «контекст» в прагматике совпадает с толкованием, принимаемым в теории речевых актов – как совокупность определенных знаний – но эти знания не служат отнесению высказываний к определенным типам. Они распределяются, скорее, на знания, исходящие из разных источников: предположений о человеческой деятельности, текста, ситуации, мира (Schiffirin 1994: 369);
- Согласно интерактивной социолингвистике контекст толкуется главным образом как ситуация. Это социальные отношения, в которых находятся участники дискурса. Данные отношения являются как внутренними, так и внешними по отношению к индивидууму. Кроме того, язык не только определяется контекстом, но и сам его создает (Schiffirin 1994: 369);
- В этнографии коммуникации контекст понимается не только как нечто социальное (социальные и культурные компоненты, которые объединяются, чтобы определять коммуникативные происшествия), но и как когнитивное (то, что мы знаем, встроенное в нашу коммуникативную компетенцию). Согласно этому подходу, коммуникация посредством языка возможна благодаря опыту, знаниям и осознанию социальных отношений, поэтому анализ контекста обязателен для полного понимания того, как язык выполняет коммуникативную функцию (Schiffirin 1994: 370–371).
- Анализ вариации значительно отличается от предыдущих подходов по своему отношению к контексту. В общих чертах, он также включает знания участников дискурса и составляющие данной ситуации в контекст, но не считает их анализа обязательным условием для понимания текста. Текст воспринимается как более

независимое явление и в какой-то степени отделяется от своих социальных и коммуникативных функций. Они подвергаются анализу только когда сам текст (языковой материал) недостаточен для полного и правильного объяснения языковых структур (Schiffrin 1994: 375). Таким образом сам текст включается в контекст.

- Конверсационный анализ – прежде всего стоит подчеркнуть, что этот подход в какой-то степени объединяет предыдущие способы толкования термина *контекст*, осмысливая его как нечто включающее как знания, так и ситуацию и текст. Отличает его, однако, способ понимания знаний, поскольку они видятся как тесно связанные с ситуацией. Знания в большой степени зависят от условий, в которых происходит коммуникация, поэтому – согласно конверсационному анализу – можно полагать, что сама ситуация также создает знания (Schiffrin 1994: 376).

1.3.3 Условия создания текста

Многие представители разных научных подходов обращают внимание на то, что для полного понимания текста необходимо обладать большей информацией, чем та, которая доступна в самом тексте (Cook 1989). Сюзанна Камминг и Тсуйоши Оно (Cumming, Оно 2001: 102–130), ссылаясь на работы, посвященные, например, употреблению местоимений и полных номинальных групп (Chafe 1980) или порядку слов в предложении (Cumming 1991), подчеркивают необходимость учета (внелингвистического) контекста при анализе грамматических форм. Роберт де Богранд (de Beaugrande 1997) подчеркивает ограничения, связанные с анализом языка в отрыве от социального контекста.

Таким образом, важным условием для полного анализа текста является соотнесение его с внелингвистической реальностью. Это, в свою очередь, вызывает два вопроса: во-первых, какие «условия создания текста» принимать во внимание, и во-вторых, как их исследовать. Подробный анализ этих вопросов проводится Дхиллианом Брауном и Джорджем Йулом (Brown, Yule 1991: 27–67).

В общих чертах, авторы определяют контекст как «среду» (*environment*) или «условия» (*circumstances*), в которых употребляется язык, и относят исследование дискурса (текста в контексте) к прагматике. Одновременно ими подчеркиваются методологические проблемы, связанные с таким подходом, отмечаемые и другими

исследователями (Sadock 1978: 281, Fillmore 1977: 119). Первая из них была уже нами названа: какие условия принимать во внимание? Браун и Йул приводят список «этнографических характеристик» Делла Хаймса (Hymes 1964), составленный в целях определения типа высказывания:

- отправитель,
- адресат,
- публика,
- окружающая обстановка (место, время, а также физическое положение собеседников, их жесты, мимика),
- канал (устный, письменный, знаки другого типа),
- код (язык или диалект),
- форма высказывания (разговор, дебаты, письмо и др.),
- происшествие (в рамках которого происходит коммуникативный акт, напр. проповедь является частью службы в церкви),
- ключ (оценка, требования к данному тексту),
- цель.

Одновременно авторы отмечают, что исследователь каждый раз должен решить, которые из перечисленных характеристик являются существенными для анализа конкретного текста и только эти характеристики исследовать подробно. Вернемся позже к этому важному замечанию.

Браун и Йул также приводят похожий перечень, созданный философом Дейвидом Келлоггом Льюисом (Lewis 1972) для определения истинности предложения. Элементы, содержащиеся в нем, определяются как координаты:

- возможного мира (к которому относятся выражения типа *может быть* в сравнении с *является*),
- времени,
- места,
- говорящего,
- публики,
- указанного объекта,
- предыдущего дискурса,
- отнесенности (незаконченные наборы вещей).

Приведенные перечни во многом сходны с условиями создания текста, разработанными Дейвидом Нунаном:

- тема,
- цель,
- место и время создания,
- участвующие в его создании лица (с особенным учетом автора и адресата текста: кто и к кому обращается) и их взаимоотношения,
- общие знания и положения, касающиеся коммуникативного события.

В заключение, авторами подчеркивается необходимость принимать во внимание как можно больше условий создания текста с целью его правильного истолкования, а также тот факт, что даже небольшое их количество намного повышает качество такой интерпретации.

Как кажется, исследователь каждый раз должен четко определить, какие условия создания текста будут приниматься им во внимание в ходе анализа дискурса, и каковы последствия такого выбора. Исследование всех возможных элементов конситуации – своего рода идеал, достижение которого практически невозможно. Это требовало бы объединения лингвистики и многочисленных других областей науки, например, истории, социологии, психологии, этнологии, неврологии и других. Однако исследовать даже часть этих условий представляет собой большой шаг к лучшему познанию истины любого текста, и именно такой подход применялся в исследовании, результаты которого представлены в настоящей работе.

Приведем еще мнения британского лингвиста Генри Уиддоусона на тему значения контекста. Ученый, подчеркивая роль внеязыковых элементов в процессе коммуникации, отмечает их скорее внутренний, чем внешний характер: «Контекст – это не внешний набор обстоятельств, а их набор, внутренне представленный в сознании» (Widdowson 2007: 20; пер. МВ). «Контекст – это психологическая конструкция, концептуальное представление о положении дел» (Widdowson 2007: 22; пер. МВ). Вышеупомянутый автор считает, что контекст, на самом деле, создается и существует в сознании участников дискурса. Это не все или любые ситуационные факторы, а только те, которые нужны участникам дискурса для того, чтобы понимать друг друга.

Как утверждает Х. Г. Уиддоусон, отдельные элементы ситуации могут вообще не иметь значения для коммуникации, что особенно видно в случае письменных

текстов. Более того, часть контекста создается самим текстом (Widdowson 2007: 21). Эти замечания очень важны в отношении проведенного нами исследования, поскольку мы обладаем, прежде всего, текстом, представляющим собой результат коммуникации, и мы в состоянии лишь в общих чертах реконструировать условия его создания. Разработанный Уиддоусоном подход позволяет сосредоточить внимание на тексте и в нем искать связи между языковыми элементами и ситуацией.

1.4 Дискурс, текст и контекст в понимании Тёна ван Дейка

Подытоживая теоретические рассуждения, касающиеся толкования терминов *дискурс*, *текст* и *контекст*, отнесемся к выводам, сделанным Т. ван Дейком, одним из самых авторитетных современных исследователей дискурса. В труде синтетического характера *Discourse as structure and process* ученый, пытаясь упорядочить терминологическую картину, построенную вокруг дискурса, приводит определения, применяемые разными авторами (van Dijk 2001: 10; пер. здесь и далее: МВ): «форма употребления языка», «коммуникативное событие», которые указывают на три главных аспекта дискурса:

1. употребление языка,
2. передача идей,
3. интеракция в социальном контексте.

Одновременно автор относится к проблематике анализа письменных текстов и устных высказываний, констатируя, что анализ дискурса должен охватывать обе формы коммуникации. В связи с этим, предметом анализа дискурса являются «высказывание и текст в контексте» (van Dijk 2001: 12). Контекст определяется им как «структура, объединяющая все свойства общественной ситуации, которые существенны для продукции и восприятия дискурса» (van Dijk 2001: 28) и им подчеркивается роль контекста в описании и объяснении текстов.

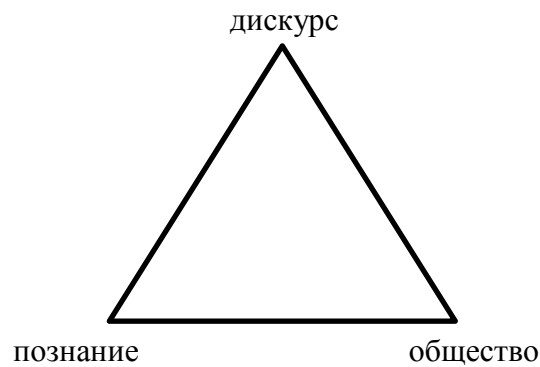
В работе Т. ван Дейка особого внимания заслуживает также перечень типов анализа дискурса, который основывается на сопоставлении противоположных подходов к его изучению (van Dijk 2001: 33):

1. описание текстов (вырастающее из лингвистических предпосылок) и описание высказываний (в основном социологического характера);
2. абстрактное изучение и конкретное изучение;
3. теоретические, описательные анализы и анализы прикладные, критические;
4. эмпирические анализы и анализы философские.

Пользуясь этой системой, наше исследование можно определить как конкретное, теоретическое, описательное, эмпирическое изучение текстов, созданных в определенном социально-историческом контексте, в центре которого находится язык. Правда, сам ван Дейк подчеркивает, что некоторые авторы отвергают любое деление на школы и подходы к изучению дискурса (однако, как показал наш обзор, как создание

разных «школ», так и их категоризация, широко распространены в научной литературе). Несмотря на это, им выделяются три главные трактовки анализа дискурса:

1. сосредоточивающиеся на дискурсе как таковом, т. е. на структурах текста или высказывания (в понимании ван Дейка это микроструктура – предложения, макроструктура – составы предложений и суперструктура – жанровый дискурс; van Dijk 1980),
2. изучающие познавательные аспекты дискурса,
3. уделяющие специальное внимание культуре и общественным структурам, и подчеркивает, что все они взаимосвязаны и такая «триада» определяет интердисциплинарное пространство анализа дискурса:

1.5 Дискурс исторических текстов

1.5.1 Исследование истории языка

Описав разнообразные толкования термина *дискурс* и способы его применения в научных исследованиях, стоит задуматься о том, в какой степени эти сведения относятся к анализам текстов древних, исторических. Обзор литературы, затрагивающей данную проблематику, начнем с работы польской ученой Мирославы Сюцяк (Siuciak 2018), которая в статье *Nowe perspektywy i zadania historii języka polskiego*, посвященной польскому языку, делает ряд ценных замечаний, касающихся путей развития исторической лингвистики.

Прежде всего, исследовательница подчеркивает «сложный, многогранный» и «полиметодологический» характер исследований по истории языка, которые объединяют в себе достижения разных научных дисциплин. Существенным, однако, является установление, отличается ли диахронический анализ в значительной мере от синхронического. М. Сюцяк считает, что единственная разница заключается в самом предмете исследования, а не в методологии. Многие работы анализируют лишь отрывок языка в прошлом, имея, тем самым, синхронический характер (Siuciak 2018: 56). Кроме того, дихотомия синхрония–диахрония в современных разработках все чаще исчезает или, по крайней мере, стирается.

Автор указывает также на возможность употребления методологий разных научных субдисциплин для углубления исторических исследований: социолингвистики, этнолингвистики и дискурс-анализа. Сюцяк описывает ограниченные попытки анализа общественного дискурса в польских текстах и приводит работу Станислава Дубиша (2009), содержащую рамочные концепции введения дискурса в сферу исторических исследований, лишенную, однако, материального анализа. В общих чертах, статья Сюцяк указывает, с одной стороны, на возможности, открывающиеся перед историческим языкознанием, связанные с системным применением новых методологических решений, с другой – на вытекающие из этого затруднения и раздробленность исторических исследований. Хотя замечания Сюцяк относятся к польскому языку, они актуальны также по отношению к русскому и другим славянским языкам.

В литературе последних лет минувшего века иногда встречаются критические высказывания о том, что дискурс нельзя соотносить с текстами древними,

историческими. Такое мнение можно обнаружить, например, в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*: «Дискурс – это речь, „погружённая в жизнь”. Поэтому термин „дискурс”, в отличие от термина „текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» (Аругтюнова 1990, электронный ресурс).

Однако такой подход к изучению исторических текстов существенным образом ограничивал бы возможность их анализа. Поэтому в более поздних исследованиях встречаются многие примеры употребления техник дискурс-анализа в изучении древних текстов. М. Л. Макаров, например, отмечает, что «в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс-анализа и самого термина дискурс к языковому материалу разной культурно-исторической отнесенности, например Библейским текстам и апокалиптической литературе» (Макаров 2003: 87).

На необходимость учета экстралингвистических факторов при анализе языкового строя текстов, обращает также внимание Елена Чащина, описывая формирование приказного языка Московской Руси:

На наш взгляд, анализ источника должен быть многоплановым, комплексным, включать в себя разные аспекты, в том числе направления, связанные с исследованием в области дипломатики и текстологии. Кроме того, при анализе письменного памятника важным является исторический комментарий, а при изучении юридического документа – историко-правовой. Языковой материал источника обусловлен также принадлежностью памятника к определенному виду (жанру) делового письма (Chashchina 2008: 9).

Исследовательницей подчеркивается также, выраженная в конце приведенной цитаты, важность учета других текстов, при анализе одного из них. Жанровой принадлежности анализируемых нами документов посвящен раздел 3.2.

Развитие анализа дискурса древних текстов отмечается также канадской лингвисткой Лорел Дж. Бринтон (Brinton 2001: 138, пер. МВ):

Несколько десятков лет назад, как свидетельствует четырехтомный «Справочник по анализу дискурса» ван Дейка (1985), исторический анализ дискурса не получил признания. Однако за прошедший период было проведено множество исследований, которые получили различные названия: «новая филология» (Fleischman 1990), «пост-междисциплинарная филология» (Sell 1994), «анализ исторического дискурса» или «лингвистика исторических текстов» (Enkvist и Wårvik 1987: 222), «диахроническая

лингвистика текста» (Fries 1983) или «историческая прагматика» (Stein 1985b; Jucker 1994).

Этот перечень указывает на разнообразие разработок, посвященных историческому дискурсу, которые, в свою очередь, нуждаются в более подробном описании.

1.5.2 Типы исторического дискурс-анализа

Как в случае анализа дискурса современных текстов, так и в исследовании исторических текстов можно обнаружить различные способы применения этого термина. Лорел Дж. Бринтон выделяет три главных подхода (Brinton 2001: 139–140; пер. МВ):

1. исторический дискурс-анализ (*historical discourse analysis*);
2. историческая лингвистика, ориентированная дискурсивно (*discourse-oriented historical linguistics*);
3. диахронический анализ дискурса (*diachronic[ally oriented] discourse analysis*).

Как отмечает вышеупомянутый автор, исторический дискурс-анализ сосредоточился на исследовании частиц, но также на видовременной системе, местоимениях, устойчивых словосочетаниях, порядке слов или видах текста. В результате изучения дискурсивного аспекта стало возможным выявить функции разных элементов языка древних текстов, которые раньше не находили объяснения.

Второй из вышеназванных подходов заключается в попытках обнаружить в дискурсе причины диахронических изменений в языке. Прагматическими факторами объясняются, например, изменения в синтаксисе или грамматикализация.

Третий подход, в свою очередь, предусматривает проведение анализа маркеров дискурса и их развитие во времени с целью решения таких вопросов, как: каковы источники этих форм? каков процесс их развития? как они исчезают? и др.

Лорел Дж. Бринтон (2001: 152) считает диахронический анализ дискурса единственным действительно интердисциплинарным подходом и одновременно наиболее эффективным. Несмотря на это, нельзя отвергать важные сведения, полученные в результате применения других методов анализа дискурса в исследовании древних текстов. Нами будет применяться в основном первый из подходов,

предложенных Бринтоном: принимая во внимание связь между отдельными языковыми единицами и внеязыковым контекстом, попробуем вскрыть и лучше объяснить функции местоимений в процессе коммуникации.

Другой способ классификации исторического дискурс-анализа предлагается в работе А. П. Миньяр-Белоручевой:

- первичный исторический дискурс – первоисточники,
- вторичный исторический дискурс – «научно-исторические и художественные произведения, в которых эксплицитно и имплицитно прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка» (Миньяр-Белоручева 2015: 11–12).

Упомянутая исследовательница приводит разные определения самого дискурса: как 1. «текст плюс ситуация», так и 2. «совокупность высказываний, которые подчиняются одной и той же системе формирования и зависят от одной и той же дискурсивной формации». Предлагаемые Миньяр-Белоручевой дефиниции двух типов исторического дискурса относятся скорее ко второму определению самого дискурса – совокупности высказываний. Придерживаясь этой классификации, исследуемые нами межтекстовые отношения надо отнести к первичному историческому дискурсу.

Стоит упомянуть еще один научный подход, объединяющий в себе понятия *дискурс* и *история* – дискурсивно-исторический подход, который применяется в рамках критического дискурс-анализа (КДА). Он заключается в анализе, прежде всего, «исторических, организационных и политических тем и текстов» с учетом исторического, социального и политического контекстов (Wodak 2001: 65, пер. МВ). Таким образом, исследования, проводимые в рамках данного подхода, сосредотачиваются на темах идеологии, власти и социальных проблемах. И хотя Р. Водак утверждает, что целью КДА, в рамках которого применяется этот подход, не является осуждать, что правильно и неправильно» (Wodak 2001: 65), сам автор, описывая одну из его одиннадцати характеристик, констатирует: «Цель – это практика. Результаты должны быть доступны экспертам в различных областях и, в качестве второго шага, применяться с целью изменения определенных дискурсивных и социальных практик» (Wodak 2001: 70). Считаю, что так названная цель как раз и подтверждает предположение о том, что итоги исследований этого приема должны определять, что «правильно и неправильно». Тем самым, можно его отнести к третьей онтологии по классификации П. Цапа, с которой, как мы раньше писали, связана большая угроза зависимости от политики. Поэтому и хотим подчеркнуть, что

дискурсивно-исторический подход – это способ анализа, не относящийся к настоящему исследованию.

О разных способах применения на практике техник *исторического дискурса* свидетельствует также тематическое разнообразие работ, употребляющих это или похожее определение. А. П. Миньяр-Белоручева в статье *Восприятие исторического дискурса через призму грамматики* (2018) затрагивает вопрос обучения студентов-историков особенностям грамматики английского языка с учетом особенностей исторического дискурса; в таком применении *исторический дискурс* – это тексты, написанные историками. Аналогичным образом этот термин употребляется О. Г. Плеховой в статье *Исторический дискурс: институциональные характеристики* (2016), К. Л. Клайном в статье *On the Emergence of Memory in Historical Discourse* (Klein 2000) и в книге *Beyond the Great Story: History as Text and Discourse*, в которой находим следующее определение: «(...) термины „история“, „исторические практики“ и „исторический дискурс“, кажется, относятся к повсеместному производству истории, но в контексте относятся к практикам различных историков, организованных в соответствии с воображаемым набором концентрических кругов» (Berkhofer 1997: x; пер. МВ). Олег Геннадьевич Дука в статье *Дискурс исторической науки и идентичности* утверждает даже, что «исторический дискурс (...) не только не исключает, но даже предполагает дискурс как стиль или индивидуальный язык историка» (Дука 2005: 171).

Исследования, посвященные не дискурсу историков, а именно дискурсу древних текстов обычно не получают эксплицитно названия «исторический дискурс». Примерами могут служить следующие работы: *The Grammaticalization of Negative Reinforcers in Old and Middle French: A Discourse-Functional Approach* (Mosegaard 2009), *Exploring Text and Discourse in the Old English Gnostic Poems: The Problem of Narrative* (Deskis 2005), в которых древние тексты исследуются с применением техник дискурс-анализа с целью описать сам текст, дискурс или употребление определенных языковых единиц и явлений в дискурсивной перспективе.

Работы, посвященные древнерусскому дискурсу, тоже имеют разнообразный характер. А. А. Кожина в статье *Образ мира в древнем славянском дискурсе: к вопросу об интровертированности древних дискурсов* (2013) «дискурсом» считает целый набор текстов данной эпохи. Автор выделяет два типа дискурса: экстравертированный, который основывается на реальности, и интровертированный, в основе которого лежит опыт других людей. Ко второй категории автор относит

древний славянский дискурс, так как такие тексты, как жития, создавались часто много лет после описываемых событий, и основывались на других источниках – устных или письменных.

«Автобиографический дискурс» в древнерусской литературе XI–XIII веков исследуется Евгением Игоревичем Сариним (2014). В диссертации ученого *дискурс* понимается как определенный способ создания текста, который можно исследовать в памятниках разной жанровой принадлежности (житиях, поучениях и посланиях).

Проблему отнесения терминов *текст* и *дискурс* к древним текстам исследует также Евгений Андреевич Колядин (2012). Автор, в первую очередь, приводит широко применяемые способы толкования этих понятий – дискурс как процесс речевой деятельности и текст как его результат, а также сведения о необходимости учета экстралингвистической информации при анализе дискурса. Одновременно ученый указывает на затруднение, связанное с доступом к информации об условиях создания древних текстов, и констатирует, что «при лингвистической интерпретации таких речевых произведений мы можем определять их исключительно как тексты, но не как дискурс» (Колядин 2012: 61), разделяя, тем самым, точку зрения, выраженную Н. Д. Арутюновой. Приведенные нами раньше многие примеры работ доказывают неоправданность такого мнения.

1.5.3 Перспективы исторических исследований

Вопрос применения техник дискурс-анализа в изучении древних текстов касается более широкой проблемы: направления, в котором должна идти историческая лингвистика вообще. Языкознание в целом заметно изменяется, что было охарактеризовано нами во введении в теорию дискурса. То, как на эти изменения ответят лингвисты-историки, является предметом оживленной научной дискуссии.

Методологические вопросы в исторической лингвистике были затронуты на конференции, посвященной перспективам исследований по истории языка в XXI веке, организованной в г. Катовице в 2016 г. Результаты панельной дискуссии подытоживаются Крыстиной Клещовой и Томашем Микой (Kleszczowa, Mika: 2018). С одной стороны, ими обсуждается все еще не решенная проблема разногласий между учеными по ключевому вопросу отношения синхронических и диахронических исследований. С другой стороны, авторы отчета обращают внимание на факторы, влияющие на развитие исторической лингвистики:

- методологии лингвистики XX в.: структурализм, генеративизм, когнитивистика;
- развитие современных технологий, открывающее новые способы сбора и обработки информации;
- новые издания древних текстов;
- существующее убеждение о необходимости исследований интердисциплинарного характера.

Одновременно подчеркивается, что историческая лингвистика развивалась бы и без названных явлений, так как традиционные исследования продолжают проводиться, и их результатами пользуются ученые, ищущие новые пути для описываемой дисциплины.

Особого внимания заслуживают заключительные выводы, касающиеся применения достижений других научных дисциплин. Социология, этнология, биология, антропология, теория письменности и эволюции указываются как отрасли науки, из которых стоит черпать историку языка. Одновременно подчеркивается осторожность, с которой исследователь должен применять методы других научных дисциплин, чтобы сохранить качество собственного анализа (эта мысль выражалась и в ранее упомянутой публикации М. Сюцяк). Угроза некоего размытия научных рамок из-за «модной» интердисциплинарности представляется реальной.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в этом перечне дискурс-анализа. Правда, дискурс-анализ как таковой остается в некоторой степени связанным с названными дисциплинами, но как отдельный подход не обособляется польскими лингвистами-историками. Зато на упомянутой конференции имела место дискуссия о предмете анализа – словах (словарях) и / или целых текстах. И хотя в описываемой дискуссии проблема дискурса, определяемого как текст с контекстом, не затрагивалась, ученые отметили, что язык является частью большего целого, связанного с историей и функционированием людей. Это замечание считаем существенным в дискуссии о направлениях развития исторической лингвистики. Раз язык прочно связан с другими сферами человеческой деятельности, его исследование с учетом внелингвистических факторов помогает намного лучше понять его функции и структуры, как в современных, так и в древних текстах.

Интересным образом проблемы инновационных методологий в исторической лингвистике представляет Магдалена Пастух (Pastuch 2018), польская ученая, которая

руководит проектом «Историческая прагмалингвистика». Сама исследовательница утверждает, что диахроническое языкознание обязательно должно отличаться «методологическим эклектизмом», что, однако, не только не означает закрытия на другие научные дисциплины (и изучения исключительно структуры языка), но отличается также от интердисциплинарного подхода (на «полиметодологичность» исторической лингвистики обращала внимание также М. Сюцяк). Историческая лингвистика не может «встречаться» лишь в некоторых вопросах с другими науками и только тогда некоторые сферы употребления языка исследовать с применением других научных методов. По мнению Пастух, исследование истории языка предполагает исследование «фактора менталитета», который нельзя воссоздать вполне объективно. По этой причине анализ структуры языка надо «пополнить культурным и познавательным аспектами» (Pastuch 2018: 37; пер. МВ).

На необходимость интердисциплинарного подхода в исследовании истории как таковой обращает внимание А. А. Приборович (2012: 38–42). Российский историк, описывая дискурс-анализ как новый метод анализа в исторических исследованиях, указывает на необходимость обратиться к новым подходам, которые – имея междисциплинарный характер – помогают углубить анализ. Слова автора:

Возникновение термина «дискурс» было предопределено возникшей потребностью в создании такого нового концепта, который соединил бы существующие в неясном виде представления в единый гештальт (образ) и помог бы отобразить в одном виде порождаемую в особых условиях речь, связываемую с самими коммуникативными условиями этого порождения (Приборович (2012: 39),

касающиеся, прежде всего, исторических исследований, стоит также отнести к лингвистическим исследованиям. Насыщение «речи» маркерами, связывающими ее с условиями ее создания, позволяет лучше понять саму речь – язык.

Завершая рассуждения на тему употребления методов анализ-дискурса в исследовании исторических текстов, приведем еще одно высказывание А. А. Приборовича (2012: 41–42):

В использовании методов дискурс-анализа перед историком стоит задача анализа текста как результата речевой деятельности, т. е. структура, которая возникает в ходе этой деятельности и имеет свои внутренние закономерности, связывающие

последовательность высказывания в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности.

Задача, сформулированная таким образом, позволяет подчеркнуть, что исследование текстов, относящихся к любым временам, может являться не анализом абстрактных единиц языка, но конкретных продуктов коммуникации, созданных определенными лицами в определенных условиях. Правда, доступ к информации о контексте древних текстов ограничен, но не нулевой. Учитывая те условия создания текста, которыми мы располагаем, намного расширяем круг исследования и можем лучше объяснить функции языковых единиц. Многие авторы правильно обращают внимание на то, что лингвисты должны осторожно использовать достижения других научных дисциплин, но результатом этой осторожности должно быть усовершенствование методологии исторической лингвистики, а не ее ограничение «традиционными» методами. Завершая теоретические рассуждения, касающиеся применения техник дискурс-анализа в современных исследованиях, за М. Пастух повторим: «Кажется, что уже пора закончить дискуссии вокруг методологического эклектизма исследований исторической лингвистики и постоянного обоснования его необходимости» (Pastuch 2018: 41, пер. МВ).

1.6 Дискурс, текст и контекст – подведение итогов по результатам терминологических рассуждений

1.6.1 Базовые термины

Приведенные в предыдущих подразделах сведения указывают степень сложности анализируемых проблем. Затруднения касаются различных способов толкования как самого *дискурса*, так и лежащих в его основе терминов *текст* и *контекст*.

Самым несложным способом представления значения термина *дискурс* считаем схему, созданную Жаном-Мишелем Адамом (Adam 1990: 23):

дискурс = текст + условия словесной продукции.

Поскольку «условия словесной продукции» определяются нами как *контекст*, предлагаем упрощенным способом определить дискурс как объединение текста и контекста:

дискурс = текст + контекст.

Тогда отдельные элементы этой схемы толкуем следующим образом:

- **текст** – это языковая сторона коммуникации: ее лингвистический результат. Форма коммуникации может быть как устной, так и письменной. Текст – это сложная структура, которая в конкретной ситуации, для конкретных пользователей языка имеет смысл. Этот смысл, однако, не всегда обнаруживается в самом тексте. С целью полностью его понять, часто необходимо отнестись к условиям его создания.
- **контекст** – это условия создания текста: элементы внеязыковой реальности, в том числе другие, созданные ранее тексты, известные пользователям языка. Эти условия охватывают огромный набор культурных, социальных, когнитивных и других, связанных с участниками дискурса и их реальностью, факторов. Не все элементы контекста необходимы для понимания данного текста. Исследователь дискурса каждый раз должен решить, какие из них принимать во внимание. Учет всех, существенных в данной ситуации, факторов, часто может оказаться невозможным по объективным причинам (нехватке доступа к данной информации), но каждое расширение исследования текста внелингвистическим фактором намного его углубляет.

Считаем, что такое общее определение дискурса является оптимальным вариантом в свете огромного многообразия способов его толкования. Данное определение является настолько обобщенным, что охватывает разные подходы к исследуемому вопросу, поскольку все они, по нашему мнению, связаны с изучением текста в контексте. Такое толкование этих терминов совпадает также с концепцией Д. Шиффрин, объединяющей в дискурсе формальный и функциональный подходы к исследованию языка. Анализ дискурса – это исследование как языковой структуры, так и функций, выполняемых ею и влияющих на нее.

То, какие точно элементы условий создания текста принимаются во внимание в ходе анализа, позволяет отнести данное исследование к определенному подтипу, подходу или онтологии – по разным классификациям. Исследования могут сосредотачиваться на социальных, культурных, когнитивных или других аспектах коммуникации, или же объединять многие из них.

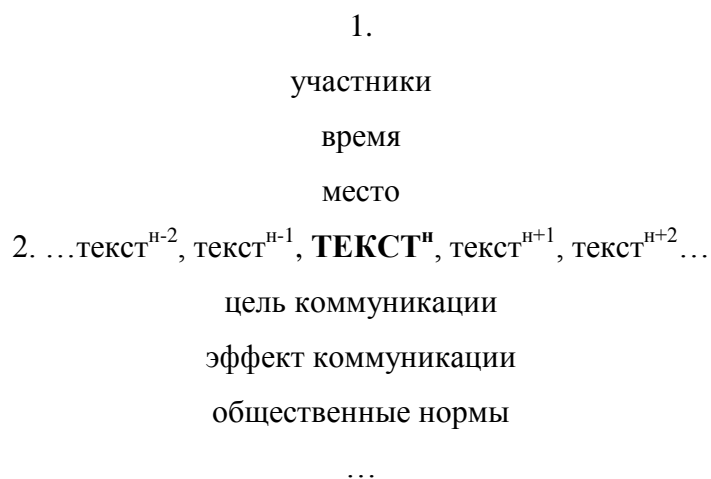
1.6.2 Типы анализа дискурса

В предыдущих подразделах указывалось на множество различных способов классификации анализа дискурса. Считаем, что стоит обратить внимание на еще один аспект, который позволяет различить подходы к анализу дискурса и не всегда подчеркивается исследователями.

По нашему мнению, самое большое различие между типами анализа дискурса заключается в том, какой фрагмент контекста принимается во внимание. По этому принципу предлагаем выделить два типа анализа:

1. Исследование текста (в основном) в контексте внелингвистических элементов ситуации, в которой он создавался.
2. Исследование текста (в основном) в контексте других текстов; дискурс как «совокупность текстов».

Первый тип мы бы определили как «вертикальный» – сосредоточивающийся на тексте, созданном в данный момент, и ситуации, относящейся к нему. Второй тип анализа дискурса можно назвать «горизонтальным», поскольку в нем учитываются тексты, созданные до и после данного текста. Схематически можно это представить следующим образом:

Для каждого «текста» на вышеуказанной схеме можно, конечно, установить его собственные условия создания, но исследования обычно сосредоточиваются на одном тексте и том, что касается именно его.

По нашему мнению, все 6 подходов к дискурсу, описанных Д. Шиффрин, относятся к первому, «вертикальному» типу: во всех из них тексты исследовались с учетом определенных внелингвистических условий, относящихся к данной ситуации.

Согласно классификации Т. Пекота, первый способ толкования дискурса (который сам автор называет «интерпретативными фреймами») не относится непосредственно к названным типам, зато другие можно легко с ними сопоставить: «дискурс как нечто конкретное и особое – текст, погруженный в контекст, коммуникативное событие» – это «вертикальный» тип; «дискурс как нечто конкретное и общее – последовательность текстов, объединенных неким началом» – это тип «горизонтальный». Большинство примеров исследований, названных участниками круглого стола *Дискурс в академическом пространстве*, относится ко второму из них.

Три онтологии П. Цапа также можно соотнести с предложенными нами типами. «Дискурс как текст» и «дискурс как дискурсивные практики» – это первый тип, «дискурс как социальные практики» – это тип второй. В приведенном выше описании Т. ван Дейка, можно найти упоминания об обоих типах анализа дискурса.

Представленное следующим способом толкование названных терминов предоставляет возможность их применения в отношении древних текстов. Если *дискурс* – это исследование текста с учетом контекста, в котором он создавался, то отсутствуют причины, по которым нельзя было бы подобным образом исследовать древние тексты. То, что – по словам Н. Д. Арутюновой – их «связи с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно», на наш взгляд, не следует считать препятствием. Любая информация о контексте, которой мы располагаем, способствует установлению смысла и функций языковых единиц.

По отношению к историческому дискурсу наблюдаются также терминологические трудности. «Исторический дискурс» часто понимается как «дискурс историков» (его можно соотнести с предложенным нами «горизонтальным» типом дискурса), поэтому более четким определением считаем «дискурс исторических / древних текстов». И именно такой тип дискурса будет анализироваться в настоящей работе: как по вертикали – по отношению к внеязыковым условиям его создания, так и по горизонтали – в контексте других текстов с похожей функцией, построенных похожим образом.

1.6.3 Выводы

Язык – это, безусловно, явление, принадлежащее человеку и тесно связанное с его миром, с действительностью, в которой он живет. Считаем, что анализировать тексты в отрыве от этой реальности и трактовать язык как нечто исключительно

абстрактное является ограничением лингвистических исследований. Анализ дискурса позволяет объединить лингвистическую и внелингвистическую реальность и анализировать мир посредством языка и/или язык посредством мира.

Слова Д. Шиффрин: «Дискурс употребляется ради коммуникации: люди употребляют высказывания для передачи информации» (Schiffrin 1994: 386, пер. МВ) очень точно подытоживают все попытки определить этот сложный термин. Сама автор доказывает, что даже те научные подходы, которые в принципе не сосредоточиваются на коммуникации, в конечном итоге анализируют способы, в какие люди производят и интерпретируют язык в интеракции с другими.

Конечно, можно спорить о том, какие именно элементы составляют дискурс, как их исследовать, как рассматривать их взаимоотношения. Но ключевым остается утверждение о том, что дискурс очень тесно связан с коммуникацией, а коммуникация, в свою очередь, это передача информации. Тем самым, дискурс – это исследование языка как средства передачи информации, объединение того, что языковое, с тем, что внеязыковое.

Несомненно, исследование языка вне отнесенности к реальному миру возможно. Целые десятилетия лингвистических исследований доказывают, что такой анализ приводит к очень подробным описаниям конкретных языковых систем и он необходим для того, чтобы на его основании делать дальнейшие выводы, касающиеся употребления языка. Именно выход в сферу употребления языка – более современный подход, который не противоречит более ранним, а является их естественным продолжением.

Целью настоящей работы является подробно объяснить способы применения местоимений и личных форм глаголов в среднерусских текстах, благодаря учету условий, в которых они употреблялись участниками дискурса. Как подчеркивалось ранее, исследователь каждый раз должен решить, какие элементы контекста существенны для проводимого им анализа. В случае настоящей разработки, в центре находятся участники дискурса – кто они, какая их социальная позиция, какие их взаимоотношения (семейные и общественные). Поскольку предметом анализа являются исторические тексты – среднерусские грамоты – лица, участвующие в коммуникативном акте, отраженном в них, можно точно идентифицировать. При таком подходе, формы, указующие на лиц (личные и притяжательные местоимения, личные формы глагола), становятся реальными средствами, употребляемыми по

определенным причинам и с определенной целью. Их анализ в дискурсивном приеме позволит вскрыть их функции.

2 Обозначение участников дискурса как тип референции

2.1 Референция

В настоящей работе указывается на необходимость анализировать единицы языка в широком контексте – контексте других языковых элементов в том же тексте или в контексте внеязыковом. Такой «выход» к другим элементам текста или в неязыковую реальность возможен благодаря референции. В настоящем разделе будет описана референция и ее типы, а также языковые элементы, которые способны выполнять референциальную функцию.

Хотя сама референция понимается по-разному (в труде *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* (Karolak 1999: 483–484) приводятся три дефиниции этого термина), в общих чертах можно сказать, что это:

1. «способность выражений обозначать (выделять) реальные предметы» (Karolak 1999: 484; пер. МВ);
2. «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» (Арутюнова 1990: электронный ресурс).

В таком смысле референция позволяет перейти с уровня языка на реальный уровень объектов внеязыковой действительности в процессе коммуникации.

Референциальную функцию (которая также определяется как когнитивная, символическая, денотативная, ссылочная) называют одной из главных функций языка (Karolak 1999: 187). Благодаря ей, высказывания говорящих можно соотносить с элементами реальности, осуществляя, тем самым, коммуникацию. Поэтому она часто является объектом анализа тех областей языкознания, которые исследуют дискурс. Референция включается часто в прагматику как явление, охватывающее говорящих, их намерения, действия и знания. Референция была также определена как акт речи (Searle 1969) или «коллокативный процесс» (Clark, Wilkes-Gibbs 1986, цит. по: Schiffrin 1994: 197–198). Д. Шиффрин отмечает также, что референцию стоит исследовать не как отдельные слова и выражения, а как их последовательную цепочку и таким образом анализировать, как начинаются и развиваются референциальные отношения. Именно

такой подход позволяет включить референцию в область анализа дискурса (Schiffrin 1994: 201–202).

Задумываясь над вопросами референции, стоит рассмотреть, как устанавливаются названные связи между элементами языка и элементами внелингвистической реальности – референтами. Н. Д. Арутюнова выделяет три главных фактора, определяющих эти связи (Арутюнова 1990: электронный ресурс):

- синтаксический – разные виды референции имен реализуются с помощью подлежащего и дополнения;
- логико-семантический – на этом уровне имена могут относиться к одному члену того или другого класса объектов, к некоторой части класса, к охарактеризованному определенным признаком подклассу, к целому классу, к любому (каждому, всякому) представителю класса, к никакому (потенциальному) члену класса объектов;
- прагматический – связанный со знаниями собеседников; референция этого типа действует преимущественно в сфере конкретной референции, относящей именованное выражение к фиксированным предметам, индивидам.

Приведенный список показывает, насколько сложным явлением представляется референция. С целью установить референцию определенного выражения необходимо учитывать различные уровни языка.

Кроме того, с референцией связаны два главных понятия – дейксис и анафора. Они всегда считаются подтипом референции, но их взаимоотношение определяется по-разному. Достаточно сравнить две нижеследующие схемы.

(Halliday, Hasan 1976: 33)

референция → дейксис → анафора/катафора (Kryk 1987: 2)

Хотя Майкл Халлидей и Рукайя Хасан не употребляют термина «дейксис» в своей схеме, «экзофору» можно соотнести именно с дейксисом, о чем свидетельствует, например, замечание авторов: «(...) и так они обычно интерпретируются экзофорично, по референции к ситуации» (Halliday, Hasan 1976: 48). Референция к ситуации – это и есть функция дейктических выражений.

Указанные схемы иллюстрируют два разных способа понимания отношения дейксиса и анафоры – либо как два подтипа референции, находящиеся на одном и том же уровне, либо как понятие более широкое (дейксис) и более узкое (анафора). Рассмотрим ближе оба явления и их функции в языке.

2.2 Дейксис

В труде *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* (Polański 1999: 638) дейксис объясняется как указание на (*wyznaczenie*) предмет или явление с помощью определения его отношения к подходящим точкам отсчета в конситуации или в контексте. Самые главные точки отсчета, называемые в упомянутом труде – это место и время создания высказывания, адресат, а также те предметы и лица, о которых говорится (Polański 1999: 638). Само упоминание контекста (который, как отмечалось нами раньше, в труде *Encyklopedia...* определяется как контекст языковой) и конситуации указывает на то, что описывается подробнее дальше: дейксис может осуществляться как в пространстве и времени, так и в тексте. Тем самым, согласно этой дефиниции, анафора – это подтип дейксиса.

В. А. Виноградов (1990: электронный ресурс) утверждает, что дейксис – это «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами». Виноградовым выделяются следующие его типы и средства выражения (в скобках):

- указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) — говорящего и адресата (личные местоимения: 1-е и 2-е лицо: «я», «ты», «мой», «твой»);
- указание на предмет речи (местоимения 3-го лица);
- указание на степень отдаленности объекта высказывания (указательные местоимения и частицы: «этот» — «тот», «вот» — «вон»);

- указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический дейксис), (местоименные наречия, например «здесь», «сейчас»).

Как показывает вышеприведенный список, в центре дейктической системы находятся местоимения. В своей монографии *Высказывание и его соотношенность с действительностью* Е. В. Падучева пишет: «Исследование, посвященное референции в естественном языке, с неизбежностью обращается в исследование о местоимениях. Действительно, местоимения и вообще местоименные элементы языка – это главное средство референции» (Падучева 2007: 10–11). В связи с этим среди местоимений часто выделяется группа дейктических местоимений – см. 2.4.1.2.).

Е. В. Савельева в дейктической системе выделяет следующие местоименные указания (Савельева 2018: 368):

- дейксис первого лица Я/Мы (указание на говорящее лицо);
- дейксис второго лица Ты/Вы (указание на лицо, к которому обращена речь);
- относительный дейксис – анафора.

Упомянутая исследовательница отмечает также, что данные дейктические слова, выполняющие указывающую и дифференцирующую функцию посредством соотношения с лицами и предметами, находятся в том или ином отношении к адресату и адресанту: местоимение Я является дейктическим центром речевого акта, Ты/Вы – самим адресатом. Стоит заметить также, что анафора определяется Савельевой как подтип дейксиса. Рассмотрим ближе само явление анафоры или анафорических выражений.

2.3 Анафора

Анафора определяется как отношение, объединяющее две единицы языка, выступающие либо в одном и том же предложении, либо в разных предложениях в рамках одного текста. В таком отношении анафорическое выражение, которое само по себе не обладает значением, является своего рода отсылкой к другому выражению, называемому ее антецедентом. В труде *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* (Polański 1990: 41) отмечается, что анафора является синтаксическим явлением, однако замечание о том, что антецедентом может быть выражение, находящееся в том же

тексте, а не только в одном и том же предложении, позволяет отнести ее скорее к области лингвистики текста, чем традиционно понимаемого синтаксиса.

При анализе анафоры сложным является само определение ее сути – установление ее главной функции в языке. Первоначально внимание обращалось на ее субститутивный, т. е. заменяющий характер – анафора употребляется с целью избежать повторений в языке. Из этого могло бы вытекать, что анафор находится взамен другого, ранее употребленного выражения. Однако этому противоречат такие примеры, в которых повторение одного и того же элемента в предложении приводило бы к изменению его значения, что происходит, например, в неопределенных выражениях в языках, употребляющих артикли.

Поэтому появилась теория, согласно которой главной характеристикой анафорических выражений является кореференция – указывание на один и тот же элемент, что и их антецедент. Этой теории противоречит факт, что она объясняла бы только употребление анафоры для определенных выражений, оставляя в стороне выражения неопределенные, которые не указывают ни на какой элемент. Согласно труду *Encyklopedia...* явление анафоры полностью объясняется функцией замены других элементов текста, но часто не тех, на которые она указывает с виду. Ее антецедентом может быть, например, не одно слово или выражение, а целое предложение, и анафора применяется с целью избежать повторения (Polański 1990: 42–43).

Поскольку целью настоящей работы не является разработка сути анафоры, а всего лишь описание местоимений, в частности их анафорических функций, попытка объяснить все явления и сложности, связанные с анафорой, не будет здесь предпринята. Анализ местоимений как потенциальных анафоров требует только объяснения тех затруднений, которые могут вытекать из применения местоимений (а в рамках настоящего исследования точнее: местоимений, указующих на лицо). Одним из главных вопросов является тот об определении антецедента анафора, выраженного местоимением. Во-первых, необходимо установить, можно ли всегда обнаружить его в самом тексте или в некоторых случаях необходимо отнестись к ситуации, в которой он был создан, т. е. достаточно ли анализировать местоимения изолированно в тексте или нужно исследовать целый дискурс.

В этом отношении языковеды трактуют анафору по-разному, что может вытекать, прежде всего, из терминологических разногласий, касающихся употребления

терминов текст и дискурс, на что обращалось внимание в разделе 1. Рассмотрим несколько примеров.

Приведенная выше дефиниция Казимежа Поляньского («анафора как синтаксическое явление») относит анафору исключительно к тексту. Американский лингвист Том Уасоу, в свою очередь, теоретически помещает анафору в сфере дискурса: «(...) анафора – это частично дискурсивное явление», но объясняя дальше свое мнение: «То есть анафорические отношения могут сохраняться между элементами в разных предложениях» (Wasow 1972: 13, пер. МВ), показывает, что он имеет в виду скорее текст, т. е. исключительно языковую реальность, а не дискурс в смысле, принятом в настоящей работе. Под неоднозначным определением «частично дискурсивное явление» Уасоу, вероятно, понимает то, что анафора может выступать как между элементами в рамках одного предложения (и тогда не является дискурсивным явлением), так и между элементами в разных предложениях. Об этом свидетельствует тот факт, что Уасоу анализирует в своей работе только антецеденты и анафоры, выступающие в одном предложении и только такие определяет как «анафорические», тем самым, по нашему мнению, существенно ограничивая значение термина «анафора».

Другую точку зрения можно обнаружить у Жоржа Клайбера (Kleiber 1994: 11, пер. МВ), который классифицирует анафору как прагма-семантическое явление: «(...) мы решительно выбираем прагма-семантический подход к анафорическим выражениям, то есть подход, который предоставляет место семантике и прагматике в функционировании референциальных знаков и который не отрывает себя от когнитивного измерения». Хотя он не употребляет непосредственно термина дискурс, приведенная им дефиниция позволяет назвать его понимание анафоры дискурсивным, причем внеязыковые элементы определяются им как прагматические. Подобный подход можно встретить в работе Барбары Фокс *Discourse structure and anaphora*, в которой, анализируя употребление анафоры в устных и письменных текстах, автор сосредоточивается на том, находится ли она в активной / контролирующей позиции, что возможно определить только в дискурсивном аспекте (Fox 1987: 93–95).

В настоящей работе как анафорические будут трактоваться те явления, которые касаются исключительно языковой реальности, т. е. текста. Это значит, что анафору понимаем как связь, существующую между двумя элементами в пределах одного текста, в которой один из них (анафор) указывает на другой, сам по себе являясь семантически неполным. Если один языковой элемент указывает на другой, выявление

которого в тексте невозможно, тогда такое явление принадлежит уже дискурсу, а связь между этими элементами необходимо анализировать как дейктическую.

Понимая анафору как явление, суть которого заключается в том, что один элемент текста указывает на другой, необходимо ответить на вопрос о том, как обнаружить такую связь в тексте и как определить, какой элемент является анафором, а какой антецедентом. Этот вопрос является существенным в современной лингвистике, он важен, например, в областях искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики. Ниже будут представлены разные подходы к этой проблеме.

Во-первых, необходимо определить, на каком языковом уровне следует искать процессы, управляющие анафорой: морфо-синтаксическом, семантическом или прагматическом? Предположение о том, что уровень текстовой, исключительно языковой информации достаточен для того, чтобы всегда понять анафору, отвергается учеными. Это иллюстрируют хотя бы нижеследующие примеры:

1. Аня смотрит фильм. Он интересный.
2. Аня читает книгу. Она любит это делать.
3. Аня читает книгу. Она интересная.

В предложении 1. грамматическая информация оказывается достаточной для того, чтобы определить, что местоимение *он* относится к слову *фильм*, поскольку они одного и того же рода, в отличие от имени *Аня*. В предложении 2. грамматическая информация оказывается недостаточной, так как слова *Аня* и *книга* оба женского рода. Здесь необходима семантическая информация для того, чтобы достоверно установить, что антецедентом местоимения является *Аня*. В предложении 3., в свою очередь, ситуация представляется более сложной. Установить антецедент не позволяет ни морфология, ни семантика слов. Чтобы основательно установить его, необходим либо контекст, т. е. информация, которую мы бы могли обнаружить в самом тексте (перед названными предложениями или после них), либо дискурс – информация, которая не находится в языковом слое общения, а во внеязыковых обстоятельствах. На самом деле, такое выражение просто неоднозначно и, хотя оно может появиться в устной речи, прагматика требовала бы избежать таких конструкций в письменной форме. Этот простой пример показывает сложности, связанные с явлением анафоры.

В настоящее время многие ученые (Kleiber 1994; Mitkov 2002; Huang 2000) считают, что для решения проблемы отыскания антецедента необходимо принимать во внимание совокупность морфологических, семантических и прагматических факторов, и именно такой подход будет применяться в нашей работе.

2.4 Катафора и эллипсис

Описывая анафору, нельзя не остановиться на двух явлениях аналогичного характера, а именно катафоре и эллипсисе. По сути оба они выполняют ту же самую функцию, что и анафора – позволяют избежать повторений в тексте, указывая на другие его элементы.

Однако, в отличие от анафоры, катафора указывает элемент текста, который еще в нем не появился, т. е. указывает как бы «вперед», в то время как анафора указывает «назад». Как отмечается в труде *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, в отличие от анафоры, катафора выступает практически только внутри предложения (Karolak 1999: 288–289). Кроме того, катафору часто можно заменить анафорой, не изменяя значения предложения (употребляем здесь часто встречаемый в литературе способ обозначения кореференциальных выражений курсивом и неправильных предложений астериском):

- 4. Хотя *ему* это не нравилось, *Петр* согласился прийти.
- 4'. Хотя *Петру* это не нравилось, *он* согласился прийти.

в то время как замена анафоры катафорой практически невозможна:

- 5. *Петр* пришел, потому что *ему* так нравилось.
- 5'. *Он пришел, потому что Петру так нравилось.

Однако есть случаи, в которых употребление катафоры вместо анафоры помогает избежать двусмысленности:

- 6. Связь, существующая между Петром и Андреем, осложняет его задачу.
- 6'. Связь, существующая между *ним* и Андреем, осложняет задачу *Петра*.

Эллипсис, в свою очередь, определяется как пропуск выражений в структуре предложения, присутствие которых предусмотрено в формально-синтаксической

модели (Karolak 1999: 143). Юлий Абрамович Бельчиков добавляет определение «структурная „неполнота” синтаксической конструкции» (Бельчиков 1990, электронный ресурс) к аналогичной дефиниции и отмечает дальше, что нехватяющие элементы восстанавливаются либо на основе контекста, либо целой речевой ситуации. Поскольку эллипсис не находится в центре нашего исследования, мы ограничимся сказанным выше и не будем подробно описывать трудности, связанные с определением его функций.

2.5 Классификация анафорических выражений

В литературе можно обнаружить различные классификации анафорических выражений (Mitkov 2002; Hirst 1981; Schmolz, Coquil, Döllner 2012; Huang 2000). Здесь будут упомянуты только те, которые требуются в комментарии из-за принятых в настоящей работе теоретических предположений.

Во-первых, анафоры делятся на анафоры на уровне предложения и на анафоры на уровне дискурса, в зависимости от того, находятся ли анафор и его антецедент в одном и том же предложении или нет. Поскольку в настоящей работе анафору понимаем как явление исключительно текстовое, определение «дискурсивная анафора» считаем малоподходящим и предлагаем употреблять термины «анафора предложения» и «текстовая анафора». Отнесения любых выражений к дискурсу будем рассматривать как явления дейктические (см. 2.3).

Во-вторых, производится деление анафорических выражений на анафору и катафору. Тогда анафора понимается исключительно как указание одним элементом на другой, ранее упомянутый в тексте, а катафора, следовательно, как указание на элемент, который выступит в тексте позже. Именно так будут пониматься эти термины в настоящей работе, т. е. выражение анафорическое относится к любому типу отнесения одного языкового элемента к другому в тексте, а анафора и катафора – это подтипы анафорических выражений, определяющие направление этого указания.

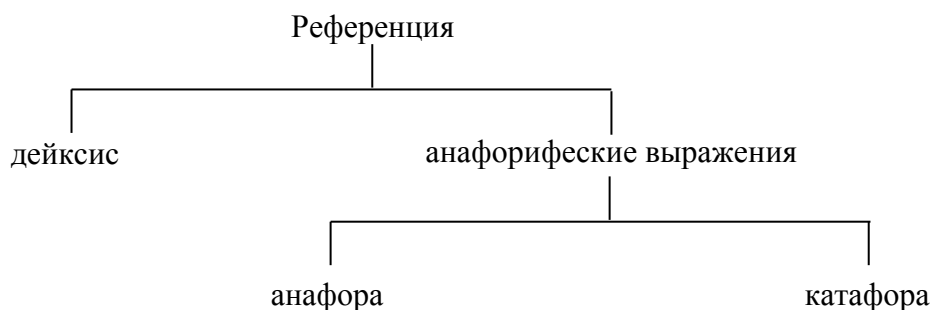
В-третьих, интересно рассмотреть, какое место в классификации занимает эллипсис – трактуется ли он как тип анафорических выражений или анафоры. Подводя итоги многочисленных исследований по поставленной проблеме, проведенных разными авторами, П. Сьвечковска (Świeczkowska 2007: 72–75) определяет эллипсис как тип анафорического выражения, выделенного на основе того, к какой части речи

принадлежит анафор. В этом понимании эллипсис называется также «нулевой анафорой».

С классификацией анафорических выражений на основе части речи связан также вопрос места местоимений в этой классификации. Он будет подробно описан в части, посвященной местоимениям (2.4.1).

Принимая во внимание все сказанное выше, терминологические затруднения, связанные с термином *анафора*, можно подытожить следующим образом. Самым общим термином является анафорическое выражение. Это языковое явление, выступающее в тексте, в котором одна языковая единица указывает на другую. Анафору понимаем как подтип анафорического выражения, противоположный катафоре в отношении направления указания: анафора – это анафорическое выражение (анафор), указывающее на ранее упомянутый в тексте элемент (антецедент). Катафора – это анафорическое выражение (катафор), указывающее на элемент, который выступит в тексте позже (постцедент). Эллипсис, в свою очередь, это анафорическое выражение, в котором отсутствует формальный показатель анафора или катафора. В таком значении эти термины будут применяться в настоящей работе.

Стоит еще задуматься над отношением дейксиса и анафорических выражений. Как упоминалось ранее, анафора понимается либо как подтип дейксиса, либо как аналогичное явление другого типа. Хотя этот вопрос зависит, главным образом, от принятых начальных предположений и дефиниций, предлагаем различать дейксис и анафорические выражения, поскольку они решительно отличаются друг от друга. Дейксис – это обозначение элементов, которые не имеют формальных показателей в тексте. Зато, у анафоры они есть. Схематически описанную нами систему можно представить следующим образом:

В следующей части рассмотрим, какие функции в этой системе выполняют разные языковые единицы, обладающие категорией лица.

2.6 Средства выражения референции

2.6.1 Местоимения

2.6.1.1 Общая характеристика

Местоимения традиционно выделялись и до сих пор выделяются как отдельная часть речи. Однако такая классификация проводится на других основаниях, чем в случае остальных частей речи. Местоимения (или, по крайней мере, те слова, которые традиционно помещаются в эту группу) не обладают специфическими морфологическими признаками. По склонению и синтаксическим свойствам они напоминают существительные, прилагательные или наречия. По этой причине в научной литературе встречались мнения, согласно которым не стоит классифицировать местоимений как отдельную часть речи. Преобладают, однако, разработки, признающие им особый статус, и усматривающие главное различие между ними в выполняемых ими функциях.

Традиционно эта функция определялась как способность заменять имена (отсюда и их латинское, а, следовательно, и польское или русское названия), но в более современных разработках употребляются другие определения. В *Лингвистическом энциклопедическом словаре* обращается внимание на их способность отсылать к речевому акту или указывать на «тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью» (Крылов, Падучева 1990, электронный ресурс). В польской энциклопедии *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* главная функция местоимений определяется как дейктическая (указательная) (Karolak 1999: 654) и такого типа определения преобладают в современной литературе, посвященной проблематике местоимений.

Отдельные авторы, однако, пытаются найти более четкие определения. Зузанна Тополинська, известная польская славистка, описывая функции и семантику местоимений, констатирует с неким удивлением, что в научной литературе синтетического характера (энциклопедиях, словарях) практически не встречается однозначное определение местоимений как универсальных средств референции. По словам ученой, исключение составляет работа Романа Якобсона (Jakobson 1957), который употребляет в их отношении термин *shifter* (Topolińska 2016: 35).

Елена Викторовна Падучева называет местоимения главными средствами референции (Падучева 2007: 10), но говоря о референции непредметной, перечисляет также грамматические категории – время и наклонение. Что касается классификации местоимений в языковой системе, Падучева, ссылаясь на современные исследования, определяет местоимения не как отдельную часть речи, но как лексико-семантический класс слов (Падучева 2007: 11), а их главную функцию, отличающую их от других слов, именно как способность референции.

С. Йодловски, автор монографии, посвященной местоимениям, делит все слова на две категории по способу направления получателя к десигнату: 1. отсылающие к памяти и 2. отсылающие к актуальной ситуации. Ученый зачисляет местоимения во вторую группу и определяет их главную функцию как «немнемоничность» (*niemnemoniczność*) (Jodłowski 1973: 10, 20).

Стоит также подчеркнуть, что в контексте лингвистики текста и связности (когезии), местоимения часто перечисляются среди важнейших средств ее создания (Wojenka-Karasek 2015: 137–138). Встречаются также мнения о необходимости расширения анализа функций местоимений дискурсивным аспектом. Лара Николаевна Синельникова (2020: 21–28) подчеркивает необходимость учета достижений лингвистики текста и лингвистики дискурса с целью заново определить функции и значения грамматических категорий. Первые попытки в этой области уже предпринимаются и касаются также местоимений. Как отмечает Синельникова, «исследовательский маршрут от дефиниции „Местоимение – часть речи, которая указывает на лицо, предмет или признак, но не называет их” до „Местоимение – разряд слов, в толкование которых входит отсылка к ситуации речи, к структуре текста, к интенциям говорящих” продолжается до сих пор» (Синельникова 2020: 22).

В своей статье российская исследовательница доказывает, что личные местоимения обладают разными значениями и выполняют различные функции, в зависимости от дискурса, в котором они употребляются. Например, местоимение *я* может быть физическим, духовным, философским, общественным, статусным, ролевым, а местоимение *мы* в общих чертах – инклюзивным или эксклюзивным и, тем самым, создающим отношения между адресатом и адресантом.

Дискуссия о статусе местоимений является сложной и многоаспектной. В настоящей работе принимаем наиболее распространенное мнение, согласно которому местоимения выделяются как часть речи на основе их особой функции. Определение, является ли она функцией действительной, указательной, референциальной или

«немнемоничной», выходит за рамки настоящего исследования. Считаем, что все названные функции связаны друг с другом и, хотя в научных разработках внимание обращается на разные аспекты употребления местоимений, они имеют общий элемент, который можно назвать отнесенностью значения местоимений к дискурсу – целому тексту или контексту, в котором они выступают.

2.6.1.2 Классификация местоимений

Способы классификации местоимений разнообразны. Здесь мы сосредоточимся на тех, которые принимают во внимание их семантику и функции, игнорируя те, которые на первый план выдвигают их морфо-синтаксические признаки и различают «местоимения-существительные», «местоимения-прилагательные» и «местоимения-наречия» (Гужва 1967: 99–100; Розенталь 1988: 84).

Самой распространенной в современной русской грамматике является классификация, основанная на семантическом признаке, по которой местоимения делятся на:

1. личные: я, ты, мы, вы, он, она, оно, они;
 2. возвратное: себя;
 3. притяжательные: мой, твой, наш, ваш, свой;
 4. вопросительные: кто? что? какой? каков? который? чей? сколько?
 5. относительные: кто, что, какой, каков, который, чей, сколько;
 6. отрицательные: никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей, нисколько;
 7. неопределенные: некто, нечто, некоторый, кто-то, сколько-то, что-либо, кое-кто, какой-то, какой-либо, кое-какой, чей-то, чей-нибудь;
 8. определительные: сам, самый, каждый, любой, всякий, иной, весь, другой;
 9. указательные: этот, тот, такой, таков, тот-то, такой-то, столько, столько-то
- (Гужва 1967: 96–106; Розенталь 1988: 84; Тихонов 2003: 293–303).

Однако в литературе можно встретить мнения, согласно которым к местоимениям относятся только некоторые слова из перечисленных выше (Шведова 1980: 531; Виноградов 1986: 264–271). Разработаны также другие классификации местоимений, основанные на критериях другого типа. Принимая во внимание референцию как важнейшую характеристику местоимений, Е. В. Падучева выделяет следующие их типы (Падучева 2007: 133–134):

1. местоимения, отсылающие к акту речи:

a. дейктические – в значение которых входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации;

– личные местоимения первого и второго лица;

– указательные местоимения.

b. анафорические – отсылающие к высказыванию / тексту, в состав которого входят:

– выражающие субстанциальную идентификацию (тот);

– выражающие качественную характеристику (такой).

2. местоимения, выражающие денотативный статус:

a. местоимения неизвестности (какой-то);

b. слабоопределенные (один, кое-какой, некоторый);

c. экзистенциальные (какой-нибудь);

d. универсальные (всякий);

e. отрицательные (никакой);

f. вопросительные.

Кроме названных главных групп, исследовательница дополнительно выделяет подгруппы местоимений, напр. анафорические местоимения делит на референциально-семантические разряды или на типы по их синтаксическим свойствам, а местоимения второй группы на тематические классы. В центре настоящего исследования находятся личные местоимения 1. и 2. лица, названные российской исследовательницей местоимениями, «отсылающими к акту речи», – дейктическими.

Названные Е. В. Падучевой типы местоимений (дейктические и анафорические) соответствуют определениям дейксиса и анафоры, приведенным нами ранее. Само определение «дейктические местоимения» обнаруживаем также в описании местоимений в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* (Крылов, Падучева 1990, электронный ресурс). В данном труде уточняется, что личные местоимения 1-го или 2-го лица, отсылающие к говорящему («я», «мы») или к слушающему («ты», «вы»), а также указательные, отсылающие к объекту, на который направлен указательный жест говорящего (иногда мысленный) («вот тот», «вот этот») выражают пресуппозицию существования и единственности объекта в общем «поле зрения» говорящего и слушающего, и таким образом соотносятся с определенным референтом,

который в рамках данного акта речи индивидуализирован (Крылов, Падучева 1990, электронный ресурс).

3. Тополинська (Topolińska 2016: 36–40) также приводит функциональную характеристику подсистем местоимений (на примере польского языка) и выделяет следующие их группы:

1. Центральная система референции – местоимения с идентифицирующей функцией. Они идентифицируют или подтверждают личность указанного объекта. К этой группе принадлежат, прежде всего:

a. личные и притяжательные местоимения 1. и 2. лица единственного числа, идентифицирующие «активных участников ситуации» – отправителя и получателя сообщения.

К этой группе относятся также:

b. польские слова *teraz* (сейчас/теперь) и *tu* (здесь), ситуирующие участников коммуникации во времени и пространстве;

c. слова с «встроенным отрицанием»: *tam* (там – не здесь), *wtedy* (тогда – не сейчас), *tamten* (тот – не этот) и др;

d. «квантификационные местоимения», относящиеся к целому набору денотатов: *każdy* (каждый), *wszystek, cały* (весь), *kto-, cokolwiek* (кто-, что-либо) и др;

e. отрицательные местоимения: *nikt* (никто), *nic* (ничто), *nigdzie* (нигде), *nigdy* (никогда)...

Более затруднительно зачислить в эту группу:

f. местоимения 1. и 2. лица множественного числа, поскольку их референция не вытекает однозначно из их формы и зависит от контекста;

g. местоимения 3. лица и указательные местоимения (польск. *ten, ów*), которые могут употребляться либо как дейктические указания объекта/лица, либо в анафорической функции.

2. Вторичная система референции – неопределенные местоимения. В польском языке это, прежде всего, местоимения на *-ś*: *ktoś, coś, kiedyś, gdzieś* и др. Их русские эквиваленты это, прежде всего, местоимения с частицей *-то* и *-нибудь* или *-либо*. К этой группе можно отнести также слова типа *jeden* (один) и *drugi* (другой), употребленные в неопределенном значении. Эти местоимения указывают на реальные, но не до конца известные явления.

3. Относительные/вопросительные местоимения: *kto* (кто), *co* (что), *który* (который) и др.

Польская ученая подчеркивает, что главной функцией всех перечисленных языковых единиц является их способность референции, и именно функциональный (не структуральный) подход позволяет безоговорочно выделить местоимения как отдельную часть речи.

Стоит особо подчеркнуть, что в систему главной референции З. Тополинской включаются, кроме личных, также притяжательные местоимения. Такой подход можно признать оправданным, поскольку категория лица, свойственная притяжательным местоимениям, также обозначает участников дискурса в случае 1. и 2. лица. Поэтому мы бы отнесли их к дейктическим местоимениям, пользуясь предложенной Падучевой терминологией, в классификации которой, однако, притяжательные местоимения полностью игнорируются. Вопрос о разном статусе местоимений единственного и множественного чисел важен и интересен. Мы бы отнесли оба типа местоимений к одной и той же группе, однако, как справедливо замечает З. Тополинская, обозначение участников дискурса в случае местоимений множественного числа не так однозначно, как в случае местоимений единственного числа. Этот вопрос будет исследован на материале взаимных грамот.

2.6.1.3 Местоимения в среднерусском языке

Система местоимений в древнерусском и, позднее, среднерусском языке, была унаследована в большой степени еще из праславянского языка. Поэтому ее анализ начнем именно с системы праславянской, основываясь, главным образом, на труде Лешека Мошиньского (Moszyński 1984: 243–253). Автор частично употребляет общеизвестные названия типов местоимений, основанные на их семантических чертах, но сама классификация проводится им по синтаксическим признакам.

1. Местоимения подлежащего – обладающие только формой именительного падежа, образующие супплетивную парадигму с местоимениями дополнения
 - а. базовая группа – личные местоимения
 - местоимения подлежащего говорящего лица (первого лица): *azь*, *vě*, *my*.
 - местоимения подлежащего собеседника (второго лица): *ty*, *va*, *vy*.

В исходной системе отсутствовало местоимение лица, не участвующего в процессе коммуникации (третьего лица). Его функции могли выполнять указательные местоимения (опъ, она, оно – для известных лиц), вопросительные или отрицательные местоимения.

Здесь стоит отметить, что Л. Мошиньски в самой характеристике местоимений вводит понятие «говорящих лиц», «коммуникации», тем самым подчеркивая их особые функции.

2. Местоимения дополнения

- a. местоимение дополнения говорящего лица (первого лица): m-en / m-yn / m-e;
- b. местоимение дополнения собеседника (второго лица): t-eb / t-ob;
- c. местоимение дополнения действующего лица – возвратное местоимение: s-eb / s-ob;

3. Местоимения определения

- a. указательные (дейктические)
 - близкого предмета;
 - далекого предмета;
 - известного предмета (анафорические).

К этим местоимениям относятся:

- jъ, ja, je – анафорический. Быстро потерял свою исходную функцию и стал местоимением дополнения 3. лица, из-за чего исчезла его форма именительного падежа;
- опъ, она, оно – изначально далекого предмета, потом принял функцию личного местоимения 3. лица;
- сь, si, se – близкого предмета – постепенно выходил из употребления.
- овъ, ova, ovo – близкого предмета;
- ть, ta, to – близкого и известного предмета.

В русском языке местоимения с корнем t- стали употребляться шире, что привело к вытеснению ими местоимения овъ.

- b. притяжательные – образованные от местоимений дополнения с помощью суффикса -j-;
- c. неопределенные;
- d. качественные;

- e. определительные;
- f. количественные;
- g. обобщающие;
- h. уточняющие;
- i. относительные.

4. Местоимения обстоятельств

- a. времени;
- b. места;
- c. меры;
- d. способа;
- e. цели и причины.

Детальному рассмотрению подвергаются местоимения, обладающие категорией 1. или 2. лица, т. е. обозначающие лиц, участвующих в коммуникации. Они часто выделяются исследователями как отдельная группа (вместе с возвратным местоимением), противопоставленная неличным местоимениям. В общих чертах, эти местоимения не изменились значительно на протяжении веков. В большинстве случаев они пережили лишь фонетические преобразования. Более подробные замечания приводятся нами в комментариях, посвященных отдельным формам. Сведения, приводимые нами, почерпнуты из обобщающих трудов по истории русского языка (Черных 1952; Иванов 1990; Борковский, Кузнецов 2006).

а) Личное местоимение 1. лица ед. числа

Базовые формы представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 1 Формы личного местоимения 1. лица ед. числа в древнерусском языке

И. п.	азь, язь, я
Р. п.	мене
Д. п.	мьнѣ, ми
В. п.	мене, ма
Тв. п.	мьною
М. п.	мьнѣ

Исходной формой именительного падежа являлось *азь*. *Язь, я* представляют собой более поздние формации. *Азь* восходит к праиндоевропейской эпохе, но еще в праславянском языке развилось начальное *j*-. Форма *язь* является старославянской и она не типична для живой русской речи, но употреблялась в памятниках долго,

вплоть до XVI в. и лишь с XVII в. начинает преобладать форма я. В исследуемых нами текстах обнаруживаются все формы этого местоимения.

Преобразованиям подверглись также формы косвенных падежей. Во-первых, изначально кроме полных форм существовали так называемые энклитические формы, постепенно выходящие из употребления. Кроме того, отдельные формы подвергались фонетическим изменениям: мене – меня, мьнѣ – мне.

а) Личное местоимение 2. лица ед. ч.

Таблица 2 Формы личного местоимения 2. лица ед. числа в древнерусском языке

И. п.	ты
Р. п.	тебе
Д. п.	тобѣ, ти
В. п.	тебе, та
Тв. п.	тобою
М. п.	тобѣ

В формах личных местоимений 2. л. ед. ч. также происходило постепенное исчезновение энклитических форм и имели место преобразования фонетического характера. Они касаются, прежде всего, перехода форм с -о в формы с -е в Д. и М. падежах. Позднее в родительном падеже развилась форма с окончанием -я.

а. Личные местоимения 1. и 2. лица мн. ч.

Таблица 3 Формы личного местоимения 1 и 2 л. мн. ч. в древнерусском языке

И. п.	вы	мы
Р. п.	васъ	насъ
Д. п.	вамъ, вы	намъ, ны
В. п.	васъ, вы	насъ, ны
Тв. п.	вами	нами
М. п.	васъ	насъ

Формы множественного числа личных местоимений 1. и 2. лица мн. ч. очень стабильны. Единственные различия касаются, как и в случае форм единственного числа, судьбы энклитических форм Д. и В. падежей.

Подробный анализ судьбы энклитических местоименных форм в ДДГ провела К. Ю. Дойкина (2020). Однако это исследование имеет чисто формальный характер и коммуникативные функции местоимений в нем не рассматривались.

Здесь стоит также отметить, что вплоть до XIV в. в языке существовали формы двойственного числа местоимений и существительных. Однако, так как и в случае

других частей речи, они утратились и не обнаруживаются в анализируемых нами памятниках.

2.6.1.4 Лично-притяжательные местоимения

Отдельной группой местоимений являются притяжательные местоимения, по своим морфологическим признакам относимые к неличным местоимениям. Однако в литературе (Ругалева 1980; Вороничев 2006; Осминкина 2014) можно встретить определение лично-притяжательные местоимения (мой, твой), в отличие от вопросительно-притяжательных (чей), отрицательно-притяжательных (ничей), неопределенно-притяжательных (чей-то). Такое определение считаем оправданным, так как местоимения мой, твой, нашъ, вашъ обладают грамматической категорией лица и опосредованно обозначают участников дискурса.

Древнерусские лично-притяжательные местоимения склонялись подобно указательному *яь*, по мягкому типу местоименного склонения. На протяжении истории русского языка они претерпели относительно немногочисленные изменения. Их преобразования касаются, прежде всего, фонетических аспектов – появление звука [в] в окончаниях косвенных падежей на месте исконного [г] и установление единой формы в именительном падеже множественного числа.

Склонение притяжательных местоимений на примере *мой* и *нашъ*:

Единственное число

Таблица 4 Склонение притяжательных местоимений ед. ч. в древнерусском языке

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И	мои	моѣ	моа	нашъ	наше	наша
Р	моѣго		моѣѣ	нашего		нашеѣ
Д	моѣмоу		моѣи	нашему		нашей
В	мои	моѣ	мою	нашъ	наше	нашоу
Т	моимъ		моѣю	нашимъ		нашею
М	моѣмъ		моѣи	нашемъ		нашей

Множественное число

Таблица 5 Склонение притяжательных местоимений мн. ч. в древнерусском языке

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И	мои	моа	моѣ	наши	наша	нашѣ
Р	моихъ			нашихъ		
Д	моимъ			нашимъ		
В	моѣ	моа	моѣ	нашѣ	наша	нашѣ
Т	моими			нашими		
М	моихъ			нашихъ		

Поскольку притяжательные местоимения содержат в себе информацию о лице: «мой» – это «принадлежащий мне» и т. д., они также будут анализироваться в настоящем исследовании.

2.6.2 Личные формы глагола

Информация о лице и тем самым обозначение участника дискурса может также находиться в личной форме глагола. На выполнение грамматическими категориями (напр. временем, лицом) дейктических функций обращает внимание Виктор Алексеевич Виноградов (1990, электронный ресурс).

Многие временные формы в среднерусском языке употреблялись вместе с личным местоимением и тогда грамматическая информация о лице повторялась два раза – в местоимении и в окончании глагола. Однако такая ситуация происходила не всегда. Ниже представим краткий перечень тех личных форм глагола, которые могли содержать в себе обозначение адресанта или адресата:

- Настоящее время: информация о лице в личных окончаниях.

1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
-у/-ю	-еши/-иши	-мъ	-ете/-ите

Немногие глаголы (нетематические) обладали другими формами спряжения, отличающимися от указанных в таблице.

- Будущее время: формы настоящего времени глаголов совершенного вида постепенно начинали обозначать будущее время. Кроме того, в языке существовали две формы сложного будущего времени. Одна из них состояла из личных форм вспомогательных глаголов в настоящем времени, другая – из вспомогательного глагола *быти* в будущем времени:

1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
буду	будеши	будемъ	будете

- Аорист: информация о лице в личных окончаниях; в анализируемых текстах отсутствуют примеры его употребления.
- Имперфект: информация о лице в личных окончаниях; в анализируемых текстах отсутствуют примеры его употребления.

- Перфект: информация о лице во вспомогательном глаголе *быти* в настоящем времени:

1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
есмь	еси/есь	есмь	есте

- Плюсквамперфект: информация о лице во вспомогательном глаголе *быти*; в анализируемых текстах выступают только единичные примеры его употребления.
- Сослогательное наклонение: информация о лице во вспомогательном глаголе *быти* в форме аориста:

1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
быхъ	бы	быхомъ	бысте

2.7 Выводы

В разд. 2 описывалась референция и средства ее выражения. Референция как таковая может пониматься по-разному, так как и ее базовые подтипы: дейксис и анафора. Мы придерживаемся мнения, что референция – это способность языковых единиц обозначать другие (конкретные) элементы. Если они находятся в самом тексте, такой тип референции определяем как анафорическое выражение; если с целью установить референта необходимо отнестись к внеязыковой ситуации, тогда имеем дело с дейксисом.

Главными средствами референции считаются местоимения. В общем система славянских местоимений является сложной. Это неоднородная группа слов, характеризующаяся различными морфологическими признаками. Их главной чертой, отличающей их от остальных частей речи, является именно способность к референции. Поэтому и выделяются дейктические местоимения, к которым относятся личные и притяжательные местоимения 1. и 2. лица. Они обозначают участников дискурса. Местоимения множественного числа могут быть неоднозначными, так как в их значении содержится информация не только об адресате и адресанте, но и о других лицах. Подобную функцию могут выполнять личные формы глагола, которые обладают грамматической формой лица.

Цель настоящей работы заключается в выявлении способов референции дейктических местоимений и личных форм глагола в среднерусских грамотах, т. е. объяснении, насколько их референцию определяет текст и внеязыковой контекст и как идентифицируются участники дискурса, названные формами множественного числа. В следующей части настоящей работы представим подробный анализ перечисленных выше аспектов упомянутых памятников письменности.

3 Грамота в научном освещении

3.1 Взаимная грамота в историческом контексте

В предыдущем разделе подчеркивалась огромная роль контекста, который надо принимать во внимание, чтобы более точно выявить языковые явления, отраженные в тексте. В случае настоящего исследования, в котором анализируются древние тексты, следует говорить об историческом контексте. Это, в свою очередь, непосредственно влияет на выбор методологии, принимаемой для достижения научных целей исследования, так как описать и понять контекст создания текстов XV–XVI столетий – совсем другая задача, чем описать современный контекст. Может даже возникнуть вопрос о том, представляется ли возможной реализация такой задачи.

Как было уже сказано, многими исследователями отвергается возможность изучения исторического дискурса. Как упоминалось выше, в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*, объяснение термина *дискурс*: «речь, погруженная в жизнь» пополняется сразу комментарием: «[п]оэтому термин „дискурс”, в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» (Арутюнова 1990: электронный ресурс). Придерживаясь мнения о невозможности изучения контекста исторических текстов, следовало бы признать, что и анализ дискурса грамот является невыполнимым.

В вышеприведенной дефиниции из ЛЭС подчеркивается, однако, что связи исторических текстов с жизнью не восстанавливаются «непосредственно». Предпринимая все-таки попытку анализа дискурса грамот, следовало бы: 1. доказать, что непосредственное восстановление связей с контекстом возможно, или 2. показать, что такое условие не является необходимым. По нашему мнению, второй подход более правильный.

Правда, в случае древних текстов можно говорить о том, что их связь с контекстом утрачена – они относятся к местам, временам, людям и вообще всяким условиям, которые, как правило, уже не существуют. Однако можно ли говорить о том, что связь современных текстов с жизнью восстанавливается непосредственно? Она реализуется непосредственно только в самом общении, в употреблении текста в реальной ситуации. Каждый ее последующий анализ надо считать «посредственным»: следует каким-либо способом получить информацию о тех условиях создания текста,

которые не вытекают из самого его содержания. Точно такая же задача встает перед исследователем исторических текстов. Единственная разница заключается в большей отдаленности во времени самой ситуации общения от момента ее анализа.

Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что анализ дискурса древних текстов является задачей сложной, но не неосуществимой. Поэтому целью исследователя дискурса древних текстов является как можно точнее реконструировать условия, в которых данные тексты создавались. В некоторых случаях восстановить общие условия – социальные, политические – может быть легче, чем получить информацию о конкретных условиях, относящихся только к данному тексту (время, место его создания, личность участников дискурса). Чтобы получить эту информацию, необходимо обратиться к историческим источникам. Здесь, в свою очередь, возникает вопрос о том, чем работа филолога отличается от работы историка, если объекты их исследования могут быть тождественными.

Такой вопрос ставится часто при исследовании исторических текстов. Ю. В. Рождественский отмечает, что «[и]стория и филология оказываются тесно связанными друг с другом. Эта связь находится и в общественных отношениях людей, и в текстах, через которые эти отношения проявляются и объясняются» (Рождественский 1979: 10). Стоит подчеркнуть, что при исследовании дискурса данная связь становится еще более выразительной. Причиной этого является тот факт, что в анализе дискурса предметом исследования является не только сам текст, но и контекст, в котором он создавался, т. е. почти непосредственно анализируются «общественные отношения» людей, отраженные в текстах.

Необходимость учитывать контекст при исследовании исторических текстов подчеркивалась филологом А. Н. Качалкиным (1988: 13), утверждавшим, что «[и]зучение документов определенной эпохи невозможно без знания условий их возникновения и употребления, без серьезной начитанности в деловых текстах, без знания интерпретации этих текстов историками». Не пользуясь термином «дискурс», русский ученый косвенно указывал на его огромное значение в исследовании текстов. Использование «знаний о возникновении и употреблении текстов» в ходе их анализа является чисто дискурсивным подходом. Это, в свою очередь, подчеркивает, что анализ дискурса – это не новая идея, зародившаяся внезапно во второй половине XX в., но давно применяемая в лингвистике практика. Более поздние исследования и теоретические основы, положенные языковедами, позволили

усовершенствовать методологию, заключающуюся в одновременном анализе языковых и внеязыковых элементов.

В таком случае, опять стоит поставить вопрос о различиях в отношении к историческим текстам между лингвистами и историками. Она основательно выражена А. Н. Качалкиным (1988: 14): «Историк через язык интерпретирует действительность, филолог через действительность интерпретирует язык». Это указывает на то, что стоит в центре исследования историка и филолога. Для историка условия создания текста являются главным объектом исследования. Текст (язык) лишь помогает ему понять действительность, к которой они относятся. Направление работы филолога является противоположным. Для него язык представляет центр и цель исследования. Условия создания текстов, действительность, к которой они относятся – это элементы, помогающие понять сам язык. Несмотря на то, что задачи историков и филологов совсем разные, по крайней мере при анализе дискурса оказывается, что исторические сведения необходимы филологам, чтобы уловить смысл языковых конструкций, содержащихся в древних текстах. Это связано не только с тем, что отдельные языковые элементы (слова, выражения) по своему значению относятся к исторической действительности. В таком случае достаточным было бы использование исторического словаря. Дискурсивный подход требует учета целой совокупности внеязыковых элементов, не только касающихся реальности, в которой создавались тексты вообще, но также специфических для данного текста. По этой причине сведения о том, как «физически» составлялись документы, где и при каких условиях это происходило, кто к кому в них обращался – информация, существенным образом обогащающая филологический анализ текста.

Принимая во внимание все сказанное выше, нами будут названы и подробно описаны те экстралингвистические факты, которые значительно влияют на анализ взаимных грамот.

3.2 Общие условия создания грамот

Л. В. Черепнин (1955: 321–322), комментируя *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой*, указывает на важный факт, касающийся процедуры составления грамот:

Настоящий договор, как и все докончальные грамоты, составлен в двух экземплярах (противнях). Договаривавшиеся стороны обменивались экземплярами докончания, причем каждая из сторон оставляла у другой стороны экземпляр, исходивший от ее имени.

В данном случае сохранилось два экземпляра, каждый из которых содержал две грамоты (одну от имени Василия II, другую от имени Дмитрия Шемяки) и был скреплен печатями обеих договаривающихся сторон.

Здесь ясно описан способ составления документов, которые определяем как «взаимные грамоты». Названные исторические условия их создания имеют огромное значение для того, чтобы понять языковые явления, отраженные в них. Важнейшими сведениями, касающимися этих документов с филологической точки зрения, являются следующие:

- договор составлялся в двух экземплярах;
- каждый из них представляет собой оригинал, то есть они равноправны по своему значению в документообороте. Тем самым, их содержание должно быть идентичным;
- иногда составлялись четыре документа: каждая из сторон составляла два экземпляра от своего имени.

Из вышеуказанного следует, что каждый из вариантов взаимной грамоты представляет собой подлинник, они равноправны по своему юридическому значению и их содержание должно полностью соответствовать друг другу. Они создавались от имени двух разных лиц – обеих договаривающихся сторон. Из сказанного следует, что сам текст отдельных экземпляров документов мог быть очень близким, но никогда не являлся идентичным, поскольку они создавались с двух разных точек зрения: адресант одной грамоты одновременно является адресатом другой и наоборот. Тем самым все языковые элементы, относящиеся к участникам дискурса, должны отличаться, но одновременно оставаться в полной зависимости друг от друга. Те слова и выражения,

которые в одном экземпляре относятся к адресанту, в другом будут относиться к адресату. Это значит, что на морфологическом уровне должна существовать полная соотнесенность форм первого и второго лиц, поскольку они относятся к участникам дискурса. Все остальные языковые элементы: отнесение к другим лицам (выраженное в третьем лице), даже дейктические элементы, должны быть идентичными, поскольку оба варианта составлялись в одной и той же языковой ситуации. Время, место, взаимоотношения участников, цель – абсолютно все элементы контекста являются идентичными. Не совпадают только личность адресата и адресанта, но они являются комплементарными, «взаимными». Мы не имеем дело с ситуацией, в которой одно и то же происшествие описывается в двух разных перспективах лиц, которые в нем не участвуют (тогда все элементы контекста кроме личности участников дискурса тоже были бы идентичными), но с ситуацией, в которой оба лица «погружены» в контекст.

Описанные выше факторы позволяют провести особенный анализ, в ходе которого возможно проверить, как меняются языковые средства в коммуникации XV–XVI вв. в зависимости от личности участников дискурса. Результаты этого анализа будут представлены в следующем разделе.

3.3 Жанр

Указав самые важные элементы контекста, касающиеся создания взаимных грамот, стоит подробно представить их языковую сторону. Сосредоточимся на тех элементах, которые оказываются общими для всех описываемых нами документов, поскольку предметом нашего исследования являются не отдельные тексты, а их совокупность. Такой – филологический – подход характеризуется А. Н. Качалкиным (1988: 14) следующим образом:

Филолог может не столь внимательно изучить все частности конкретного содержания документа, но его интересует вся совокупность документов, данная система взаимоотношения между жанрами документов с целью выяснения своеобразия языкового содержания каждого жанра.

Упомянутый ученый, относясь к совокупности документов, употребляет ключевое слово – жанр. Поэтому необходимо указать те черты, которые позволяют выделить среди многочисленных документов вид «договорная грамота». Слово «вид», в свою очередь, применяется скорее историками и часто оно совпадает с термином «жанр», употребляемым в филологии (Качалкин 1988: 20). Однако сначала необходимо уточнить значение термина «жанр».

Тема жанров древнерусских и русских документов подробно исследована А. Н. Качалкиным в его труде *Жанры русского документа допетровской эпохи* (1988), содержащим обширное теоретическое введение. По словам упомянутого автора, «[и]зучение текстов делового письма началось уже в XVIII в.». В своей работе автор тщательно представляет развитие способов классификации древнерусских документов. Здесь назовем только главные направления и идеи, связанные с их типологией.

Главной целью исследователей являлась всегда разработка их классификации, но в ее основу могли лечь различные факторы. Итак, Сергей Гаврилович Саларев (1819) обращал внимание, прежде всего, на тематический аспект документов и разделял их на три главные группы (см. Качалкин 1988: 20):

1. государственные,
2. обрядные,
3. смешанные.

Среди государственных грамот исследователь выделил семь тематических групп:

- договорные,
- жалованные,
- бессудные,
- указные,
- уставные,
- губные,
- опасные.

Договорные грамоты, в свою очередь, разделяются им на:

- докончальные, или утвержденные;
- крестные («содержавшие в себе какую-нибудь клятву, производившуюся с целованием креста»);
- верующие (верительные);
- полномочные;
- перемирные;
- любительные, или любовные («для подтверждения договоров»);
- складные («слагающие прежние мирные условия»).

Основой для этой классификации были дипломатические признаки текстов («образ письма»), печати, титулы и др.

Дальше А. Н. Качалкин приводит фамилии таких исследователей, как Н. А. Лавровский, В. А. Милютин и А. Н. Горбунов, которые «больше внимания обращали на юридический смысл документов». Более подробно представлена классификация С. А. Шумакова, основанная на результатах анализов упомянутых авторов. Итак, С. А. Шумаковым выделяются:

1. грамоты, создаваемые правительственной властью;
2. грамоты из области церковного права;
3. частные акты.

В первую группу автор включает договорные грамоты как подтип «грамот по внешним делам». Однако В. О. Ключевский обращал внимание на то, что древнерусские документы изобилуют анахронизмами и они не всегда отражают действительность времени, в котором создавались. Стоит подчеркнуть, что это

совпадает с мнением, выраженным в *Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, которое приводилось во введении:

В XIV и XV веках такими [договорными – МВ] грамотами юридически определялись отношения великих и удельных князей между собою. Практическое значение их было ничтожно, и они всецело могут быть рассматриваемы, как исторический анахронизм; зато научное их значение чрезвычайно высоко, так как в них можно наметить отголоски глубокой старины и встретить множество данных, касающихся и не междукняжеских отношений (Сторожев, электронный ресурс)

Поэтому Ключевский соотносил в своем анализе действительность, отраженную в документах, с историческими фактами. Одновременно, Алексей Александрович Шахматов (1903) развивал метод, сочетающий юридический подход к актам с филологическим. Подобный (более текстологический) подход был также представлен в работах Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1918). На содержание актов как основной критерий их классификации указывали Н. Коробков (1940: 35–36) и Александр Александрович Зимин (Черепнин 1951: 62), которые договорные грамоты вместе с духовными определяли как подтип актов внутренней и внешней политики в отличие от актов социально-экономических отношений. Позднее такого типа классификацию развивали Лев Владимирович Черепнин (1951: 63–64), Александр Ильич Копанев (1968: 70–71) и Александр Павлович Пронштейн (1976: 53).

Несмотря на разнообразие классификаций, стоит подчеркнуть тот факт, что практически в каждой из них учитывается тип грамоты, определяемый как *договорная*. Исследователи указывают его в разных контекстах и группируют по-разному по отношению к другим грамотам, но, поскольку целью настоящей работы не является восстановление полной картины системы древнерусских актов, само выделение такого рода документа значимо и достаточно для того, чтобы подвергнуть *договорные грамоты* более подробному анализу, целью которого будет указание их жанровых особенностей. Это будет осуществлено в аналитической части настоящей работы.

А. Н. Качалкин приводит общую характеристику жанра как «класса произведений словесности» (1988: 18), уточняя ее потом и определяя жанр как «класс документов, объединенных общей текстовой модальностью», где модальность понимается как отношение текста к действительности, «заданное ему говорящим и оцененное слушающим» (Качалкин 1988: 18). Модальность в языкознании является

очень объемным понятием, поэтому здесь ограничимся упоминанием «текстовой модальности», которая, согласно А. Н. Качалкину, обладает следующими признаками:

- время;
- юридическая квалификация коммуникантов;
- управленческая квалификация (по иерархии);
- источник текста (предшествующий документ или устная речь);
- взаимное отношение текстов (выявляющееся, главным образом, в упоминании в документе других документов).

Внимания заслуживает также замечание о А. Н. Качалкина о том, что

[в] разное время и в разных канцеляриях могут образовываться и реально образуются близкие по модальному содержанию виды документов. Они обладают определенным сходством оформляющей и содержательной частей документа, что позволяет объединить виды документов разных канцелярий в один жанр: грамота и приказ (...) (Качалкин 1988: 21).

Это указывает на проблему, часто возникающую при анализе документов – из-за сходства разных их типов, нередко трудно отличить один жанр от другого. Это приводит к применению неострых терминов в литературе, что будет подробнее описано в разделе, посвященном названиям документов на примере договорной грамоты. Исследователями предлагаются разные способы классификации документов. Один из них представлен А. Н. Качалкиным (1988: 45–51). Автор приводит перечень шести «принципов филологической классификации документов»:

1. Время, к которому относится документ:
 - a. неопределенное;
 - b. будущее;
 - c. прошедшее.
2. Признак отношения государственного и частного права:
 - a. адресант и адресат выступают как частные лица (напр. договоры, записи, кабалы, крепости);
 - b. адресант – частное лицо, а адресат – представитель власти. Это частногосударственный документ, напр. извет, челобитная, сказка, явка;

- c. адресант представляет полномочия власти, а адресат выступает как частное лицо (даже если он на службе), напр. грамота, дача, позовница, путь, судница;
- d. и адресант, и адресат являются представителями власти или в данном конкретном случае выступают от лица полномочной власти. Это государственнопроводной документ, напр. ведение, выбор, доезд, доклад, доношение, наказ, обыск, ордер, отписка, память и др.

При этом стоит подчеркнуть сделанное автором замечание о том, что само название великого князя или царя не значило, что он лично составлял данный документ, документы просто создавались «от его имени». Несмотря на это, адресатом надо считать именно упомянутых лиц, независимо от того, чьей рукой физически писался документ.

3. Признак места документа в документообороте

Здесь существенным является то, в каком направлении в иерархии двигался документ:

- a. вверх (сказка, челобитье, явка);
- b. вниз (грамота, наказ, указ);
- c. между лицами на одном уровне (договоры, докончания, записи, кабалы, иногда память и отписка).

4. Источник документа:

- a. словесный источник (напр. допросные речи, расспросные речи, наказ, сказка);
- b. письменная речь (напр. выпись, выметка, список, снимок, съем, копия, дубликат).

5. Признак отношения содержания текста к предметной ситуации:

- a. общее: документ применим к любой конкретной ситуации, описанной текстом (все законодательные акты – уложение, устав; инструктивные документы – справка);
- b. конкретное: документ применим лишь к определенной конкретной ситуации (все документы, актирующие ситуацию, фиксирующие личные или общественные распоряжения – роспись, смета, выбор, записка, книга).

По признаку отношения к предметной ситуации документы разделяются также на:

- a. правовые (грамоты, уставы, кабалы, записи);
 - b. административные (памяти, указы и другие документы организационно-распорядительной деятельности, а также заявления частных лиц);
 - c. судебные;
 - d. фискальные (сыски, обыски, доезды, приговоры, описи и др.).
6. Воспроизводимость в документе текста другого документа или упоминание в одном документе другого документа:
- a. документы, регистрирующие другие документы на одну тему (книги), и документы, регистрирующие документы по одному делу, хотя и разные по темам (тетради);
 - b. документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения («по указу и приказу»); только на устные указания; не содержащие каких-либо указаний (акт, крепость, письмо);
 - c. документы, где имеется отсылка на письменное сношение, имевшее место раньше (отписка, извет, челобитье);
 - d. документы, воспроизводящие текст другого документа (выметка, выпись и др).

Стоит также подчеркнуть, что А. Н. Качалкин относится к документам не просто как к письменным текстам, но как к элементам живой коммуникации, намного расширяя рамки своего исследования. По отношению к ситуации, в которой составляются деловые тексты, исследователь употребляет определение «речевой акт» (Качалкин 1988: 26), помещая исследование исторических документов в более современных методологических рамках, следуя новым тенденциям в лингвистике текста и дискурса.

Обсуждение проблематики литературных жанров имеет древнюю и богатую традицию. В лингвистических разработках последних десятилетий в фокусе интереса исследователей оказались вопросы жанров речи. Тамара Николаевна Хомутова (2006: 60–64) обращает внимание на различия в толковании термина «жанр» разными учеными и приводит два главных направления в его понимании – классическое (традиционное, филологическое) и современное (нетрадиционное, социолингвистическое). В обоих жанр воспринимается как определенный тип текстов с общей, повторяющей структурой и семантическими свойствами. Главные различия заключаются в том, что в традиционном подходе исследуются только художественные тексты. В современном подходе, в свою очередь, анализируются и другие (научные,

учебные, повседневные) тексты. Кроме того, анализ проводится с учетом социального контекста, а под жанром подразумевается не просто тип текстов, а «типичные риторические способы выражения повторяющихся социальных ситуаций» (Хомутова 2006: 60). Более того, в современном подходе можно выделить три дополнительных направления:

1. функциональное (стилистическое),
2. социокогнитивное (риторическое),
3. лингводидактическое (ESP – English for Specific Purposes, австралийская системно-функциональная лингвистика).

Диапазон анализа жанра в рамках первого направления достаточно узок, поскольку в функциональном направлении исследуются, прежде всего, научные тексты. Особого внимания в плане нашей разработки заслуживает зато социокогнитивный подход, так как в его рамках исследователи сосредоточиваются не столько на форме и содержании текстов, сколько на ситуативном контексте, в котором они существуют. Как указывает Т. Н. Хомутова, некоторые представители этого направления различают жанр и тип документа. Жанр понимается ими лишь как совокупность текстов, объединенных общей целью коммуникации, а один тип представляют собой тексты, которые обладают схожей лингвистической формой, независимо от их цели. Подытоживая, социокогнитивный подход выделяется исследованием «экстратекстуальных факторов в структуре жанра, того социального ситуативного контекста, в котором существуют жанры», оставляя вне внимания лингвистические факторы (Хомутова 2006: 60–61).

Поскольку мы согласны, что следует учитывать контекст при исследовании текста, постольку отвергать языковые элементы – по нашему мнению, слишком далеко идущее решение. Полную картину жанровой системы можно понять только, принимая во внимание оба аспекта вместе в их взаимосвязи. Именно такого типа исследование будет представлено в аналитической части настоящей работы и такая же точка зрения отражена в лингводидактическом направлении. Согласно приведенной Хомутовой дефиниции Дж. М. Суэйльса (Swales 1990; цит. по: Хомутова 2006: 61), жанр – это

класс коммуникативных событий, участники которых имеют общий набор коммуникативных целей, при этом указанные классы (...) характеризуются общностью структуры, стиля, содержания и предполагаемой аудитории.

И хотя представленная таким образом разработка проблематики жанра предусматривает объединение социокультурных, лингвистических и когнитивных аспектов, Т. Н. Хомутова отмечает, что на практике сторонники лингводидактического подхода сосредотачиваются на формальных характеристиках жанра, пренебрегая экстралингвистическими.

В итоге представленного анализа исследовательница констатирует, что жанр представляет собой интердисциплинарную категорию. Таким образом, Хомутова представляет более современный подход к проблематике жанра, в котором анализу подвергаются не только художественные тексты в филологическом приеме, но также другие, а само понятие «жанр» объединяет больше явлений, чем в традиционном понимании. Т. Н. Хомутова выдвигает на первый план связь анализа жанра с социолингвистикой, и формулирует собственную дефиницию жанра как «коннотативной семиотической системы, имеющей собственный план содержания и выражения» (Хомутова 2006: 61). Таким способом, автор подчеркивает двуаспектность исследуемого понятия: то, что неязыковое (план содержания) и то, что языковое (план выражения).

Так поставленная проблема жанра естественным образом ведет к понятию дискурса. Т. Н. Хомутова, пользуясь термином дискурс (и толкуя его как «процесс и результат генерации текста в социальном контексте»), уточняет дефиницию жанра и определяет его как «совокупность/тип дискурсов (сходных текстов в сходных социальных контекстах), отражающих сходные социальные действия» (Хомутова 2006: 62).

Несмотря на то, что иногда может быть сложно однозначно определить, какие тексты и контексты «сходны», считаем, что так сформулированная дефиниция жанра отвечает современным взглядам на данную проблематику и именно таким способом будем понимать термин *жанр* в настоящей работе. Внимания заслуживают также сведения Хомутовой о возможной классификации жанров по их семантическим (тема), структурным и функциональным характеристикам, указывающие на многоаспектность этого понятия.

В изданной в 2015 г. монографии О. А. Климкович доказывает, что проблематика формуляра старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI вв. является важной и актуальной. Автор подвергла тщательному анализу духовные, купчие и жалованные грамоты. Подробности, касающиеся принципов формулярного анализа, проведенного исследовательницей, будут представлены

в следующем подразделе, здесь приведем лишь сведения на тему критериев жанровой принадлежности.

Ольга Александровна Климович, охарактеризовав мнения разных авторов, касающиеся способов определения жанровой принадлежности деловых документов, сама ссылается на вышеприведенную дефиницию А. Н. Качалкина и предложенные им шесть признаков, которые являются для исследовательницы основой классификации духовных, купчих и жалованных грамот. О. А. Климович подчеркивает также значение названия документа и его коммуникативную целевую установку (Климович 2015: 16–17).

Огромным достоинством работы белорусской лингвистики является разработка вопроса жанровой принадлежности в текстологической перспективе. Автор рассматривает языковые элементы старорусских документов как средства связности (Климович 2015: 97), а также как единицы, относящиеся к неязыковой реальности, к целой коммуникативной ситуации (Климович 2015: 91). Внимания заслуживает также замечание О. А. Климович о том, что «в языке грамот прослеживается связь жанра актовых текстов с употреблением в них определенных структурно-семантических разновидностей предложений, что является одной из отличительных черт деловой письменности». Эта связь, конечно, наблюдается не только в синтаксисе, но и на других уровнях языка. Установление такого типа связей во взаимных грамотах является одной из целей настоящей работы.

Яна Юрьевна Коваленко в статье *Жанры деловой переписки XVII века: указная грамота и отписка (по материалам «Актов Иверского Святоозерского монастыря»)* анализирует два, названных в заглавии, жанра деловой письменности. В своей работе автор сосредоточивается на двух аспектах: 1. формуляре, который определяет как «языковую оболочку (набор устойчивых и обязательных формул-словосочетаний и предложений), в которую облакалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» (Коваленко 2011: 123), 2. модальных признаках А. Н. Качалкина, описанных выше. В дефиниции формуляра, приведенной Коваленко, стоит обратить внимание на указание цели составления документа как черты, отличающей разные документы друг от друга. Хотя это не выражено прямо, можно полагать, что автор имеет в виду различия на уровне жанра. Таким образом можно бы даже сформулировать дефиницию жанра, относящуюся к текстам делового характера, как «тексты, объединенные общим формуляром и целью составления».

Важные замечания о жанре документов обнаруживаем также в статье О. Ю. Васильевой *Отписка как жанровый источник деловой документации (на материале региональных архивных источников г. Омска)* (2016). Автор подвергает анализу языковую сторону и диалектальные особенности отписок XVII в., поэтому в названной статье замечания, касающиеся самого определения названного жанра, отсутствуют. Исследовательница считает существование жанра отписки бесспорным фактом, описанным уже во многих работах, в том числе А. Н. Качалкиным в *Жанрах русского документа допетровской эпохи*, несмотря на то, что в труде этого исследователя находим лишь общие замечания на тему отписки как жанра.

Все-таки, стоит особо отметить замечание Васильевой о том, что «возникновение жанра отписки определялось рядом причин как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера» (Васильева 2016: 11), подчеркивающее роль контекста как в составлении отдельных текстов, так и в формировании жанра как такового. Также в ходе анализа типов отписок О. Ю. Васильева уделяет много внимания отношениям между участниками коммуникативной ситуации, как сама ее определяет (Васильева 2016: 14).

С проблематикой жанровой принадлежности документов тесно связано понятие формуляра. Оно является ключевым при описании жанра текстов делового характера, поэтому необходимо подробно его охарактеризовать.

3.4 Формуляр

Как указывалось выше, исследуя тексты делового характера и пытаясь определить их жанры, существенным кажется описание их формуляра, т. е. «отчетливой, строгой структуры, состоящей из неких устоявшихся конструкций, расположенных в определенном порядке» (Качалкин 1988: 22). В этом смысле документы довольно легко подвергаются классифицированию – они, как правило, составлялись по определенному образцу, благодаря чему обладают повторяющейся структурой. Все-таки, определить их главные особенности, позволяющие отличить разные виды документов друг от друга, часто представляется затруднительным.

Способом выявления этих особенностей является формулярный анализ. Данный подход к деловым документам предлагался еще известным российским историком А. С. Лаппо-Данилевским (Лаппо-Данилевский 2007: 134–169 [1920]), а усовершенствовал его С. М. Каштанов. Как пишет Г. Н. Сапожникова о труде Каштанова, «он показал, что благодаря формулярному анализу можно отделить случайное от закономерного, выяснить условия возникновения и совершенствования актов, а в связи с этим и конкретно-исторические факты и процессы» (Сапожникова 2014: 144). В дальнейшей части нынешнего раздела подробно опишем главные принципы формулярного анализа Каштанова с целью использования их при разработке формуляра взаимных грамот.

Сначала обратим внимание на общие характеристики формулярного анализа. В дипломатике его главной чертой является деление на составляющие в иерархическом порядке. Два главных, наиболее часто повторяющихся компонента – это оформляющая часть (в которой находятся сведения об адресате и адресанте документа, месте и дате его составления, свидетелях, а также «разного рода справки, приписи, подписи, закрепы, ссылки и т. п. атрибуты развитого делопроизводства» – Качалкин 1988: 22) и содержательная часть (в которой излагаются подробности данного дела). Традиционно для определения составных частей документа применяются термины латинского происхождения (например, начальный протокол составляют инвокация, интитуляция, инскрипция и салютация – Сапожникова 2014: 144).

Как упоминалось ранее, усовершенствованный метод формулярного анализа был разработан С. М. Каштановым. Российский историк, перед тем как представить принципы своего анализа, излагает способы общей классификации актов (отнесение их к определенным «видам»). Автор указывает следующие формально-юридические

признаки видов: 1. происхождение актов, 2. их содержание и 3. форму, понимаемую им как комбинация устойчивых статей (Каштанов 1970: 15). Описание формы взаимных грамот является также предметом нашего интереса.

Что касается классификации исторических источников, С. М. Каштанов принимает три главных критерия: их происхождение, авторский признак (кто и к кому обращается) и цель создания. Хотя исследователь уделяет больше внимания историческим, чем языковым чертам документов, согласно его классификации исследуемые нами грамоты следовало бы отнести к категории: 1) Акты периода развитого феодализма; 2) Договоры, возникшие в сфере социально-политических отношений; б) между носителями государственной власти (князьями, герцогами, королями и т. п.).

Согласно С. М. Каштанову, «внутренняя форма» документа «не исчерпывается» одним формуляром, так как на самом деле можно говорить о четырех его типах (Каштанов 1970: 26–27):

- условный формуляр – наиболее общая схема построения документов в целом,
- абстрактный формуляр – общая схема построения документов определенной разновидности,
- конкретный формуляр – схема построения определенных небольших групп документов в рамках разновидности,
- индивидуальный формуляр – схема построения отдельно взятого текста.

Замечания автора о более сложном строении формуляра, чем это традиционно принимается, следует признать справедливыми, однако стоит задуматься, настолько правильным является определение «индивидуальный формуляр» по отношению к отдельным текстам. Термин «формуляр» относится всегда к некой повторяемой структуре, объединяющей разные тексты. Поэтому более адекватным кажется, например, определение «индивидуальная реализация формуляра», поскольку очевидным является факт, что даже документы одного формуляра будут в некоторой степени отличаться друг от друга на уровне структуры, все-таки реализуя один и тот же формуляр.

Наиболее общий уровень организации текста – условный формуляр – объединяет практически все тексты делового характера, не только русские, но также западноевропейские. С. М. Каштанов подчеркивает, что названия отдельных частей документов, закрепленные в западноевропейской литературе, не вошли в общее

употребление среди российских исследователей, поэтому отсутствуют их русские эквиваленты. Несмотря на это, Каштанов предлагает ввести в научный оборот нижеследующие термины (термины *начальный протокол*, *текст*, *конечный протокол* в данных местах были добавлены нами в целях объединения западноевропейской номенклатуры и системы терминов, предложенной Т. Зиккелем и Ю. Фиккером, на которую ссылается С. М. Каштанов):

Начальный протокол:

- *invocatio* – богословие,
- *intitulatio* – адресант,
- *inscriptio* – адресат,

Текст:

- *salutatio* – приветствие,
- *prologus* – преамбула,
- *notificatio* – объявление,
- *narratio* – повествование,
- *dispositio* – распоряжение,
- *sanctio* – санкция,
- *corroboratio* – удостоверение,

Конечный протокол:

- *datum* – выходные данные,
- *apprecatio* – заключение.

Как правильно отмечает Каштанов, не в каждом документе можно обнаружить все названные компоненты, а порядок их расположения тоже может отличаться от представленного (Каштанов 1970: 28). Поэтому необходимо исследовать каждый документ с целью раскрытия его структуры. В этом заключается первый этап формулярного анализа, который позволяет охарактеризовать индивидуальный формуляр. В свою очередь, анализ совокупности индивидуальных формуляров служит выявлению повторяющихся элементов, а тем самым указанию абстрактных и конкретных формуляров.

С. М. Каштанов предлагает выделить в тексте документов следующие составляющие:

1. статьи – состав сложных предложений, объединенных общей темой, одной мыслью, часто одним подлежащим;

- а) предложения;
- i) обороты;
- (1) элементы;
- (a) характеристики.

Элементы и характеристики включают в себя следующие понятия:

- Реалии: имена собственные лиц и названия географических объектов.
- Формулы – устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой.
- Описания – отступления от «типичных» формул, более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия.

Такой способ деления текста на статьи и их более мелкие части – это, по словам С. М. Каштанова, «результат интерпретации акта, т. е. толкования его буквального смысла, грамматической и дипломатической структуры» (Каштанов 1970: 30).

Ниже приводится пример документа, подверженного формулярному анализу С. М. Каштановым (Каштанов 1970: 44). Аналогичный анализ был проведен на исследуемом нами материале. Его результаты будут представлены в разделе 4.

[Протокольно-диспозитивная часть]

Ст. 1. «Се яз... пожаловал... игумен ... будет».

[Dispositio]

[P I, податной]

Ст. 2. «Что у них... не дают».

Ст. 3. «А коли пошлю... некоторым делам».

[Sanctio]

[P I]

Ст. 4. «На сю мою грамоту... грамоты дертной нет некоторой».

[Dispositio]

[P II, судебный]

Ст. 5. «И волостели... одного душегубства».

Ст. 6. «А праведьчики и доводчики... ни по что».

Ст. 7. «А ведает и судит... или кому прикажут».

Ст. 8. «А случится суд сместной... на виноватом».

Ст. 9. «А кому будет... бояре введеные».

[P III, о пятне]

Ст. 10. «А лошади пятнат... не дают».

[P IV, о душегубстве]

Ст. 11. «А учинится... душегубства... не имати ничего».

Ст. 12. «А кто у них... продажи нет».

[P V, заповедный]

Ст. 13. «А наши князи... силно не емлют».

[P VI, о рыбной ловле]

Ст. 14. «Такоже есми... тоней».

Ст. 15. «А кто мой подлечик... не емлет».

[Sanctio]

[P II]

Ст. 16. «А которого своего наместника... грамоты нет».

Ст. 17. «А коли явят... не дают ничего».

Ст. 18. «А кто ся ослушает... быти в казни».

[Конечный протокол]

Ст. 19. «Писано на Москве, лета 7023, февраля 17 день».

Стоит еще обратить внимание на следующее замечание С. М. Каштанова (1970: 44):

Членение текста на статьи и приведение этого членения в некоторое соотношение со схемой условного формуляра есть, разумеется, лишь начальная стадия анализа документа, но без нее невозможны какие-либо сравнения источника с другими.

Именно поэтому в аналитической части настоящей работы будет проведен формулярный анализ взаимных грамот для того, чтобы названное сравнение представлялось возможным.

На работы, как Лаппо-Данилевского, так и С. М. Каштанова ссылается О. А. Климкович в своей упомянутой выше монографии. Однако Климкович не проводит формулярного анализа, строго следуя рекомендациям Каштанова. Свой

методологический подход она определяет как «сравнительно-сопоставительный лингвистический» анализ. Его главной чертой является деление текста на смысловые блоки (СБ), которые организуются в тексте в главные его части: зачин и концовку, представляющие собой оформляющую часть, и содержательную часть, включающую в себя основную информацию текста. Каждая из частей содержит смысловые блоки, которые можно соотнести со «статьями» в терминологии Каштанова. Далее СБ делятся на конструкции разной степени фиксированности: свободные сочетания, устойчивые сочетания, устойчивые конструкции и формулы. Климкович прилагается также словарь употребляемых терминов.

Следует, однако, подчеркнуть, что в работе О. А. Климкович не обнаруживаем описания формуляра договорных грамот – исследовательница подробно анализирует только духовные, купчие и жалованные грамоты, не затрагивая вопроса других типов документов.

В свою очередь, в упомянутой ранее статье О. Ю. Васильевой имеются важные замечания, касающиеся формуляра отписки. Стоит, например, обратить внимание на «основные элементы формуляра», названные в статье:

1) адресат + титулы (*Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу*);

2) адресант + формула самоуничижения (*холопи твои Гришка Петровъ-Соловово съ товарищи*) + формула челобитья (*челомъ бьютъ*) (Васильева 2016: 14).

Выделение выражений, служащих для обозначения участников дискурса – это существенный элемент формулярного анализа.

Ольга Юрьевна Ельчанинова, российская кандидат исторических наук, проводит подробный анализ многочисленных жанров грамот XVII в., а именно: уставных, указных, жалованных, купчих, клаузул. В своем анализе автор пользуется предложенными Каштановым терминами латинского происхождения, относящимися к отдельным частям документов, и объясняет их следующим образом: *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит акт), *invocatio* (инвокация – обозначение адресата), *inscriptio, disposition* (диспозитивная часть, т. е. распоряжение по существу дела), *sanction* (т. н. посвящение Богу, Троице, Богородице, например: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»), *sanctio* (санкция как запрещение нарушения распоряжения и установление меры ответственности за это), *corroboration* (корроборация, скрепа документов — подпись, приложение печати), *datum* (дата — указание места и времени выдачи грамоты), *signature* (подписи) (Ельчанинова 2016: 22–23). Стоит также обратить

внимание на замечание Ельчаниновой о том, что «применение формулярного анализа при изучении правовой природы русских грамот того времени позволяет определить их видовую принадлежность, рассмотреть структуру и извлечь из них информацию, установить порядок, время и место создания». Это показывает, что методологические приемы, предложенные Лаппо-Данилевским и развитые А. Н. Качалкиным, до сих пор являются актуальными. Ольга Юрьевна Ельчанинова утверждает также, что изучение формуляра правовых документов «позволяет исследовать их комплексно, не отделяя отдельные клаузулы друг от друга», одновременно помогая обнаружить то, что уникальное для отдельных документов (Ельчанинова 2016: 24).

При разработке формуляра документов необходимо учитывать достижения историков. Как упоминалось ранее, отношение историков и лингвистов к текстам могут существенно отличаться. В трудах историков отсутствуют определения, которые непосредственно можно было бы истолковать как жанровые характеристики, но анализы историков могут применяться для обозначения таких характеристик. Особого внимания заслуживает подробное описание договоров историками, которое в большой степени совпадает с лингвистическим анализом формуляра.

Л. В. Черепнин, рассматривая отдельные грамоты, называет их следующие значительные части (примеры почерпнуты из комментария к *Договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с князем удельным Владимиром Андреевичем 1367 г.* – Черепнин 1948: 34–35):

- ссылка на прежние договоры («А жити ны потому, как то отци наши жили с братом своим со старейшим, з дядею нашим со князем с великим с Семеном»);
- формула подчинения младшего брата великокняжеской власти («а тебе, брату моему молодшему, князю Володимеру, держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети во всешь; а мне, князю великому, тебе, брата своего, держати в братстве без обиды со всешь»);
- статья об общих «друзах» и «недрузах» («А что ти слышев о мне от крестьянина ли, от поганина ли о моем добре или о лисе, или о нашей отчине и о всех крестьянех, то ти мне поведати вправду, без примышленья, по целованью; а мне такоже тебе поведати»);
- признание владельческой самостоятельности обоих князей («тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина») и его развитие в ряде специальных статей

о покупке сел в чужом уделе, держании закладней и оброчников, посылке приставов и данщиков, выдаче жалованных грамот;

- предоставление права сношений с Ордой великому князю;
- вопросы боярской службы («А чего ми будеть искати на твоих боярех или чего искати тебе на моих боярех, нам отослати от себе по боярину, те тому делу учинять исправу; а ци о какове деле мехи себе сопрутся, ехати им на третий, кого себе изберуть, тамо ехав перемолвятся»);
- вопрос об участии бояр удельного князя в военных походах великого князя (обязательство удельного князя посылать «без ослушанья» своих бояр и слуг по требованию «старейшего брата»).

Л. В. Черепнин также достаточно критически комментирует сведения С. М. Соловьева о положениях междукняжеского права, замечая, что автор *Истории отношений между князьями Рюрикова дома* «не находит даже нужным сослаться на отдельные договоры» (Черепнин 1948: 7) при описании тех отношений. С. М. Соловьев в начале раздела, посвященного княжеским отношениям от Иоанна Калиты до Иоанна III, фактически описывает их в общих чертах, не ссылаясь на отдельные документы (Соловьев 1847: 307–308). Установление, насколько это правильно с исторической точки зрения, не является существенным для настоящего исследования, зато указывает на любопытный для филолога факт: документы того времени были по содержанию до такой степени похожи друг на друга, что историк мог трактовать их как совокупность эквивалентных текстов. Это подтверждает предположение о том, что в XIV в. уже существовал отчетливо выработанный формуляр договорных грамот. Его анализ будет являться предметом следующего раздела настоящей работы.

3.5 Грамота – договорная грамота – взаимная грамота

В настоящей работе исследуются тексты, которые определяются иногда как *взаимные грамоты*. Это определение является уточняющим тип документов, называемых *договорными грамотами*. Поэтому перед тем как объяснить значение слова «взаимные» в этом употреблении, надо описать самые договорные грамоты, что, в свою очередь, требует объяснения понятия грамота, которое, с одной стороны, очень распространено при назывании среднерусских документов, но, с другой, достаточно неоднозначное. Ниже будет представлен способ применения терминов *грамота*, *договорная грамота* и *взаимная грамота* в научном пространстве.

Подробный анализ употребления слова *грамота* по отношению к *акту* и *документу* проводит С. М. Каштанов, хотя его разработка касается скорее юридического, чем лингвистического аспекта, поскольку названный исследователь занимается вопросами дипломатики. Им подчеркивается разграничение документов договорного и недоговорного характера, причем, по его мнению, договорный документ – это акт, а грамота – скорее документ, который не обязательно обладает чертой договорности: «Среди источников, называющих себя „грамотами”, имеется большое количество документов недоговорного содержания, и в то же время целый ряд разновидностей актов (особенно XVIII–XIX вв.) не входит в число „грамот”» (Каштанов 1970: 8). Кроме того, Каштанов подчеркивает, что все документы (так договорного, как и недоговорного характера) обладают общими признаками построения вступительной и заключительной частей. Что касается договорных документов, то они отличаются большим количеством готовых, повторяемых в каждом акте, формул, находящихся в содержательной части, по сравнению с более свободными «описательными формулировками» других документов. Это требует своеобразных приемов исследования для каждой из категорий документов. Одновременно, исследователь подчеркивает, что многие документы находятся в промежуточном положении между актами и неактами, а оба типа документов взаимно влияют друг на друга.

Согласно Каштанову, акт это документ, в котором в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между «частными лицами», государствами и другими субъектами (Каштанов 1970: 9). Придерживаясь дефиниции данного термина, разработанной Каштановым, исследуемые нами договорные грамоты можно безоговорочно отнести к актам.

А. Н. Качалкин представляет эволюцию значения слова *грамота* следующим образом:

1. писанный текст;
2. «документ от главы государства подданному, предоставляющий право владения или пользования чем-либо» (с XIV в.);
3. «деловое письмо распорядительного характера из центрального учреждения в местные учреждения и к должностным лицам» (с середины XV в.) (Качалкин 1988: 61–62).

Кроме того, А. Н. Качалкин выделяет различные жанры документов, основываясь на их самоназваниях (названиях, которые обнаруживаем в самих документах), и устанавливает их подтипы, ссылаясь на разные признаки, напр.: способ составления или обращения с документом, тему, источник документа. Жанр *договорная грамота* выделяется автором по признаку темы документов.

Стоит также подчеркнуть, что кроме определения *договорная грамота* к интересующим нас источникам применяются и другие термины: *докончальная*, *крестная*, *ряд* или просто *договор*. Такое номенклатурное многообразие усложняет задачу их описания и анализа, поскольку исследователь каждый раз должен проверить, относятся ли на самом деле данные термины к анализируемым им источникам или в виду имеется другой тип документа. Это находит свое подтверждение в *Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*, в котором статья «Договор как источник права в древней Руси» отсылает к статье «Докончанье» со следующим объяснением:

Докончанье – так назывался у нас прежде *договор*, для обозначения которого употреблялись еще равнозначные термины – *ряд* или *крестное целование*. Значение договора в древнее время было гораздо шире, чем в наши дни. Им определялись не только гражданские отношения, но и политический быт, отношения между князьями, отношения князя к народу (вечу) и отношения князя к дружине. По своему содержанию Д[окончанья] крайне разнообразны (Дьяконов, электронный ресурс).

Из последующего описания докончаний следует, что, во-первых, существуют три типа докончаний по характеру участвующих в договоре лиц: междукняжеские, договоры князей с народом и договоры князей с дружиной, а также их главные

тематические секции. В интересующих нас междукняжеских договорах, согласно М. Дьяконову (электронный ресурс), затрагиваются следующие главные темы:

- условия о неприкосновенности и независимости владений союзников,
 - условия о братстве князей,
 - условия мирного союза,
- а также ряд других:

правила об отъезде от одного князя к другому вольных слуг; об общем суде по спорным вопросам о границах и по частным делам; о порядке торговли, о выдаче преступников, беглых холопов и должников, о возвращении изменников и награбленного до заключения мира и проч.

Такое описание можно считать началом попытки определить главные жанровые черты докончаний, обусловленные социальным статусом участвующих лиц и тематикой.

В свою очередь, С. М. Каштанов характеризует договорные грамоты следующим образом:

Договорные грамоты (докончальные, крестные) – публично-правовые акты, закреплявшие договоры между великими и удельными князьями Руси, а также Русью и иностранными государствами. От 12 века имеются летописные сообщения о договорах ("рядах") князей с городами (Каштанов, электронный ресурс).

Стоит подчеркнуть, что и здесь появляется другое определение – крестная грамота, а также – ряд, но как определенный тип договорной грамоты, зато главной чертой, выделяющей договоры из числа других документов, является личность заключающих ее лиц – великие и удельные князья или «Русь и другие государства». Далее автор лишь перечисляет сохранившиеся до сих пор договорные грамоты, указывая на то, кем они заключались (князьями, государствами, городами), а свою дефиницию заканчивает общим замечанием о том, что «договорные грамоты – ценный источник по истории экономики, внутренней и внешней политике средневековой Руси». Такие общие сведения невозможно признать достаточными для установления жанровых особенностей. Единственной отличительной чертой следует считать личность лиц, заключающих договор.

Здесь стоит также подчеркнуть, что Л. В. Черепнин, описывая документы, которые исследовались нами, употребляет по отношению к ним как название *договорная грамота*, так и *докончальная грамота* или *докончание*.

При таком непоследовательном употреблении названий документов название само по себе нельзя признать достаточным показателем жанровой принадлежности. Правда, исследователи часто считают самоназвание документа существенным элементом, помещающим данный текст в определенном месте в видовой классификации текстов. Однако, как справедливо замечает А. Н. Качалкин, и этот фактор является недостаточным для точного установления жанра, поскольку все еще неизвестно, почему писец применял данное название. Одновременно исследователь подчеркивает трудности, возникающие при попытках объяснения этих причин:

Историк С. А. Шумаков, разбирая содержание и формуляр группы документов с самонаванием память, сделал ряд ценнейших наблюдений, касающихся содержания памятей как вида документов. Но ему так и не удалось определить, какой признак значения отделял память от записи и от грамоты, что заставляло старорусского канцеляриста уверенно именовать один тип документа памятью, другой – записью, а третий – грамотой (Качалкин 1988: 27).

Представленный пример показывает, что даже подробный анализ содержания акта может оказаться недостаточным для того, чтобы объяснить сферу применения данного названия. Кроме того, в работе А. Н. Качалкина находим интересное замечание об употреблении слова «грамота» историком С. А. Шумаковым. Автор приводит мнение С. А. Шумакова, который делит частные акты на две большие группы: «грамоты» и записи. Слово «грамоты» заключается в кавычки потому, что, согласно Шумакову, этот древнейший термин для названия частных актов впоследствии был заменен термином запись и что такое деление можно проводить лишь по тому, «как чаще всего сами себя называют частные акты». (Шумаков 1917, цит. по: Качалкин 1988: 7). Однако, характеризуя отдельные акты частного права, он употребляет и другие названия, например, память.

Нашей целью, в свою очередь, является объяснить употребление более узкого понятия, подтипа грамоты. Поэтому мы считаем обоснованным проанализировать содержание и структуру текстов с целью найти те их общие черты, которые объединяют их в один жанр. Как указывалось ранее, главной чертой, отличающей один

тип документов от других, является формуляр. Подробный анализ формуляра взаимных грамот будет представлен в следующем разделе.

4 Формулярный анализ взаимных грамот

4.1 Материал

В настоящем разделе будут подробно представлены результаты исследования, целью которого являлось:

- установить общие и индивидуальные черты 25 взаимных грамот;
- выявить способы обозначения участников дискурса, засвидетельствованные в них;
- описать на их примере коммуникацию между князьями в XV–XVI вв.

Первая из названных выше целей была достигнута посредством формулярного анализа.

Как упоминалось раньше, разработке подверглись 25 грамот, выбранных из 104 текстов, помещенных в сборнике среднерусских документов: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (далее ДДГ). Ниже следует их перечень с датировкой и нумерацией по ДДГ:

- **№ 24.** [1428 г. марта 11]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем;*
- **№ 30.** [1433 г.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем;*
- **№ 35.** [1436 г. июня 13]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем;*
- **№ 36.** [Около 1439 г.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Василием Юрьевичем;*
- **№ 38.** [1441– 1442 гг.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем;*
- **№ 45.** [Около 1447 г. июня 19]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем;*
- **№ 52.** [1448 г. декабря 15 – 1449 июля 21]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем суздальским Иваном Васильевичем;*
- **№ 55.** [1450 г. июля 1]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем;*

- № 56. [1450– 1454 гг.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем;*
- № 58. [1451– 1456 гг.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем;*
- № 59. [Около 1456 г.]. – *Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем;*
- № 63. [1462 г. марта 27 – 1464 г. сентября 13]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем;*
- № 64. [1462 г. марта 27 – 1464 г. сентября 13]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем;*
- № 67. [1472 г. ранее сентября 12]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем;*
- № 69. [1473 г. февраля 13]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем волоцким Борисом Васильевичем;*
- № 70. [1473 г. сентября 14]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Андреем Васильевичем;*
- № 72. [1481 г. февраля 2]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Борисом Васильевичем;*
- № 73. [1481 г. февраля 2] – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем волоцким Борисом Васильевичем;*
- № 75. [1482 г. апреля 4]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем;*
- № 76. [1483 г. июня 9]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем;*
- № 79. [1484– 1485 гг.]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Борисом Васильевичем;*
- № 81. [1486 г. августа 20]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем волоцким Борисом Васильевичем;*
- № 82. [1486 г. ноября 30]. – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Андреем Васильевичем;*
- № 84. [1496 г. августа 19]. – *Докончание великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем;*

- № 90. [1504 г. июня 16]. – *Докончание великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем;*
- № 101. [1531 г. августа 24]. – *Докончание великого князя Василия Ивановича с князем дмитровским Юрием Ивановичем.*

Каждый из названных документов состоит из двух отдельных текстов, напр. «*Докончание великого князя Василия Ивановича с князем дмитровским Юрием Ивановичем*», охватывает:

- а) *Грамоту в. кн. Василия Ивановича кн. Юрию Ивановичу,*
- б) *Грамоту кн. Юрия Ивановича в. кн. Василию Ивановичу.*

По обозначениям ДДГ, в большинстве случаев, грамота а) пишется от имени великого князя, а грамота б) от имени князя удельного, кроме, конечно, случаев, в которых обоими участниками дискурса являются великие князья. Такое обозначение текстов сохраняется в настоящей работе.

4.2 Типы формуляров

4.2.1 Филологическая классификация взаимных грамот

В ходе анализа всех 25 взаимных грамот с учетом шести описанных ранее «принципов филологической классификации документов», разработанных А. Н. Качалкиным (1988: 45–51), нами были установлены их следующие черты:

1. Время, к которому относится документ: будущее.

Большинство изученных документов представляют собой распоряжения разного типа. Они регулируют взаимоотношения князей, границы земель, отношения с другими князьями и государствами.

2. Признак отношения государственного и частного права: и адресант, и адресат являются представителями власти.

Хотя А. Н. Качалкиным договоры разного типа определяются как документы, в которых адресат и адресант выступают как частные лица, нельзя таким образом классифицировать анализируемые нами договорные грамоты. Стороны, заключающие договор, выступают как представители власти – великие или удельные князья, обладающие определенными полномочиями, способные решать проблемы княжества и устанавливать отношения с другими представителями власти. Таким образом, документ, составляемый ими, имеет государственно-правовой характер.

3. Признак места документа в документообороте: между лицами на одном уровне.

Хотя нельзя сказать, что оба князя всегда являются равными в иерархии (удельный князь подчинен великому князю), и в самих документах устанавливаются отношения подчиненности («брате старейший», «брате младший»), оба они выступают как представители власти и созданные ими документы не перемещаются ни вверх, ни вниз в сословном смысле.

4. Источник документа: письменная речь.

Договорные грамоты основаны на других документах, составленных ранее в письменной форме.

5. Признак отношения содержания текста к предметной ситуации: конкретное.

По определению А. Н. Качалкина, конкретное отношение содержания текста означает, что «документ применим лишь к определенной конкретной ситуации». К данной категории принадлежат все документы, фиксирующие личные или

общественные распоряжения – именно такой характер имеют договорные грамоты. В них описываются отношения между конкретными князьями и распоряжения, касающиеся точно определенных ситуаций. Поэтому эти грамоты можно также рассматривать в качестве правовых документов.

6. Воспроизводимость в документе текста другого документа или упоминание в одном документе другого документа: в договорных грамотах находятся отсылки на другие документы.

Хотя сам текст грамот не является воспроизведением других текстов, в них можно обнаружить ссылки на другие, письменные документы, напр. завещания: «По душевной грамоте моего отца» или «по благославенью моего отца». Это, в свою очередь, указывает на их интертекстуальность. Они существуют в более широком контексте других документов и ссылаются на них.

4.2.2 Условный и абстрактный формуляры

В разделе 3.4 были рассмотрены элементы формулярного анализа С. М. Каштанова. Каштановым было введено деление типов формуляра на условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный. Анализ индивидуальных формуляров отдельных грамот позволил установить, прежде всего, абстрактный («общую схему построения документов определенной разновидности» – Каштанов 1970: 26) и конкретный («схему построения определенных небольших групп документов внутри разновидности» – Каштанов 1970: 27) формуляры взаимных грамот. В главной части настоящего раздела будет подробно представлен конкретный формуляр взаимных грамот с делением на составляющие части: статьи, предложения и обороты. Характеристики и элементы будут представлены на различных примерах, так как они принадлежат скорее индивидуальному формуляру. Начнем, однако, с краткого описания условного формуляра.

Ранее указывалось на то, что условный формуляр объединяет практически все тексты делового характера и состоит, как правило, из начального протокола, текста и конечного протокола. В свою очередь, в начальном протоколе взаимных грамот можно выделить:

- *invocatio*,
- *intitulatio*,
- *inscriptio*;

в тексте:

- *prologus*,
- *dispositio*,
- *sanctio*,
- *corroboratio*;

а в конечном протоколе:

- *datum*,
- *apprecatio*.

Абстрактный формуляр состоит из вышеперечисленных компонентов. Все названные части, особенно распорядительную, можно разделить на более мелкие, повторяющиеся элементы, которые часто выступают во многих (иногда – во всех) документах в одинаковом или почти одинаковом порядке. Эти компоненты перечисляются в следующем подразделе.

Здесь стоит подчеркнуть, что, как кажется, по данному абстрактному формуляру составлены все документы, определяемые как «договорная грамота». Однако, поскольку наш анализ ограничивался грамотами взаимного характера, это лишь предположение, которое нуждается в подробном, отдельном исследовании. Полагаем, что нижеследующая характеристика конкретного формуляра может стать важной исходной точкой для дальнейшего анализа корпусов древнерусских текстов делового характера.

4.2.3 Конкретный формуляр взаимных грамот

Перед тем как описать все существенные элементы, выступающие во взаимных грамотах, приведем общую характеристику употребляемых нами обозначений.

Следуя вышеприведенным правилам формулярного анализа С. М. Каштанова, **составляющие части документа** будут пониматься следующим образом:

- **статьи** (группа сложных предложений, объединенных общей темой, одной мыслью, часто одним подлежащим) – будут определяться с применением краткого (1–2 слова), созданного нами названия, которое относится к их главной теме. В таблице указаны будут только те статьи, которые встречаются, как минимум, в двух грамотах, благодаря чему в какой-то степени можно их считать повторяющимися. Стоит отметить, что деление на

статьи не всегда будет совпадать с делением на абзацы в издании ДДГ, по которому цитируются тексты исследуемых документов;

- **предложения** – будут проиллюстрированы одним типичным примером; если одна и та же мысль выражалась с помощью разных предложений, приводятся их альтернативные варианты;
- **обороты** – как составные части предложений, цитируются без особого выделения;
- **элементы и характеристики** – поскольку, по описанию С. М. Каштанова, они состоят из различных компонентов, нами трактуются по-разному: реалии, как часто меняющиеся, опускаются и заменяются в предложениях символом (...); формулы включены в состав оборотов; описания игнорируются.

Кроме вышеназванных компонентов, нами добавляется информация о способе обозначения участника дискурса, которая может характеризовать исключительно взаимные грамоты. Этот вопрос нуждается в более подробном объяснении.

Как упоминалось в начале настоящей работы, взаимная грамота состоит из двух почти одинаковых документов. То, что их отличает – это личность отправителя и адресата. Поэтому, в общих чертах, можно выделить два главных типа обозначения участников дискурса:

А. В обоих вариантах документа употребляется одна и та же форма, напр. 1 лицо единственного числа. В таком случае референция местоимения разная, несмотря на идентичные языковые средства, употребляемые в документах – например, в данном фрагменте каждый из князей указывает на себя, т. е. в обоих документах применена форма первого лица.

Б. В двух вариантах грамоты употребляются разные – комплементарные формы, указывающие на лицо, напр. форма глагола в 1 лице в одном из них и во 2 лице в другом. В данном случае референция одинаковая, один князь указывает на себя, другой – на первого князя.

Иногда встречаются еще два типа, один, определяемый нами как **В**, в котором личное местоимение в одном варианте соответствует возвратному местоимению в другом варианте, или же местоимению в третьем лице, и тип **Г**, где в одном из вариантов отсутствует форма, указывающая на лицо, присутствующая в другом. Эти типы, однако, редкие и нетипичные, поэтому не будут учитываться при описании

конкретного формуляра, который охватывает формы, употребляемые регулярно, повторяющиеся. На этих исключениях сосредоточимся в дальнейшей части.

Кроме типов А и Б, нами выделяются также **подтипы 1, 2, 3, 4**, учитывающие способ применения числа в грамотах, а именно:

1. единственное число в обоих вариантах;
2. множественное число в обоих вариантах;
3. единственное число в варианте а), соответствующее множественному числу в варианте б);
4. множественное число в варианте а), соответствующее единственному числу в варианте б).

И здесь можно отметить, что типы 1 и 2 – самые распространенные; типы 3 и 4 являются скорее отклонениями от нормы. Применяя перекрестную классификацию обоих типов критериев, можно выделить четыре самых типичных вида соотношений:

Таблица 6. Типы способов обозначения участников дискурса во взаимных грамотах

тип	пример – грамота а)	пример – грамота б)
А1	Имети <u>ти</u> собе <u>мене</u>	Имети <u>ти</u> собе <u>мене</u>
А2	ѿ богаром и слоугам межи <u>нас</u> вольным воля	ѿ богаром и слоугам межи <u>нас</u> вольным воля
Б1	ѿ князеи <u>ти</u>, (...), <u>моих</u> слоужбных с вотчинами не примати	ѿ князеи <u>ми</u>, (...), <u>твоих</u> слоужбных с вотчинами не примати.
Б2	ѿ которые земли и воды отошли от <u>наших</u> ошчины	ѿ которые земли и воды отошли от <u>ваших</u> ошчины

Ниже, в таблице, разработке подвергается конкретный формуляр взаимных грамот. Приняты следующие обозначения:

- «часть» – составляющая по классификации Каштанова;
- «содержание» – наиболее типичный пример словесного выражения данной формулы, в котором реалии опускаются и заменяются знаком (...); примеры приводятся по варианту а) грамот, в котором отправителем является великий князь, а получателем – удельный князь (в нескольких случаях в обоих вариантах переписываются великие князья). В квадратных скобках приводится вариантная формула, которая выступает часто, но не во всех текстах, содержащих данную статью;

- «т. о.» – тип отношений по классификации, представленной в Таблице 1. В скобках приводятся редко употребляемые типы;
- «ч.» – частотность – число грамот из 25, в которых выступает данная статья, определяющее степень ее распространенности.

В первую очередь назовем те элементы формуляра, которые выступают в большей части документов, являясь формальными и содержательными жанровыми признаками взаимных грамот.

часть	содержание	т. о.	ч.
invocatio	Божьею милостью и пречистыа его богоматере, и по нашей любви / и по благославеню отца нашего (...), митрополита (...) и всеа Руси	A2	24
inscriptio	на сем на всем, брате молодшии, князь (...) (в б: ...брате стареишии, князь великии...)	A1	25
intitulatio	целюи ко мнѣ крестъ, къ своемуу братоу старѣишему, к великомуу князю (...) [и къ моим дѣтем, к князю (...), и ко князю (...), и князю (...), и съ своими дѣтми.]	A1	25
prologus			
держати/ имети	Держати [или: имети] ти мене, великого князя, собѣ братом старѣишимъ. ѿ сына моего, великого князя (...), имети ти собѣ братом стареишим. [И нашей братье молодшеи, князю (...) и князю (...), держати имъ тебя собѣ братом же молодшимъ, и твоего сына. ѿ тебе меня, своего господина, великого князя, держати собе братом старѣишимъ, а моего сына, великого князя (...), держати ти собѣ братомъ стареишим, и твоемоу сыноу, князю (...). И нашу братьею молодшою, князю (...) и князю (...), держати ти собѣ и твоемоу сыноу братьею стареишою.] ѿ меня вам, своего господина, великого князя, и моего сына, великого князя, и наше великое кляженіе держати честно и грозно, без обиды. [ѿ мнѣ, великомуу князю, и моемоу сыноу, великомуу князю, тебя и твоего сына	Б1, А1 и др.; (Б2)	21

	ДЕРЖАТИ ВЪ БРАТСТВЕ, И ВЪ ЛЮБВИ, И ВО ЧЕСТИ, БЕЗ ОБИДЫ, И НАШЕЙ БРАТЬЕ МОЛОДШЕЙ, КНЯЗЮ (...) И КНЯЗЮ (...)].		
БЫТИ	БЫТИ ТИ, БРАТЕ, СО МНОЮ, С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, ВЕЗДѢ ЗАОДИН, И ДО СВОЕГО ЖЫВОТА. ѿ МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, БЫТИ С ТОБОЮ ВЕЗДѢ ЗАОДИН, И ДО СВОЕГО ЖЫВОТА.	(А1), Б1, Б2	22
ДОБРА ХОТЕТИ	ѿ ДОБРА ТИ НАМ ХОТѢТИ ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ, ГДЕ БЫ НИ БЫЛО. [И ТВОЕМОУ СЫНОУ ВЕЗДѢ, И ВО ВСЕМ, И ДО ЖИВОТА, И НАШЕЙ БРАТЬЕ МОЛОДШЕЙ, КНЯЗЮ (...) И КНЯЗЮ (...)] ИЛИ: ѿ ДОБРА ТИ МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, ХОТЕТИ ВО ВСЕМ, ВЕЗДѢ. ѿ МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, ТОБЕ ДОБРА ХОТѢТИ ВО ВСЕМ, ВЕЗДѢ.	Б1, Б2	17
СЛЫШЕВ	ѿ ЧТО ТИ СЛЫШЕВ О МОЕМЪ ДОБРѢ ИЛИ О ЛИСѢ ОТ ХРЕСТЫАНИНА, ИЛИ ОТ ЛИТВИА, ИЛИ ОТ ИНОВЕРЦА, ТО ТИ ПОВЕДАТИ НАМ ВЪ ПРАВДОУ, БЕЗ ПРИМЪШЛЕНИЯ.	Б1, Б2	22
ДРУГ	ѿ ХТО БОУДЕТ, БРАТЕ, МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, ДРОУГ И МОИМ ДѢТЕМ, ТОТ И ТОБЕ ДРОУГ И ТВОИМ ДѢТЕМ. ѿ ХТО БОУДЕТ МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, НЕДРОУГ И МОИМ ДѢТЕМ, ТОТ И ТОБЕ НЕДРОУГ И ТВОИМ ДѢТЕМ.	Б1, Б2	22
КАНЧИВАТИ	ѿ С КЕМЪ, БРАТЕ, БОУДЕШЬ В ЦЕЛОВАНИИ, И ТЕБЕ К ТОМОУ ЦЕЛОВАНИЕ СЛОЖЫТИ. ѿ С КЕМЪ ГАЗ БОУДОУ В ДОКОНЧАНИИ, И МНѢ И ТОБѢ С ТЕМЪ ОУЧИНИТИ В ДОКОНЧАНИИ. ѿ НЕ КАНЧИВАТИ ТИ, БРАТЕ, БЕЗ МЕНѢ, БЕЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗѢ, НИ СЪСЫЛАТИСѢ НИ С КЕМЪ. НИ МНѢ, БРАТЕ, НЕ КАНЧИВАТИ БЕС ТОБѢ НИ С КЕМЪ.	Б1, Б2	22
dispositio			
БЛАГОСЛАВИ Л	ѿ ЧЕМЪ МѢ, БРАТЕ, БЛАГОСЛОВИЛ ОТЕЦЬ МОИ, КНЯЗЬ ВЕЛИКИ (...), СВОЕЮ ОТЧИНОЮ, ВЕЛИКИМ КНЯЖЕНИЕМ В НОСКВѢ, И (...) С ВОЛОСТЬМИ, И ВСЕМ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕНИЕМ, И ЧТО ЕСМЬ СОБЕ ПРИМЪСЛИЛ, ИЛИ ЧТО СОБЕ ПРИМЪСЛИМ, И ТОБЕ ТОГО ВСЕГО ПОД МНОЮ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И ПОД МОИМ СЫНОМЪ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И ПОД МОИМИ ДѢТМИ, КОТОРЫХ МНѢ ДАСТЪ БОГЪ, БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТОУПАТИСѢ.	Б1 / Б1, Б2 (А2)	20

удел	И что был, брате, оудел брата/деда моего, княжь (...), в (...), да и городы, и волости, и села, чемъ его благословил отецъ наш, князь великии, и въ своей доуховнои грамоте емоу написал, и что его благословила баба наша, великага княгини (...), волостми и селы, и въ своей доуховнои грамоте емоу написала, и того ти брате, всего подо мною, под великим князем, и под моим сыном, под великим князем, и под моими детьми, которыхъ мнѣ дастъ бог, блюсти, и не обидети, ни встоупатиса, ни подъискивати некоторою хитростью.	Б1 (1 раз Б2), (А2)	7
отчина 1	Так же ти и отчины княжихъ (...) вноучат блюсти, а не обидети, ни встоупатиса.	Б1 / Б1, Б2	11
отчина 2	Так же што ми дал богъ вотчиноу брата нашего, княжоу (...), (...) с волостми, и (...) с волостми, и (...), так же и в Юосква его жеребеи со всем тем, как было за князем за (...), и тебе того всего подо мною, под великим княземъ, и под моими дѣтми блюсти, и боронити, а не обидети, ни встоупатиса, ни твоим дѣтем.		
отчина 3	Так же ти в нашу отчиноу, въ Велики Новгород и во Псков, и во вси новгородска и во псковска места, не встоупатиса, и блюсти, и не обидети, ни подъискивати всего нашего великого княжения под мною, под великим княземъ, и под моим сыномъ, под великим княземъ, и под нашими дѣтми, ни твоим дѣтем, некоторою хитростью.		
жити	И жити ми с тобою въ Юоскве по доушевнои грамоте деда твоего, а моего прадеда, великого князя (...).	Б1 / Б1, Б2, (А2)	5
благославил 2	И чем, брате, благословил тебя отецъ [дедь] нашъ, князь велики, в Юоскве, и что отецъ наш, князь велики, благословил тебя городы и волостми, и мнѣ, великому князю, и моим дѣтем того всего по тому, как отецъ нашъ, князь велики, тебе въ своей доуховнои грамоте	Б1 / Б1, Б2, (А2)	15

	НАПИСАА, ПОД ТОБОЮ И ПОД ТВОИМИ ДѢТМИ БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТОУПАТИСА.		
пожаловал 1	<p>ДА ПОЖАЛОВАА ТІА ЕСМЪ, БРАТА СВОЕГО, КНЯЗІА (...), ДАА ЕСМЪ (...) ТВОЕМ И ТЕМ ВОЛОСТЕМЪ ТВОИМ, ЧТО ЕСМЪ К ТОБЕ К (...) ПРИДАА, ДАА ЕСМЪ ЛГОТОУ НА ПІАТЬ ЛЕТ ВЪХОДА НЕ ДАТЬ.</p> <p>Ѡ ТВОЕИ ЕСМЪ ОТЧИНЕ, СВОЕГО БРАТА, ВСЕИ ПОЖАЛОВАА ЕСМЪ, ОТДАА ПОЛОВИНОУ ВЪХОДА НА ТРИ ГОДЪ.</p>	Б1	5
пожаловал 2	<p>ТАК ЖЕ ЧТО ТІА ПОЖАЛОВАА ОТЕЦЪ МОИ, КНЯЗЬ ВЕЛИКИ (...), (...) И СЪ СЛОБОДАМИ И СО ВСЕМИ МѢСТЪ, И НАМЪ ТАКО ЖЕ И ВЪ (...) НЕ ВЪСТОУПАТИСА, И ПОД ТВОИМИ ДѢТМИ.</p> <p>Ѡ ТЕБЕ ДЕРЖАТИ (...) ПО ОТЦА МОЕГО ГРАМОТЕ, ВЕЛИКОГО КНЯЗІА (...).</p>	Б1, Б2	3
отоимет Бог 1	Ѡ ПО ГРЕХОМ, ОТОИМЕТ БОГЪ МЕНІА, ВЕЛИКОГО КНЯЗІА, И ТОБЕ ПОД МОИМИ ДѢТМИ ВЕЛИКОГО КНЯЖНИ НЕ ХОТЕТИ, И ТВОИМ ДѢТЕМ, И БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТОУПАТИСА.	Б1 / Б1, Б2, (А2)	15
отоимет Бог 2	Ѡ ОТОИМЕТ БОГЪ ТОВА, МОЕГО БРАТА МОЛОДШЕГО, И МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗІО, В ТВОЮ ОТЧИНОУ НЕ ВЪСТОУПАТИСА, НИ МОЕИ БРАТЬЕ МОЛОДШЕИ, КНЯЗІО (...), И КНЯЗІО (...), [И КНЯЗІО (...), И КНЯЗІО (...),] НИ МОИМ ДѢТЕМЪ ПОД ТВОИМИ ДѢТМИ.	Б1 / Б1, Б2, (А2)	15
дань и ям	<p>Ѡ ДАНЬ [ВЪХОД] И ГАМЪ ДАВАТИ МНѢ СЪ СВОЕЕ ОТЧИНЪ, ИЗЪ (...) С ВОЛОСТЪМИ, ПО ДАВНОМОУ, КАКЪ ЕСИ ДАВАА ОТЦОУ МОЕМОУ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗІО.</p> <p>Ѡ ЗЪ (...) И ЗЪ (...) ВОЛОСТЕИ ОТЛОЖИА ТИ ЕСМЪ ДАНИ И ГАМОУ НА (...) ГОДЪ, ОПРИЧЬ ТЕХЪ ВОЛОСТЕИ (...), ЧТО СА ЕСИ СЪСТОУПИА БРАТОУ СВОЕМОУ МОЛОДШЕМОУ, КНЯЗІО (...).</p> <p>Ѡ ОУИДОУТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДЪ, И ТОБЕ ДАВАТИ ДАНЬ И ГАМЪ ПО СТАРОМОУ, КАКЪ ЕСИ ДАВАА ОТЦОУ МОЕМОУ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗІО.</p> <p>Ѡ КНЯЗІО (...) ДАВАТИ ТОБЕ ДАНЬ И ГАМЪ И С (...) И С (...), И С ТЕХ ВОЛОСТЕИ ЗЪ (...), КОТОРЫИ ЗА НИМЪ, КАКЪ ДАВАА ПРИ МОЕМЪ ОТЦИ, ПРИ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗИ.</p>	Б1 (Б1, Б2)	6

	<p>ѿ переменит богъ ордоу, не имоу давати татаром, и тебе имати дань и ямъ съ своее отчины собе, а князю (...) с техъ съ своихъ волостей имати дань и ямъ собе, а тебе оу него не имати.</p>		
Орда	<p>ѿ орды, брате, ведати и знати нам, великим князем.</p> <p>ѿ тебе орды не знати.</p> <p>[ѿ вѣход ти мнѣ давати по томоу, как еси давал мнѣ после отца моего, великого князя, доколе опишемся, по доуховнои грамоте отца своего.</p> <p>ѿ как опишем свои отчины, и тебе мнѣ давати по тои описи.</p> <p>ѿ с (...) городка давати ти татаршиноу къ (...) по старине.</p> <p>ѿ коли, брате, газ в орды не дам, и мнѣ и тоbia не взяти.]</p>	Б1 / Б2 / Б1, Б2, (А2)	23
всести на конь	<p>ѿ коли ми будет всести на конь на своего недруга, и тебе послати со мною свои дети съ своими бояры и съ слугами. ѿ будетъ ми послати твою братью или твои дети, и тебе так же послати свои дети съ своими бояры и съ слугами.</p>	Б1 / Б1, Б2	24
царевич	<p>ѿ царевича нам (...), или хто по нем на том месте инъи царевич будет, и тебе его держати с нами с одного.</p> <p>ѿ будет, брате, мнѣ, великому князю, и моему сыноу, великому князю, иного царевича отколе прияти въ свою землю, своего для дела, и хрестыинского для дела, и тебе и того держати с нами с одного.</p>	Б1 / Б1, Б2	7
села / закладней	<p>ѿ что, брате, села мои (...), и что к ним потагло, и в то ти ся, брате, не вѣстоупатиса.</p> <p>ѿ сел ти в нашихъ отчинахъ, въ великихъ княженьяхъ, не держати, ни коупити, ни закладней не держати.</p> <p>ѿ нам, великим княземъ, въ твои отчине сел не держати, ни коупити, ни закладней не держати.</p>	Б1 / Б2, Б2	18

	<p>ѿ закладней нам в городе не держати, а блюсти нам с одного.</p>		
князья	<p>ѿ князеи ти моих служебных с вотчиною себе въ службу не принимати.</p> <p>ѿ которыи имоут тебе послужити, и имъ въ вотчиноу въ свою не вѣстоупатиса.</p>	Б1, Б2	23
	<p>ѿ кто моих князеи служебных к тебе отъедет, въ тех ти отчиноу не вѣстоупатиса, кого ми богъ порочил, ни твоим дѣтемъ, ни твоим братье молодшии.</p>	Б1, Б2	
суды судил	<p>ѿ которые суды судил еси, седа на Юоскве, а тех ми судов твоих не послужати.</p>	разные типы	7
суды потягли	<p>ѿ што, брате, которые суды потягли къ городу из моих волостен и из твоих при моем деде, при великом князи, и при моем отце, при великом князи, и те суды судят наши намѣсники, как было переж сего.</p>		
слуги потягли	<p>ѿ которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди к сотскому при моем отце, при великом князи, и тебе тех не примати. Также и мнѣ тех не примати.</p>		
бояры	<p>ѿ хто имеет жити наших бояръ, и детей боярьских, и слуг в твоим отчине, и тебе их блюсти, как и своих, и твоему сыноу.</p> <p>ѿ хто твоих бояръ, и детей боярьских, и слуг, или твоего сына имеет жити в нашей отчине, въ великом княжение, и нам их блюсти, как и своих.</p> <p>ѿ хто котормоу князю послужит, где бы ни жил, с тем емоу ѣхати, которм послужит.</p> <p>ѿ городная осада, где хто живет, томоу тоуто и сести, опроче бояръ вѣведеных и поутников.</p>	Б1 / Б1, Б2	23
вольным воля	<p>ѿ бояром, и дѣтем боярьским, и слугамъ меж нас вольным воля.</p>	А2	20
даному...	<p>ѿ даномоу, положеному, холопоу, робоу от вѣка судъ.</p> <p>ѿ тата и беглеца по исправе выдати.</p> <p>ѿ заемномоу, и порочномоу, и всемоу обидномоу меж</p>	А2	15

	<p>НАС СОУДЪ БЕЗ ПЕРЕВОДА.</p> <p>¶ СОУДАМЪ НАШИМЪ ТРЕТЕИ ВОЛНОИ.</p> <p>[¶ ОБИДНОМОУ ВСЕМОУ МЕЖЫ НАС СОУД И ИСПРАВА.</p> <p>¶ О ЧЕМ СЯ СОУДЫИ НАШЫ СОПРОУТ, ИНИ СЕБЕ ИЗБЕРОУТ ТРЕТЬЕГО В НАШЕЙ ВОТЧИНЕ, В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНЬЕ.</p> <p>¶ ИЗЪ ЗЕМЛИ ВОИ НА ТРЕТЕИ СЯ НЕ ЗОВОУТ.]</p>		
суженое...	<p>¶ СОУЖЕНОЕ, ПОЛОЖОНЕ, ЗАЕМНОЕ, ПОРОУЧНОЕ, КАБАЛНОЕ ПО ИСПРАВЕ ДАТИ.</p> <p>¶ ХОЛОПА, РОБОУ, ДОЛЪЖНИКА, ПОРОУЧНИКА, БЕГЛЕЦА, ТЯТА, РОЗБОИНИКА ПО ИСПРАВЕ ВЪДАТИ.</p>	-	3
apprecatio	<p>¶ НА СЕМ НА ВСЕМ, БРАТЕ МОЛОДШИИ, КНЯЗЬ (...), ЦЕЛОУИ КО МНѢ КРЕСТЪ, КЪ СВОЕМОУ БРАТОУ СТАРѢШЕМОУ, К ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ (...), И К МОЕЙ БРАТЬИ МОЛОДШИИ, КО КНЯЗЮ (...) И КО КНЯЗЮ (...), ПО ЛЮБВИ, В ПРАВДОУ, БЕЗ ХИТРОСТИ. ¶ ПО СЕИ НАМ ГРАМОТЕ ПРАВИТИ.</p>	A1 (A2)	25
datum	<p>Писана на (..), лета (...) день.</p>	-	13
sanctio	<p>¶ СЕ НАМ ДОКОНЧАНИЕ ПРАВИТИ И НАШИМ ДѢТЕМЪ.</p>	A2	6

Ниже представим те части грамот, которые выступают в более, чем одном документе, тем не менее не являются формальными составляющими формуляра, и тем самым – жанровыми показателями. Все они употребляются в диспозитивной части документа, поэтому вместо названия статьи, определяющего их место в документе, приводим номера грамот, в которых они засвидетельствованы.

часть	содержание	т. о.	ч.
24 и 38; воины и грабежи	<p>¶ ЧТО БЫЛИ МЕЖИ НАС В НАШЕ НЕЛЮБИЕ ВОИНЫ И ГРАБЕЖИ, ИЛИ ДАНИ И МАНТЫ, ИЛИ ГДѢ ЧТО ВЗАТО И ПОЛОЖЕНОЕ, И ТОМОУ ПОГРЕБЪ [ДЕРТЬ] НА ШЕѢ СТОРОНѢ.</p>	A2	2
35 и 38; Москва	<p>¶ Москва ти, брате, держати со мною по доушевнои грамотѣ дѣда нашего, великого князя (...).</p>	B3, B1, A2	2
35, 36, 38;	<p>¶ ПОЛОНЪ МИ ТВОИ, ЧТО БОУДЕТ ОУ ТОБЕ ВЗАТЪ, И МНѢ ЕГО СЫСКАВЪ, ОТЪДАТИ ТОБѢ ПО КРЕСТНОМОУ ЦЕЛОВАНЬЮ. ¶ ТАК ЖЕ,</p>	B1, B2;	3

ПОЛОН	БРАТЕ, И НАШ ПОЛОНЪ, И ВСЕГО ВЕЛИКОГО КНАЖЕНЬЯ, И КНАЗЕИ МОИХЪ ПОЛОНЪ, ГДѢ БОУДЕТ В КОТОРЫХЪ ГОРОДѢХ, И ВЪ ВОЛОСТЕХ, И В СЕЛЕХ ИМАЛ ОТЕЦЬ ТВОИ, ИЛИ ТЫ, ИЛИ МОИ НЕДРОУГЪ, КНАЗЬ (...), И ТОБѢ, БРАТЕ, ТОТ ВЕСЬ ПОЛОНЪ СЫСКАВЪ ВЪ СВОЕИ ОТЧИНѢ, ДА ОТЪДАТИ НАМ ПО КРЕСТНОМУ ЦЕЛОВАНЬЮ.	А1	
30, 36, 38; судьи сопрутся	Ѣ СУД НАМ ДЕРЖАТИ МЕЖ СВОИХЪ ОТЧИН ПО СТАРИНѢ, В ПРАВДОУ, БЕС ПЕРЕВОДА. Ѣ Ш ЧЕМ СУДЬИ НАШЫ СОПРОУТСА, ИНИ ЗОВОУТСА НА ТРЕТЕИ, А БЕРУТ СЕБѢ ТРЕТЬЕГО ИЗ МОИХЪ БОГАРЪ, ВЕЛИКОГО КНАЗА, ДВОУ БОГАРИНОВ, А ИС ТВОИХЪ, БРАТЕ, БОЛШЕГО БОГАРИНА ШДИНОГО. Ѣ ВОИМАНУЕТ ТРЕТЬЕГО ТОТ, ХТО ИЩЕТ, А ТОТ БЕРЕТ, НА КОМ ИЩОУТ. Ѣ НЕ ИЗБЕРОУТ СЕБѢ СУДЬИ ТРЕТЬЕГО ИС ТѢХ ТРЕХЪ БОГАРИНОВ, ИНО ИМ ТРЕТЕИ ИЗ, КНАЗЬ ВЕЛИКИ, ИНИ ПРИДОУТ ПЕРЕД МЕНА, ПЕРЕД ВЕЛИКОГО КНАЗА, И МНѢ ИМ ВЕЛѢТИ БРАТИ ИС ТѢХ ЖО ТРЕХЪ БОГАРИНОВ ТРЕТЬЕГО, НА КОТОРЫХЪ СА ЗВАЛИ. Ѣ НЕ ВСХОЧЕТ ТОТ, НА КОМ ИСКАЛИ, И С ТѢХ ТРЕХЪ БОГАРИНОВ ТРЕТЬЕВО, НА КОГО СА ЗВАЛИ, И МНѢ, КНАЗЮ ВЕЛИКОМУ, ТОГО ШБВИНИТИ И ВЕЛѢТИ НА ТОМ ДОПРАВИТИ.	А2, Б1, Б2	3
30, 36, 56; казна	Ѣ ЧТО КАЗНА МОЯ, ВЕЛИКОГО КНАЗА, И МОЕИ МАТЕРИ, ВЕЛИКИЕ КНЕГИНИ, ИЛИ ПОКЛАЖАИ МОЕИ МАТЕРИ, ЧТО ПОИМАЛЪ ШТЕЦЬ ТВОИ И ЧТО САМЪ ЕСИ ВЗАЛ, ТО ТИ МНѢ ОТДАТИ ПО ЦЕЛОВАНИЮ. Ѣ ЧТО ПОКЛАЖАИ МОИ И МОЕИ МАТЕРИ ОУ ТВОИХЪ ПОЛОЖЕНЪ, А ТО ИМЪ МНѢ ШТДАТИ. Ѣ ЧТО ЕСИ ВЗАЛ КАЗНОУ ШТЦА СВОЕГО, И ЧТО ЕСИ В ТОИ КАЗНЕ ВЗАЛЪ, ЧТО ЧИЕ НИ БЫЛО ЗОЛОТО, И ЧТО ШТЕЦЬ ТВОИ ВЗАЛ, И ЧТО ЕСИ ВЗАЛ ОУ (...) ШТЦА СВОЕГО КАЗНОУ, ИЛИ ИНДѢ ГДѢ БОУДЕШЬ ВЪЗАЛЪ КАЗНОУ БРАТЬИ МОЕИ МОЛОДШИИ, И ТОБѢ ТО ИМ ШТДАТИ. Ѣ ЧТО ЕСМЪ ВЗАЛ КАЗНОУ ТВОЮ, ИЛИ МОЯ МАТИ ПОИМАЛА, ВЕЛИКАЯ КНЕГИНИ, ИЛИ ТВОИ ПОКЛАЖАИ БОУДЕМ ПОИМАЛИ, И МНѢ ТОБѢ ТО ШТДАТИ. Ѣ ЧТО ПОКЛАЖАИ ТВОИ ОУ КОГО ОУ МОИХЪ ПОЛОЖЕНЪ, ТО ИМ ТОБѢ ОТДАТИ. Ѣ БОУДОУТ МОИ БРАТЬЯ МОЛОДШАЯ ПОИМАЛИ КАЗНОУ ШТЦА ВАШЕГО, И ИМ СА ТѢМ ПОДЕЛИТИ С	Б1	2

	<p>ТОБОЮ, ИЛИ ГДѢ ПОКЛАЖАИ ТВОИ ПОИМАЛИ, ТО ИМ ТОБЕ ОТДАТИ. И ЧТО ЕСИ ВЗАЛ КАЗНОУ ДАДИ СВОЕГО, КНЯЖ (...), И ЧТО ЕСИ ДАЛ ПО ДОУШИ, И ЧТО СѦ ОСТАЛО ОУ ТОБѦ, ЧТО ЕСИ ДАЛ ДОЛЪЖНИКОМ, ТО ТИ МНѢ ИМ ДАТИ.</p>		
<p>36, 59, 63; татарове</p>	<p>И ЦИ ИМОУТ НАС СВАЖИВАТИ ТАТАРОВЕ, А ОУЧНОУТ ВАМЪ ДАВАТИ ДОМ СВАТОГО СПАСА, А НАШОУ ОТЧИНОУ, ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНЬЕ, ТФЕРЬ И КАШИН, И ВАМЪ СѦ, БРАТЕ, НЕ ИМАТИ ЗА ДОМ СВАТОГО СПАСА И ЗА НАШОУ ОТЧИНОУ, ЗА ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНЬЕ, ТОВѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ ВАСИЛЬЮ, ПОД МНОЮ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ БОРИСОМ, И ТВОИМ ДѢТЕМ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ ИВАНУ И КНЯЗЮ ЮРЬЮ, И ПОД МОИМ СЫНОМЪ, ПОД КНЯЗЕМ ПОД НИХАИЛОМ, НИ МЕНШИМ ТВОИМ ДѢТЕМ, И ПОД МОИМИ ДѢТМИ, КОГО МИ БОГЪ ДАСТЪ, НИ ПОД МОЕЮ БРАТЬЕЮ МОЛОДШЕЮ, ПОД КНЯЗЕМ ДМИТРЕЕМ ЮРЬЕВИЧЕМ И ПОД КНЯЗЕМ ИВАНОМ ЮРЬЕВИЧЕМ, НИ ВАШИМ ВНОУЧАТОМ, НИ ПОД МОЕЮ БРАТЬЕЮ МЕНШЕЮ.</p>	<p>Б1, Б2, (А2, Б3)</p>	<p>3</p>
<p>45, 56, 58; рать</p>	<p>И МОСКОВСКАЯ РАТЬ ХОДИТ С МОИМ ВОЕВОДОЮ, ВЕЛИКОГО КНЯЗА, КАК БЫЛО ПЕРЕД СЕГО.</p>	<p>Б1</p>	<p>3</p>
<p>45, 56, 58; намест- ники и др.</p>	<p>И В ГОРОДѢ НА МОСКВѢ ПОСЛАТИ НАМ СВОИХ НАМѢСТНИКОВ, И ОНИ ОЧИСТАТ НАШИХ ХОЛОПОВ И СЕЛЧАН. И КОГО ВЪМОУ СОБѢ ОГОРОДНИКОВ И МАСТЕРОВ, И МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, И МОИМ ДѢТЕМ ДВА ЖЕРЕБЬИ, А ТОВЕ, БРАТЕ, ТОГО ТРЕТЬ.</p>	<p>А2, Б1</p>	<p>3</p>
<p>45, 56, 52, 58; дела учинятся</p>	<p>И КОТОРЫЕ, БРАТЕ, ДѢЛА ОУЧИНАТСѦ МЕЖИ НАМИ, И НАМ ОТОСЛАТИ СВОИХ БОГАРЪ, И ОНИ ПЕРЕГОВОРАТСѦ. И О ЧЕМ СѦ СОПРОУТ, И ОНИ ѢДОУТ НА ТРЕТЕН, КОГО СОБѢ ИЗБЕРОУТ. И КОТОРОГО КНЯЗА БОГАРЪ ОУМОЛВАТ, ИНО ТОТ КНЯЗЬ ТО И ПОДЪИМЕТ, А БОГАРОМ ВИНЪ НЕТ.</p>	<p>А2</p>	<p>4</p>
<p>45, 56, 58; данщик</p>	<p>И КОЛИ, БРАТЕ, МНѢ, ВЕЛИКОМОУ КНЯЗЮ, В ГОРОДѢ НА МОСКВѢ ИЛИ ВЪ СТАНЫ В МОСКОВСКІЕ ПОСЛАТИ СВОЕГО ДАНЩИКА, И ТОВЕ ПОСЛАТИ С МОИМ ДАНЩИКОМ СВОЕГО ДАНЩИКА. И ШТО ЗБЕРОУТ</p>	<p>Б1, А2</p>	<p>3</p>

	НАШИ ДАНЩИКИ, И ТОМОУ ИТИ В МОЮ КАЗНОУ, ВЕЛИКОГО КНЯЗА.		
56 и 58; удел	<p>ѿ в оудел ми, брате, въ твои данщиков своих не слати, ни приставов не всылати, ни грамот, не давати, ни закладней, ни оброчников ми не держати. Так же мнѣ, великому князю, и моим дѣтем въ твоем оуделе селъ не держати.</p> <p>ѿ богаром нашим без твоего вѣданыа въ твоем оуделе селъ не коупити.</p> <p>ѿ тебе, брате, в мою отчиноу, в великое княженъе, и в моих дѣтеи также данщиков своих не слати, ни приставов не всылати, ни грамот не давати, ни закладней, ни оброчников не держати. Так же ти, брате, в моеи отчини, в великом княженъи, сел не держати, и твоим дѣтем.</p> <p>ѿ богаром твоим без моего вѣданыа также сел не коупити в моеи отчинѣ, в великом княженъи.</p>	Б1, Б4 (Б2, Б3)	2
45, 56, 58; числен- ные люди	ѿ численыхъ людей бяюсти нам с одного. ѿ ордынци и делюи, тѣм знати своа слоужба по старинѣ, а земля их не коупити.	А2	3
52, 56, 58; бояре и дети	ѿ которые, брате, богаре и дети богарьские слоужат мнѣ, великому князю, и моим дѣтем, а живут въ твоем оудѣлѣ, и тѣм ходити со мною, с великим князем, и с нашими воеводами. Так же, брате, которые богаре и дети богарьские живут в моеи отчинѣ, в великом княженъи, а имоут слоужити тебе, князю Василью Йрославичю, и тѣм ходити с тобою и с твоими воеводами. ѿ городнаа осада, гдѣ хто живет, томоу тоуто и сѣсти, шпрочь богаръ ввѣденыхъ и поутников.	Б1, Б4, (А2)	3
59, 63; недруг	ѿ быти нам, брате, на татаръ, и на лахи, и на литвою, и на немци зашдин, и на всякого нашего недруга.	А2	2
59, 63; земли и воды	ѿ которые земли и воды поцагли къ нашей отчинѣ, ко Тѣфри и къ Кашиноу, при моем пращоурѣ, при великом князю Михаилѣ Йрославиче, и при моем прапрадѣде, при	А1, А2, Б2,	2

	<p>великомъ князю Александрѣ Михаилѣвиче, и при князи Костантинѣ и при князи Васильѣ Михаилѣвичех, и при моемъ прадеде, при великомъ князи Михаилѣ Александрѣвиче, и при моемъ дѣде, при великомъ князи Иванѣ Михаилѣвиче, и при моемъ штици, при великомъ князи Александрѣ Ивановиче, и при мнѣ, при великомъ князи Борисѣ Александрѣвиче, того вѣ, брате, под мною, под великимъ княземъ Борисомъ Александрѣвичемъ, не искати, тебе, и твоимъ дѣтемъ, ни под моими дѣтми, ни под моею братьею молодшею, под княземъ (...), и под нашею братьею меншею, и под нашими братаничи, и под внучатты.</p>	(Б1)	
59 и 63; быти за один	<p>И што шти тебе отступютъ князь (...) да князь (...), князь (...), или которои ти инъи братъ згрозитъ, и мнѣ, великому князю (...), и моимъ дѣтемъ, и братье моеи молодшей, къ себе ихъ не принимати.</p> <p>И быти намъ с тобою на нихъ зашдин, и с твоими дѣтми. Тако ж, брате, которои мои братъ молодшей и из меншии моеи братьи згрозатъ мнѣ, великомъ князю (...), и моему сыноу, князю (...), и меншимъ моимъ дѣтемъ, кого ми богъ дастъ, и тебе, великому князю (...), и твоимъ дѣтемъ, великому князю (...) и князю (...), и меншимъ твоимъ дѣтемъ, тѣхъ вамъ къ себѣ принимати.</p> <p>И быти вамъ со мною, съ великимъ княземъ (...), и съ моими дѣтми на тѣхъ зашдин.</p>	Б1, Б2	2
59, 63; Киприян	<p>И што судилъ Киприанъ митрополитъ судей нашихъ шпчихъ, Полоукарпа, и Михаила, и Ивана, и Климантеа, или што судили судьи наши шпчии и грамоты подавали, и што боудетъ взато, то взато, а што боудетъ не взато, а то елма погренули и грамоты тѣхъ судовъ подрали. И кто выложитъ тѣхъ судовъ грамоты, ино ихъ подрати.</p>	А2	2
59, 63; рубеж	<p>И рубежъ Тѣфри и Кашиноу, какъ было при моемъ пращурѣ, при великомъ князи (...), и при моемъ прапрадеде, при великомъ князи (...), и при князи (...) и при князи (...), и</p>	А1	2

	при моем прадѣде, при великом князи (...), и при моем дѣде, при великом князи (...) и при моем ѡтцѣ, при великом князи (...), и при мнѣ, при великом князи (...), што потагло къ Тѣри и къ Кашиинѣ.		
59, 63; Новгород	ѿ с Новым ми городѣмъ жити по старинѣ, какъ было при вашем прапрадѣде, при великом князи (...), и при великом князи (...), и при вашем прадѣде, при великом князи (...), и при вашем дѣде, при великом князи (...), и при твоём ѡтци, при великом князи (...), и при тебѣ, при великом князи (...), такъ же и при моем прапрадѣде, при великом князи (...), какъ жил без великого княженья, и при князи (...) и при князи (...), и при моем прадѣде, при великом князи (...), и при моем дѣде, при великом князи (...), и при моемъ отци, при великом князи (...), и при мнѣ, при великом князи (...).	Б1, Б2, А2, (Б3)	2
59, 63; земли отошли	ѿ которые земли и воды ѡттошли ѡт наше ѡчины, Тѣри и Кашина, ѡт великого княженья, при твоём ѡтци, при великом князи (...) и при тебѣ, при великом князи (...), а при моем дѣде, при великом князи (...), и при моем ѡтци, при великом князи (...), и при мнѣ, при великомъ князи (...), а тѣмъ, брате, землам и водамъ соуд и исправа на ѡбѣ стороны.	Г / Б1, А2	2
59, 63; мыта	ѿ новыхъ мытовъ не замышлати. ѿ на старыхъ мытѣхъ имати пошлины съ воза денга, а косток с челоуѣка денга же. ѿ поедет на (...) с торговлею, ино денга же. ѿ кто сѧ промытит, ино с воза промыты б алтын, а заповѣди б алтын, колко бы воевъ ни было. ѿ промыта то, кто ѡбѣдет мытъ. ѿ проедет мытъ, а мытника оу заворѧ не боудет, ино промыты нѣтъ. ѿ състижет его мытник, инъ возмет свои мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ. ѿ с лодыи пошлина с доски по два алтына, а болши того пошлинъ нѣтъ, а съ строуга алтын. ѿ тамги и ѡсминичего ѡт рубли алтын. ѿ тамга и ѡсминичее взати, аже имет торговати. ѿ поедетъ мимо, инъ	-	2

	<p>ЗНАЕТ СВОИ МЫТЬ ДА КОСТЪКИ, А БОЛѢ ТОГО ПОШЛИИ НѢТЬ.</p> <p>И Поедет без торговли, ино с того мыта нѣтъ и пошлии.</p>		
59, 63; путь	<p>И межи нас людем нашим и гостем поуть чистъ без рѹбежа.</p> <p>И кто оучинит рѹбеж и въвод, рѹбешика и въводшика по исправѣ выдати.</p>	A2	2

Сопоставление смысловых частей документов помогает вскрыть некоторые их свойства.

Во-первых, наиболее устойчивые конструкции, которые встречаются во всех или почти всех грамотах, несмотря на разное время их составления, находятся в начальном и конечном протоколах, что подтверждает общеизвестное сведение о неизменности этих элементов формуляра. Во всех документах можно обнаружить следующие статьи:

- invocatio (кроме грамоты № 30);
- inscriptio и apprecatio, выраженные формулировкой «И на всем на всем...»;
- intitulatio, содержащееся в формуле «целѹи ко мнѣ крестъ...»;
- уверение во взаимной дружбе: «И добра ти нам (мнѣ) хотети везде, во всем, где бы ни было».

Во-вторых, и в диспозитивной части документа можно выделить широко используемые, повторяющиеся формулировки, напр.:

- «И богаром, и дѣтем богарьским, и слѹгамъ межи нас волным волга» с возможным расширением более подробными договоренностями, касающимися бояр и слуг;
- «И коли ми боудет всести наконь на своего недруга...», выражающее требование предоставить помощь в случае войны;
- распоряжения, определяющие взаимоотношения с Ордой: «И Орды, брате, вѣдати и знати нам, великим князем. И тебе Орды не знати.»

В-третьих, деление грамот на смысловые части не только выявляет наиболее типичные устойчивые конструкции, но и те, которые употребляются реже, лишь в некоторых из них. Таким образом, обнаруживаются подтипы формуляра. Их можно выделить в:

- Грамотах №№ 45, 56 и 58, которые содержат более подробные распоряжения, касающиеся социальных и экономических аспектов управления княжеством. Все

они написаны от имени великого князя Василия Васильевича и князя Василия Ярославича. Одна статья, которая появляется в грамоте № 56, находится также в грамотах №№ 30 и 36 – это договоры о казне;

- Грамотах №№ 59 и 63, которые содержат очень подробные распоряжения, прежде всего о границах княжеств и правилах перемещения людей и взимания оплат. Интересно, что эти очень похожие друг на друга документы составлены от имени разных авторов. Грамота № 59 (от 1456 г.) – это *Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем*, а грамота № 63 (от 1462–1464 г.) – *Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем*.

Благодаря формулярному анализу можно также выявить те документы, которые существенным образом отличаются от остальных. Таких уникальных грамот всего две:

- Грамота № 52 (*Докончание великого князя Василия Васильевича с князем суздальским Иваном Васильевичем*), в которой выступают типичные формулы начального и конечного протокола, а также 5 типичных статей: о взаимной помощи, об Орде (хотя она помещена очень рано в документе, сразу после начального протокола) и три разные статьи о боярах и слугах. Кроме того, в грамоте обнаруживаются очень точные распоряжения, касающиеся, прежде всего, судьбы определенных земель, напр.: «**И з Городца и с твоеѣ вотчины, чем та есмь пожаловал, имати ми оу тебе во царевъ вѣход по шписи, по людем. И до шписи пожаловал та есмь, въ вѣход ми оу тебе с тоѣ вотчины не имати, чѣм та есмь пожаловал в вотчиноу и въ оудѣлѣ**». Статьи такого характера отсутствуют в остальных текстах;
- Грамота № 76 (*Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем*, единственное в нашем списке, составленное от имени этих князей) – в ней также находятся формулы начала и конца, встречаемые в остальных документах, но в начальном протоколе имеется меньше статей, чем в большинстве других рассматриваемых текстов. Зато в ее диспозитивной части имеются лишь две статьи, выступающие в других грамотах: статья «князья» и формулировка «**И богаром, и дѣтем богарским, и слоугамъ межи нас волным вола**». Остальное содержание грамоты является уникальным для нее. В ней находятся постановления, касающиеся отношений с Королевством Польским и Литвой: «**И с королем с Казимиром и с великим князем литовским, или кто инчи бѣдет князь велики на Литовъскои землѣ**,

НЕ КАНЧИВАТИ ТИ, НИ СЪСЪЛАТИСЯ С НИМ НА НАШЕ ЛИХО...»; «И ПОИДЕТ НА ТЕБА КОРОЛЬ И ВЕЛИКИИ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИИ, И НАМ, ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМЪ, ПОИТИ САМИМ ТОВА БОРОНИТИ», а также соглашения по установлению границ владений: «И МЕЖИ НАС РОЗДѢЛ ЗЕМЛѢ НИЖЕ Коломны по рѣцѣ по Оцѣ по Цнѣ, от њсть Цнѣ вверху по Цнѣ; что на Московскои сторонѣ, то к Москвѣ, а что на Рязанскои сторонѣ, то к Рязани.»; «И что Володимѣрьское порѣжье, а то по томѣ, как было при нашихъ прадедѣхъ и дѣдѣхъ...».

Проанализировав главные особенности взаимных грамот, и указав их отдельные смысловые части, можем сосредоточить внимание на общих характеристиках построения целых документов, с учетом вышепредставленных типов обозначения участников дискурса в паре документов.

4.2.4 Индивидуальный формуляр

4.2.4.1 Типы построения документов

Все исследуемые нами 25 документов в большой степени содержат идентичные или похожие формулы, целые предложения или абзацы-статьи. Самые распространенные из них приводились в предыдущем подразделе. Здесь хотим продемонстрировать, как строятся целые документы из названных частей.

Перечень будет проведен с учетом типов обозначения участников дискурса. Грамоты будут делиться по принципу того, какой тип отношений (А1, Б1, А2 и т. д.) в них преобладает. Тип лишь одного документа (№ 52) определяется как «другие», потому что в нем невозможно уловить один наиболее распространенный тип отношений. Названия (повторяющихся) статей приводятся в соответствии с названиями, указанными выше, в таблице 1. Уникальные, не встречающиеся в ранее исследованных документах статьи именуется нами по слову / словам, соответствующим их содержанию. Смысловые части, нуждающиеся в дополнительном комментарии (приведенном после таблицы), обозначены астериском.

Тип Б1:

№ 30		№ 35		№ 36	
inscriptio	A1	invocatio	A2	invocatio	-
intitulatio	A12	inscriptio	A1	inscriptio	A1
имети	B	intitulatio	A1	intitulatio	A1
добра хотети	A3, A4	быти	A1	имети	B1
слышев	A3, A4	друг	B1	держати	B1
друг	B1	канчивати	B1	имети	B1
канчивати	B1, B2	добра хотети	B1	быти	B1, A2
держати	B1	слышев	B1	добра хотети	B1
принимати детей	B1	держати	B1	слышев	B1
dispositio		dispositio		друг	B1
благославил	B1, A2	благославил	B1, B2	канчивати	B1
ярлык	B1	держати	B1	dispositio	
отчина	B1, B2	благославил 2	B1, B2	отчина	B1
благославил 2	B1	Москва	B3, A2	жити	B1, B2, A2
ведати по старине	B1	села	B1	Татарове	B1, A2
жити	B4, B1	всести на конь	B1	пожаловал	B1
дань и ям	B1	Орда	B1	целование	B1
Орда	B1	полон	B1, B2	отчина	B1
всести на конь	B1, Г	пени старые	B1, B2, A2	пожаловал	B1
отчину боронити	B1	в ... не вступатися	B1	села	B1
бояры	B1, B2	отдати	B1	суды потягли	B1
вольным воля	A2	въвелъ зять	B1	дань и ям	B1
князя	B1	князя	B1	Орда	B1
суды судил	B1	вольным воля	A2	долгъ	B1
казна	A2, B2, B1	бояры	B1, A2	князя	B1
поклажеи	B1	даному...	A2	судьи сопрут	A2
платил Орде	B1, B4	apprecatio	A1, A2	всести на конь	B1
суженое...	-			вольным воля	A2
судьи сопрут	A2			бояры	B1, A2
долг	B1			гости суконники	B1, A2
apprecatio	A1, A2			казна	B1
				инятци	B1
				полон	B1
				вольным воля	A2
				суды 2	B2, B1
				apprecatio	A1, A2

№ 38		№ 45		№ 55	
invocatio	A2	invocatio	-	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1	intitulatio	A4	intitulatio	A1
быти	A1	имети	A1	держати	A1
друг	Б1	быти	Б1, Б2	добра хотети	A1
канчивати	Б1	держати	Б1	быти	Б1
добра хотети	Б1	добра хотети	Б1	добра хотети	Б1
слышев	Б1	слышев	Б1	друг	Б1
держати	Б1	друг	Б1	канчивати	Б1
dispositio		канчивати	Б1, Б2	dispositio	
благославил	A2, Б1, Б2	держати	Б2, Б1	благославил	Б1, А2
держати	Б1	dispositio		жити	A1, В
благославил 2	Б1, А2, Б2	благославил	Б1	отчина	Б1
Москва	Б3, Б1, А2	удел	Б1	пожаловал	Б1
села	Б1	добьет челом	Б1	благославил 2	Б1
всести на конь	Б1	отоимет бог 1	Б1	отоимет бог 1	Б1
Орда	Б1	отоимет бог 2	Б1	отоимет бог 2	Б1
выход, дань	Б1, А2	достати	A2, Б1	Орда	Б1
полон	A1	села	Б1	князя	Б1
порука	Б1, В	численные люди	A2	всести на конь	Б1
пойманы люди	Б1	всести на конь	Б1, Б2	бояры	Б1, А2
воины и грабежи	A2	данщик	Б1	села	Б1
в ... не вступатися	Б1	Орда	Б1	даному...	A2
князя	Б1	данщики	Б1, Б2	apprecatio	A1
вольным воля	A2	суды потягли	Б1, Б3, Б2	datum	-
бояры	Б1	слуги потягли	Б1, А3, А1		
даному...	-	дань и ям	Б1		
судьи сопрут	A2, Б1	отдати казны	Б1		
apprecatio	A2	князя	Б1		
sanctio	A2	бояры	Б1		
		рать	A2, Б1		
		наместники и др.	A2		
		дела учинятся	A2		
		закладнеи	A2		
		вольным воля	A1		
		apprecatio	A1		
		sanctio	A2		

№ 56		№ 58		№ 64	
invocatio	A2	invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1	intitulatio	A1	intitulatio	A1
имети	Б1, А1, В	имети	Б1, А1	держати	А1, В, Б2
быти	Б1, Б2	быти	Б1, Б2	добра хотети	Б1, Б2
держати	Б1	держати	Б1	быти	Б1, Б2
слышев	Б3, А1, Б1	слышев	Б2	добра хотети	Б1, Б2
друг	Б1	друг	Б1	быти	Б1, Б2
канчивати	Б2, Б1	канчивати	Б2	друг	Б1
dispositio		держати	Б2, Б1	канчивати	Б1
благославил	Б1	dispositio		dispositio	
удел	Б1	благославил	Б1	благославил	Б1
пожаловал	Б1	удел	Б1	жити	Б1
удел	Б1	отчина	А2, Б1	отчина	Б1
отоимет бог 1	Б1	пожаловал	Б1	пожаловал	Б1
отоимет бог 2	Б1	удел	Б1	благославил 2	Б1
села	Б1	отоимет бог 1	А1	отоимет бог 1	Б1
численные люди	А2	отоимет бог 2	А1	отоимет бог 2	Б1
всесть на конь	Б1	села	Б1	Орда	Б1
бояре и дети	Б1, Б4	численные люди	А2	князя	Б1
данщик	Б1, А2	всести на конь	Б1	всести на конь	Б1
Орда	Б1	бояре и дети	Б1, Б4	бояры	Б1
вудел	Б1, Б3, Б4	данщик	Б1, А2	вольным воля	А2
суды потягли	Б1, А2	Орда	Б1	села	Б1
слуги потягли	Б1	вудел	Б1, Б2, Б4, Г	даному...	А2
дань и ям	Б1	суды потягли	Б1	apprecatio	А1
достати	Б1	слуги потягли	Б1		
бояры	Б1	дань и ям	Б1		
князя	Б1	достати	Б1		
рать	Б1	князя	Б1		
наместники и др.	А2, Б1	бояры	Б1, Б2		
дела учинятся	А2	рать	Б1		
закладнеи	А2	наместники и др.	А2, Б1		
вольным воля	А2	дела учинятся	А2		
слышев*	Б3	закладнеи	А2		
apprecatio	А1, А2	вольным воля	А2		
sanctio	А2	добра хотети*	Б1		
		apprecatio	А1, А2		
		sanctio	А2		

№ 67		№ 84	
invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1	intitulatio	A1
держати	Б1	держати	Б1
добра хотети	Б1	держати	A1
быти	Б1	добра хотети	Б1
добра хотети	Б1	быти	Б1
быти	Б1	добра хотети	A1
слышев	Б1	быти	A1
друг	Б1	друг	Б1
канчивати	Б1	слышев	Б1
dispositio		канчивати	Б1
благославил	Б1	dispositio	
жити	Б1	прислати на лихо	A2, Б1, Б4
отчина	Б1	благославил	A1, A2, Б1
благославил 2	Б1	отоимет бог 1	Б1, Г
пожаловал	Б1	отоимет бог 2	Б1, Г
отоимет бог 1	Б1	мати взяла	Б1, A2
отоимет бог 2	Б1	Орда	Б1
Орда	Б1	всести на конь	Б1
князя	Б1	роздел земли	A2
всести на конь	Б1	рубеж Переславлю	A2
бояры	Б1, A2	Переславичи	Б1, Б2
закладнеи, села	Б1	дворы, города	Б2, Б1, A2
даному...	Б1, A2	пошлины	Б1, A2
apprecatio	A1	мордва 1	Б1, Б4
		мордва 2	A2
		мордва 3	Б1
		делили отчину	A2, A1
		Переслав	Б1
		в душегубстве	Б1
		переславецъ	Б1
		дом мученик	A2, Б4, Б1
		монастырские села	Б1
		дом мученик	A2, Б2
		монастырские села	Б1
		бояры	Б1
		села	Б1
		даному...	A2
		пошлины с холопа	-
		apprecatio	A1
		datum	-

Тип Б1, Б2:

№ 24		№ 69		№ 70	
invocatio	A2	invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1, A2	intitulatio	A1	intitulatio	A1
sanctio	A3, A4	имети	A3, A1	имети	Б1, Б2
быти	A3, A4	держати	Б1, Б2	держати	Б1, Б2
добра хотети	A3, A4	добра хотети	Б1	добра хотети	Б1
слышев	A3, A4	быти	Б1	быти	Б1
добра хотети	A3, A4	друг	Б1	друг	Б1, Б2
слышев	A3, A4	канчивати	Б1, Б2	канчивати	Б1, Б2
друг	Б1	слышев	Б1, Б2	слышев	Б1, Б2
канчивати	Б1, Б2	держати	Б2, Б1	держати	Б2, Б1, Г
dispositio		dispositio		dispositio	
благославил	Б1, Б2	благославил	Б1	благославил	Б1
отчина 1	Б1	удел	Б1, А2	удел	Б3, А2, Б1
благославил 2	Б1	благославил 2	Б1	благославил 2	Б1, Б3, Б2
жити	A2 Б1, Б2	отоимет бог 1	Б1, Б3	благославил 3	Б1, Б2, Б3
пожаловал 2	Б1, Б2	отоимет бог 2	Б1	мати дала	А1, Б1
дань и ям	Б1	села	Б1, Б2	отоимет бог 1	Б1
всести на конь	Б1	отец пволил... дати	Б1, Б2	отоимет бог 2	Б1
Отчину боронити	Б1	Орда	Б2, А2, Б3,	села	Б1, Б2
Бояры	Б1, Б2	царевич	Б1, Б2	Орда	
Князя	Б1	всести на конь	Б1	царевич	Б1, Б2
воины и грабежи	A2	князя	Б1	всести на конь	Б1
Люди	Б1, Б2	вольным воля	A2	князя	Б1
наместници	Б1, Б2; A2	бояры	A2, Б2, Б1	вольным воля	A2
а что будет...	-	даному...	A2	бояры	A2, Б1, Б2
суженое...	-	apprecatio	A1, A3	даному...	A2
apprecatio	A1, A2			apprecatio	A1, A2
datum	-			datum	-

№ 72		№ 73		№ 75	
invocatio	A2	invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1	intitulatio	A1	intitulatio	A1
имети	A3, Б1, Б2,	имети	A3, А1	держати	Б1, Б2
держати	Б1, Б2	держати	Б1, Б2	добра хотети	Б1, Б2
быти	Б1	добра хотети	Б1	быти	Б1, Б2
добра хотети	Б1	быти	Б1, Б2	добра хотети	Б1, Б2
друг	Б1, Б2	друг	Б1, Б2	быти	Б1, Б2
канчивати	Б1, Б2	канчивати	Б1, Б2	друг	Б1, Б2
слышев	Б1, Б2	слышев	Б1, Б2	канчивати	Б1, Б2
держати	Б2, Б1	держати	Б2, Б1	dispositio	
dispositio		dispositio		благославил	Б1, Б2
благославил	Б1, Б2, А2	благославил	Б1, Б2	отчина	Б1
благославил 2	А2, Б1, Б2	удел	А3, А1, Б1	благославил 2	Б1, Б2
отоимет бог 1	Б1, Б2, А2	отчина	Б1, Б2	отоимет бог 1	Б1, Б2
отоимет бог 2	Б1, А3, Г	благославил 2	А1, Б1, Б2, А2	отоимет бог 2	Б1
села	Б1, Б2	отоимет бог 1	Б1, Б2, Б3	Орда	Б1, Б2
Орда	Б2, Б1, А2	отоимет бог 2	Б1, Б2	князя	Б2
царевич	Б1, Б2	села	Б1, Б3, Б2	всести на конь	Б1, Б2
всести на конь	Б1	Орда	Б2, Б1, А2, Б4,	бояры	А2, Б2, Б1
князя	Б1	царевич	Б1, Б2	села	Б2
вольным воля	А2	всести на конь	Б1	даному...	А2
бояры	А2, Б2, Б1	князя	Б1	apprecatio	А1, А2
даному...	А2	вольным воля	А2	datum	-
apprecatio	А1	бояры	А2, Б2, Б1		
datum	-	даному...	А2		
		apprecatio	А1		
		datum	-		

№ 76		№ 81		№ 82	
invocatio	A2	invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio, intitulado	A1, B2	inscriptio	A1	inscriptio	A1
имети	A1, B1, B, B2	intitulatio	A1	intitulatio	A1
добра хотети	A2	имети	B1, A3, A1	имети	B1, B2
слышев	A2	держати	B1, B2	держати	B1, B2
быти	A3, B1, A4	добра хотети	B1, B2	добра хотети	B1, B2
канчивати	B2	друг	B1, B2	быти	B1, B2
послал на лихо	B1, B2	канчивати	B1, B2	друг	B1, B2
канчивати, быти*	B1, B2	слышев	B1, B2	канчивати	B1, B2
dispositio		dispositio		слышев	B1, B2
пойдет король	B1, B2	не ссылатися 1	B1, B2	держати	B2, B1
царевич	B2	не ссылатися 2	B1, B2	dispositio	
земли, люди	B1, B2	не ссылатися 3	B1, B2	благославил	B1, B2, A2
отчины	A2	благославил	B1, B2, A4	отчина	B1, B2
роздел земле	B1, B2	удел	B1, B2	отчина	B1, B2
земли при дедах	B1, B2	отчина	B1, B2	суд в отчине	B1, B2
купляотца	B1, B2, A2	отчина 2	B1, B2	благославил 2	A2, B1, B2
земли за Доном	B1, B2	рубеж Тфери и Кашину	B1, B2	отоимет бог 1	B1, B2, A2
земля Мещерская	B1, B2	благославил 2	B2, B1	отоимет бог 2	B1, B2, A2
места татарские	B1, B2	отоимет бог 1	A4, B1, B2	села	B1, B2
князя	B1, B2	отоимет бог 2	B1, B2	Орда	B1, B2
полон ис татаръ	A2, B3, B4, A3	села	B1, B2	царевич	B1, B2
суды	A2	Орда	B1, B2	всести на конь	B1, B2
суженое...	-	царевич	B1, B2	князя	B1
мытные пошлыны	A2	всести на конь	B1, B2	вольным воля	A2
вывод и рубеж	A2	князя	B1	бояры	A2, B2, B1
вольным воля	A1, A2, B2	вольным воля	A2	даному...	A2
apprecatio datum	A1, A2, B2	бояры	B2, B1	apprecatio datum	A1
	-	даному...	A2		-
		apprecatio datum	A1		
			-		

№ 90		№ 101	
invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1	intitulatio	A1
имети	A1	имети	A1
держати	Б1, А2	добра хотети	Б1, Б2*
добра хотети	Б1	держати	Б1, А2, Б4
быти	Б1, Б2, Б4	добра хотети	Б1, Б2
друг	Б1	быти	Б1, Б2
канчивати	Б1	друг	Б1, Б2
слышев	Б1, Б2	канчивати	Б1, Б2
держати	Б1, Б2	слышев	Б1, Б2
dispositio		держати	Б1, Б2
благославил	Б1, А2	dispositio	
благославил 2	А2, Б1, Б2	благославил	Б1, А2, Б2, Б4
отоимет бог 1	Б1, Б2, А2	благославил 2	А2, Б1, Б2
отоимет бог 2	Б1, Б2	отоимет бог 1	Б1, Б2, А2
села	Б1, Б2	отоимет бог 2	Б1, Б2
Орда	Б1, А2, Б4	села	Б1, Б2
всести на конь	Б1, Б2	Орда	Б1, А2, Б2
князя	Б1	всести на конь	Б1, Б2
вольным воля	А2	князя	Б1
бояры	Б1, А1, А2	вольным воля	А2
даному...	А2	бояры	Б1, А1, А2
apprecatio	A1	даному...	A2
datum	-	apprecatio	A1, A2
		sanctio	A2
		datum	-

Тип А2:

№ 59		№ 63	
invocatio	A2	invocatio	A2
inscriptio	A1	inscriptio	A1
intitulatio	A1, Б1, Б3	intitulatio	В
добра хотети	A2	добра хотети	A2
слышев	A2	слышев	A2
dispositio		dispositio	
Татарове	A2, Б1, Б2, Б3	Татарове	A2, Б1, Б2, Б3
земли и воды	A1, Б1, А2, Б2	земли и воды	A1, А2, Б2
недруг	A2	недруг	A2
быти за один	Б1, Б2,	быти за один	Б1, Б2,
пеня давная	-	пеня давная	A1, А2
Орда	A1, А3	Орда	A1, А3
Киприян	A2	Киприян	A2
рубеж	A1	рубеж	A1
Новгород	Б1, Б2, Б3, А2	Новгород	Б1, А2, Б2,
земли отошли	Б1, А2	земли отошли	Б1, А2
мыта	Г	мыта	-
путь	A2	путь	A2
обидному суд	A2	обидному суд	A2
князя	A1	князя	Б1
вольным воля	A2	вольным воля	A2
бояры	Б2	бояры	Б2
закладнеи	A2	закладнеи	Б2
людей блюсти	A2	людей блюсти	A2
отоимет бог нас	A2	отоимет бог нас	A2, Г
apprecatio	A1	apprecatio	A1
sanctio	A2	sanctio	A2

Другие:

№ 52	
invocatio	A2
inscriptio	A1
intitulatio	A1
добра хотети	Б1, Б2
слышев	Б1, Б2
друг	Б1, Б2
канчивати	Б1, Б2
dispositio	
Орда	Б1
держати	Б1
отчины	Б1, Б4
добьет челом	Б1
пожаловал	Б1, Г
всести на конь	Б1
суд и дань	Б1
выход по описи	Б1
вольным воля	A2
приставы	Б1
закладнеи	Б2
дела учинятся	Б1, Б2, A2
отчине суд	Б2, Б1
бояре и дети	A2
пакость	Б1, Б2
apprecatio	A1
sanctio	лишь в б)

Сделаем несколько замечаний, касающихся смысловых частей, указанных в таблицах.

- в **грамоте № 56** статья «слышев» выступает в начале версии а), но в конце документа б);
- в **грамоте № 58** статья «добра хотети» выступает в начале версии а), но в конце документа б);
- в **грамотах №№ 59 и 53** в статье «отоимет бог...» отсутствуют отдельные формулировки в единственном числе, зато употребляется выражение в множественном числе, общее для обоих князей: «отоимет бог нас».
- статьи «закладнеи» и «села» могут употребляться отдельно или объединяться в одно предложение;
- в **грамоте № 79** статьи «канчивати», «быти» более развернуты, чем в других грамотах; они касаются отношений с «**королем Казимиром**»;

- в грамоте № 101 в начале последовательность некоторых элементов в вариантах а) и б) разная, но все они присутствуют.

Как приведенные выше данные, так и наши немногочисленные комментарии, обращающие внимание на некоторые отклонения от обычных формул, свидетельствуют о том, что договорные грамоты состояли, с одной стороны, из множества устойчивых конструкций, повторяющихся формул и целых статей. С другой, отсутствуют грамоты идентичные по содержанию. Каждая из них обладает неповторимым составом статей, которые в совокупности формировали уникальный документ – созданный в определенных условиях и в строго установленных целях, к которым он должен был относиться. Разные авторы грамот и ситуации, которые они должны были описывать, являются причиной, по которой их содержание не может автоматически повторяться; они не являются копиями, несмотря на факт употребления многочисленных (почти) одинаковых конструкций, позволяющих их зачислить к одному жанру.

Благодаря этой ситуации в текстах, которыми располагаем, отражен процесс живой коммуникации. Среди устойчивых конструкций находятся уникальные выражения и те, которые нельзя автоматически воспроизводить, составляя документ. Поэтому возможным представляется анализ употребления слов и выражений, служащих для обозначения автора и получателя документа, непосредственно зависящих от внеязыкового контекста данной коммуникативной ситуации.

5 Коммуникация в среднерусский период

5.1 Обозначение участников дискурса

5.1.1 Общие замечания

В предыдущем подразделе мы вкратце описали разные типы способов обозначения участников дискурса, обнаруживаемые во взаимных грамотах. Здесь, однако, начнем с более подробных объяснений того, что обозначает употребление данного лица и числа в определенной ситуации. Тем самым сосредоточимся на их дискурсивном аспекте.

В центре нашего исследования находятся те формы, которые обозначают участников дискурса, содержа в себе грамматическую категорию лица – описанные ранее личные и притяжательные местоимения и личные формы глагола. Формами, обозначающими участников дискурса, являются формы первого и второго лиц.

Формы единственного числа в данном применении однозначны – они точно указывают на одно лицо: адресата (форма второго лица) или адресанта (форма первого лица). Сложнее, однако, представляется вопрос употребления форм множественного числа, первого или второго лица, на что обращалось уже внимание в разделе 2.4.1.

Если, например, в тексте употреблено местоимение «мы», его значение можно толковать как:

- мы = я и ты; в высказывание включается так адресант, как и адресат, оно охватывает обоих участников дискурса;
- мы = я и другие лица, но не ты; высказывание относится к адресанту, исключая адресата;
- мы = я, ты, и они; в высказывание включаются не только оба участника дискурса, но и другие лица.

На языковом уровне невозможно уловить разницу между вышеуказанными значениями. В тексте (контексте) должна находиться информация, которая позволит установить, чье именование заменяет данное выражение. Поскольку договорные грамоты представляют собой правовые документы, в которых существенным является то, к кому конкретно относится каждая фраза, кто является производителем действия, кто должен исполнить обязательства и т. д. – такое определение представляется

необходимым для сохранения однозначности и точности содержания. Анализ форм множественного числа будет проведен с целью проверить, можно ли обнаружить в тексте грамот выражения, позволяющие интерпретировать формы множественного числа, а в случае их наличия, подвергнуть их разработке. Однако перед тем как это сделать, опишем, как в общем строятся взаимные грамоты, с учетом способа обозначения в них участников дискурса.

5.1.2 Способы строения отношений

Сопоставление повторяющихся частей документов, представленное в разделе 4.2.4.1, вместе с описанными выше типами способов обозначения участников дискурса позволяет прийти к следующим выводам.

В целом документе всегда преобладают употребления типа Б. Как правило, отдельные документы, входящие в состав взаимной грамоты, являются своими «зеркальными копиями» – в них употребляются одинаковые конструкции, меняется лишь подлежащее или форма местоимения. Такое употребление представляется самым естественным. Если в одном варианте документа содержится предложение «**ѿ чемъ мѧ, брате, благословил отецъ мои, князь велики (...), своею отчиною, (...), и что есмь собе примыслил (...)**», то, естественно, в другом должна находиться формула: «**ѿ чемъ тѧ, брате, благословил отецъ твои, князь велики (...), своею отчиною, (...), и что еси собе примыслил (...)**». Именно такой способ применения форм, обозначающих участников дискурса, можно обнаружить в большинстве документов.

Однако в начальном и конечном протоколах решительно преобладают формы типа А, в которых в аналогичных местах двух вариантов грамот, употребляются одни и те же слова, обладающие тем самым разной референцией. Например, в начале грамоты № 24 а) читаем:

«По благословению отца нашего Фотиа, митрополита киевскаго и всеи Роуси, на семъ, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целоуи ко мнѣ крестъ, къ своему братоу старѣишомуу, к великому князю Василью Васильевичю (...).»

Соответствующий фрагмент грамоты № 24 б) имеет вид:

«По благословенью отца нашего Фотиа, митрополита киевскаго и всеа Роуси, на сем, брате стариши, князь великий Василей Васильевич, целоуи ко мнѣ крестъ, къ своему братоу младшемуу, князю Юрию Дмитриевичю (...).»

Как указано в этом примере, в обоих документах употребляется одинаковая форма личного местоимения, зато имена собственные в аналогичных местах – разные. Таким же образом строятся формулы конечного протокола:

№ 24 а):

«И на семъ на всемъ, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целоуи ко мнѣ крестъ, къ своемуу братоу старѣшемуу, к великомуу князю Василью Васильевичю (...).»

№ 24 б):

«И на сем на всем, брате старишии, князь великий Василей Васильевич, целоуи ко мнѣ крестъ, къ своемуу братоу младшомоу, ко князю Юрью Дмитриевичю (...).»

Такой порядок построения документа регулярно применяется только в указанных выше фрагментах начального и конечного протокола. Реже можно его также обнаружить в следующих статьях:

45 а)	45 б)
<p>Имѣти <u>ти</u> собѣ, господине, князь велики, <u>мена</u> братом молодшим.</p> <p>И дѣтем твоим, господине, имѣти им <u>мена</u> собѣ так же братом молодшим.</p>	<p>Имѣти <u>ти</u> собѣ <u>мене</u>, великого княза, братом стареишим.</p> <p>И дѣтеи моих так же ти собѣ имѣти братьею старѣшою.</p>

В вышеуказанном фрагменте лишь одно предложение построено по типу А. Следующая часть анализируемого абзаца и очередные статьи уже соответствуют более частому типу Б.

55 а)	55 б)
<p>Держати <u>ти</u> <u>мене</u> собѣ братом молодшим.</p> <p>И <u>мнѣ</u> <u>тебе</u>, своего господина, великого княза, держати собѣ братом стареишим.</p> <p>И тебе ми, господина, великого княза, и твое великое княжение держати честно и грозно, без шбиды.</p> <p>И тобѣ, господине, великомуу</p>	<p>Дръжати <u>ти</u> <u>мена</u>, великого княза, братом старѣишим.</p> <p>И <u>мнѣ</u>, великомѣ князю, <u>тебе</u>, своего брата младшего, княза Михаила Андреевича, держати собѣ братом молодшимъ.</p> <p>И мена ти, великого княза, и мое великое княжение держати честно и грозно, без шбиды.</p>

<p>кнѧзю, мене держати въ братствѣ, и в любви, и во чти, без обиды.</p> <p>ѿ хотѣти ми, господине, тобѣ, великому кнѧзю, добра вездѣ, и во всем, и до живота.</p> <p>И быти ми, господине, с тобою, с великим кнѧзем, вездѣ зашдин, и до живота, на всакого недрѡга, и съ твоими дѣтми, и моимъ дѣтем. ѿ тобѣ, господине, великому кнѧзю, хотѣти добра мнѣ, своему братѡу молодшему, вездѣ, и во всем, и до живота.</p>	<p>ѿ хотѣти ми тобѣ, своему братѡу, кнѧзю Михаилѡ Андрѣевичю, добра вездѣ, во всем, и до живота.</p> <p>И быти ти со мною, с великимъ кнѧзем, вездѣ зашдин, и до живота, на всакого недрѡга, и с моими дѣтми твоим дѣтем.</p> <p>ѿ мнѣ, великомѡ кнѧзю, хотѣти тобѣ добра, своему братѡу молодшему, вездѣ, и во всем, и до живота. ѿ быти ми с тобою вездѣ зашдин, и до своего живота.</p>
---	---

В вышеуказанном примере недалеко друг от друга в тексте находятся два предложения типа А, а также одна статья, которая выступает только в варианте а) и отсутствует в варианте Б.

В общем, конструкции типа А – кроме *inscriptio* и *intitulatio* – выступают в начальном протоколе, прежде всего в статьях типа «имети» и «держати», в 15 документах. Однако им предшествуют и за ними следуют конструкции типа Б, так как это показывают приведенные выше фрагменты из грамоты № 55.

В двух грамотах (№ 59 и № 63) тип А обнаруживается также достаточно часто и в других местах, например:

59 а)	59 б)
<p>ѿ которые земли и воды потагли къ нашей шчинѣ, ко Тѣри и къ Кашиноу, при моём пращѡурѣ, при великом кнѧзю Михаилѣ Ирославиче, и при моём прапрадѣде, при великомъ кнѧзю Александре Михаиловичѣ, и при кнѧзи Костантине и при кнѧзи Васильѣ Михаиловиче, и при моём прадѣде, при великом кнѧзи Михаилѣ Александровиче, и при моём дѣде, при великом кнѧзи</p>	<p>ѿ которые земли и воды потагли к нашей шчинѣ, к великомѡ кнѧженью к Москве и к Новгородѡ, при моём пращѡурѣ, при великом кнѧзѣ Иванѣ Даниловиче, и при моём прадѣдѣ, при великом кнѧзѣ Иванѣ Ивановичѣ, и при моём дѣде, при великом кнѧзе Дмитрие Ивановичѣ, и при моём отцѣ, при великом кнѧзе Василье Дмигреевичѣ, и при мнѣ, при великом кнѧзе Василье</p>

<p>Иванѣ Михаиловичѣ, и при <u>моѣм</u> ѡтци, при великом князи Александрѣ Ивановичѣ, и при <u>мнѣ</u>, при великом князи Борисѣ Александровичѣ, того <u>вѣ</u>, братѣ, под <u>мною</u>, под великим князем Борисом Александровичем, не искати, <u>тобѣ</u>, и <u>твоим</u> дѣтем, ни под <u>моими</u> дѣтми, ни под <u>моєю</u> братьею молодшею, под князем Дмитреем Юрьевичем и под князем Иваном Юрьевичем, и под нашею братьею меншею, и под нашими братаничи, и под внучатты.</p>	<p>Васильевичѣ, того <u>вѣ</u>, братѣ, под <u>мною</u>, под великим князем, не искати ни под <u>моими</u> дѣтми, великим князем Иваном, ни под князем Юрьем, ни твоѣмъ сыноу, князю Михаилоу, и под <u>моими</u> меншыми дѣтми, ни <u>твоим</u> дѣтем, кого ти еще богъ дастъ, ни <u>твоѣи</u> братьѣ молодшеи, князю Дмитрею Юрьевичю и князю Ивасю Юрьевичю, ни под нашими внучатты, ни вашеи братьи меншеи.</p>
---	--

Этот фрагмент показывает, что грамота № 59 построена иначе, чем большинство других документов. В паре грамот постоянно меняется точка зрения, в аналогичных фрагментах в паре меняются адресат и адресант, из чего вытекают большие различия в самом содержании: изменению подвергаются фамилии и названия местностей, относящихся к названным лицам. Грамота содержит больше фрагментов, построенных похожим образом; их общее построение показано в таблице на с. 143–144. Так же построена грамота № 63. Они обе составлены от имени великих князей: грамота № 59 – это dokonчание великого князя Василя Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем, а грамота № 63 – dokonчание великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем.

Вышеуказанные сведения касаются, прежде всего, единственного числа – типа А1 по нашей классификации. Тип А2, в котором в обоих текстах выступают одинаковые формы местоимений, напр. мы, вы, наш, ваш, и т. д., встречается часто во многих документах. Такое явление не удивительно – оба князя часто пишут о том, что является их совместной собственностью, о данном договоре, или о членах семьи:

38 а) и б):

«ѿ штѡ, братѣ, в наше розмирьѣ в наших ѡтчинах воинты или грабежты чинилиса, а томуо всемоу дерть по се наше dokonчание, на шеѣ сторонты.»

67) а и б):

«ѿ заемномуу, и порѡчомъ, и всемъ шбидномъ межты нас соуд бес перевода. ѿ соудамъ нашим третей волной.»

84) а и б):

«**И** что мати НАША, великаа княгини **И**нна, взяла оу мена, оу великого княза, из моего великого княженьа четверть во всем, и то мати НАША вѣдает до живота.»

Больше типичных конструкций с типом А2 помещено в сопоставлении статей в разд. 4.2.3.

В отдельных статьях, конечно, не всегда выступают формы лишь одного типа – они меняются в зависимости от того, кто является исполнителем описываемого в них действия, к кому относятся данные фразы. В общем, преобладают и употребляются с большой регулярностью типы А1, А2, Б1, Б2, но можно найти и другие. Кроме описанных раньше типов А3, А4, Б3, Б4, в которых в обоих вариантах сохраняется всегда хотя бы часть грамматической информации, встречаются также типы, определяемые нами как общий, нерегулярный тип В. При его применении, формы одного из вариантов заменяются в другом, например, формой третьего лица или возвратным местоимением. Возможно также, что эквиваленты отсутствуют и такой тип мы определили как Г. Подробный анализ таких исключений будет проведен в следующем разделе. Здесь укажем лишь примеры редких или нетипичных конструкций:

грамота	а)	б)	
55	И жити ми, господине, с тобою, с великим княземъ, в Москвѣ по доушевнои грамотѣ дѣда <u>НАШЕГО</u> , великого княза Дмитриа Ивановича.	И жити мнѣ, великомѣ князю, с тобою, съ своимъ братомъ младшимъ, в Москвѣ по дѣда <u>ЕВО</u> грамотѣ и дѣда <u>СВОЕГО</u> , великого княза Дмитриа Ивановича.	Б1, В
63	(...) целоуи ко мнѣ крестъ, къ своемуу братоу, к великомуу князю Михаилоу Борисовичиоу, и с <u>СВОИМ</u> братомъ с младшимъ, съ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, и съ <u>СВОЕЮ</u> братьею меншою, со княземъ Андрѣемъ, и со княземъ Борисомъ, и со княземъ,	(...) целѣи ко мнѣ крестъ, к своемуѣ братѣ, к великомѣ князю Иваноу Васильевичю, и к <u>МОЕМѣ</u> братѣ к младшемѣ, ко князю къ Юрью Василевичю, и к <u>НАШЕЙ</u> братье к меншей, ко князю к Ондрею, и ко князю к Борисоу, и князю Ондрею, и <u>СВОЕЮ</u> братьею с младшею, со	А1, В

	Ондрѣем Васильевичи, и к <u>МОЕИ</u> братье молодшой, ко князю Иваноу Юрьевичю и ко князю Михаилоу Дмитриевичю, и к меншой <u>НАШОИ</u> братье.	кназемъ с Иваном съ Юревичем, и со княземъ с Михаилом Дмитриевичем, и меншею <u>СВОЕЮ</u> братьею.	
84	ѿ по грѣхом, штоимет богъ мена, великого княза, и тебѣ под моими детми великого княженья не хотѣти, ни твоим детем под моими детми, и блюсти, и не обидети, ни встѣпатиса. ѿ не будет оу мена дети, и мнѣ, великому князю, великим княженьемъ благословити тоба, своего брата.	ѿ по грѣхом, господине, штоимет богъ теба, великого княза, <u>от нас</u> , и мнѣ, господине, под твоими дѣтми великого княженья не хотѣти, ни моим дѣтем, и блюсти, и не обидети, ни встѣпатиса. ѿ не будет, господине, с теба дѣте, и тебѣ, великомъ князю, великим княженьемъ благословити мена, своего брата.	Б1, Г

Приведенные выше отрывки из грамот разных времен показывают, что в отдельных фрагментах «регулярные» формы обозначения участников дискурса переплетаются с «нерегулярными». Однако отклонения от системных употреблений дейктических элементов редки. Во взаимных грамотах преобладают статьи, в которых употребляются лишь один-два названных выше типа.

Подытоживая все сказанное об общих способах обозначения участников дискурса во взаимных грамотах, можно назвать их главные черты:

- наиболее устойчивые формулы, повторяющиеся в почти неизменном виде во всех грамотах, находятся в начальном и конечном протоколах;
- в начальном и конечном протоколах участники дискурса употребляют одинаковые дейктические элементы в аналогичных местах, обозначая, тем самым, разных лиц;
- в диспозитивной части документов преобладают статьи, в которых референция местоимений в парах грамот одинаковая;

- в решительном большинстве документов дейктические элементы в одном тексте имеют свои точные эквиваленты в другом; отклонения от этой нормы редки.

Охарактеризовав главные жанровые особенности взаимных грамот, а также конструкции, являющиеся их индивидуальными чертами, на примере одного документа покажем, как строится в них коммуникация между князьями.

5.1.3 Строение отношений на примере одного документа

Описание формуляров, представленное в предыдущем разделе, выявило повторяющиеся элементы взаимных грамот, подчеркивающие их принадлежность к одному жанру. Однако каждая из них является уникальным текстом, в котором – несмотря на большой уровень схематизма – отражаются единичные использования языковых формул, особенно тех, относящихся к элементам внеязыкового контекста. Типичными выражениями такого типа являются, описанные ранее, формы обозначения участников дискурса. Исследуя их употребление возможно в какой-то степени проследить течение процесса общения, в эффекте которого формируется грамота. Пользуясь, прежде всего, местоимениями, пишущий строит и указывает на отношения между лицами, участвующими в процессе коммуникации. Кроме того, поскольку формы обозначения участников дискурса наполняются значением только в контексте, возможным представляется обнаружить, насколько пишущий относится к знаниям, вытекающим из разных его уровней:

1. минимального контекста двух документов, составляющих взаимную грамоту;
2. жанрового контекста – контекста других договорных (взаимных) грамот;
3. внеязыкового контекста.

На примере грамоты № 81 *Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем волоцким Борисом Васильевичем* от 1486 г. покажем, как протекает процесс коммуникации, отраженный во взаимной грамоте. Анализ начнем с описания внеязыкового контекста, в котором этот текст был создан – краткой характеристики лиц, от имени которых он пишется, и ситуации, к которой он относится. Исторические сведения основываем на *Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона* (электронный ресурс) и энциклопедии *Всемирная история* (электронный ресурс).

Грамота а) пишется от имени Ивана III Васильевича, великого князя московского с 1462 по 1505 год. Он обращается к своему брату Борису Васильевичу, князю волоцкому. После смерти их отца, великого князя московского Василия II Темного, Иван III, будучи его старшим сыном, получил великое княжение и 16 главных городов, а Борис Васильевич получил в удельное владение города Волоколамск, Ржев и Рузу. До 1473 г. братья жили мирно, но потом возникали между ними споры. В 1486 г., после их совместного похода на Тверское княжество, ими заключаются новые договоры, в которых младшие братья (в переговорах участвовал также Андрей Васильевич Большой) отказываются от претензий на получение доли в приобретенных землях. Отношения между братьями подтверждаются в нижеприведенном документе. Кроме Ивана III и Бориса Васильевича, в грамоте упоминается также сын Ивана – Иван Иванович.

	а) Грамота в. кн. Ивана Васильевича кн. Борису Васильевичу.	б) Грамота кн. Бориса Васильевича в. кн. Ивану Васильевичу.
invocatio:	Милостию божию и пречистыа его матери, и по благословению оца нашего Геронтия, митрополита всеа РҪси, и по нашей любви, на сем на всем,	Милостию божьею и пречистые его матери, и по благословению оца нашего Геронтия, митрополита всеа РҪси, и по нашей любви, на сем на всем,
	Документ начинается с торжественной формулировки, в которой обнаруживаем две формы притяжательного местоимения 1 л. мн. ч. Его формы, конечно, тождественны в обоих вариантах, но его референция неоднозначная. «Наш» – в обоих случаях может обозначать «мой и твой» или «мой, твой и других лиц», но в данном фрагменте еще нет более точного определения, кем являются эти лица. Поскольку эта формулировка широко распространена во всех документах данного типа, жанровый контекст позволяет ее отнести к самим князьям – авторам грамоты. Однозначно лица называются в следующей части – <i>inscriptio</i> .	
inscriptio:	братѣ молодшии, князь Борис Васильевич, целди	господинѣ и братѣ старѣшии, князь великий Иван Васильевич

		<p>всѣа Русси, и с своимъ сыномъ, с <u>МОИМ</u> братомъ старѣишимъ, с великимъ княземъ Иваномъ, <u>ЦЕЛОУИТЕ</u></p>
<p>В <i>inscriptio</i> находится точное определение адресата, которое позволяет идентифицировать лицо, обозначенное личной формой глагола <i>целовать</i>. В варианте а) Иван Васильевич обращается к Борису Васильевичу, Борис Васильевич, в свою очередь, и к Ивану Васильевичу, и к его сыну Ивану, поэтому в варианте б) применяется глагол во множественном числе. Имена и отчества сопровождаются соответствующими титулами (брат младший, брат старейший, князь, князь великий, господин), которые строят отношения между участниками дискурса на уровне текста. Стоит также обратить на факт, что они выражены в звательной форме, характерной для диалогической речи. Это явление (повторяющееся в дальнейших частях документов) подчеркивает коммуникативный аспект взаимных грамот.</p>		
<p>intitulatio:</p>	<p>ко <u>МНѢ</u> крестъ, къ своемуъ господиномъ и братомъ старейшемъ, к великомъ князю Иваномъ Васильевичю всеа Русси, и к <u>МОЕМУ</u> сыномъ къ своемуъ братомъ старейшемъ, к великомъ князю Иваномъ.</p>	<p>ко <u>МНѢ</u> крестъ, к своемуму братомъ младшомъ, ко князю Борису Васильевичю.</p>
<p>В <i>intitulatio</i> впервые появляется личное местоимение 1 л. ед. ч., вместе с дополнительными определениями – именами и титулами князей. Эти лица выступали уже в <i>inscriptio</i> как адресаты. Поэтому здесь Иван Иванович упоминается в варианте а). С этого момента можно представить себе коммуникацию между участниками данного дискурса следующим образом: великий князь Иван Васильевич обращается к удельному князю Борису Васильевичу (и их обозначают местоимения и глаголы в 1 л. ед. ч. в каждом из вариантов); Иван Васильевич является <i>братом старейшим</i> и <i>господином</i> – он находится выше в иерархии; Борис Васильевич, в свою очередь – это <i>брат младший</i>, подчиненный</p>		

	<p>великому князю. В общение включается также сын Ивана Васильевича, Иван Иванович. Факт, что он не только лицо, о котором говорится, но в какой-то степени участник дискурса (будучи наследником титула великого князя), подтверждает употребление личных местоимений во множественном числе как в начальной, так и в следующей части документа.</p>	
Имети	<p>Имѣти <u>ти</u> <u>меня</u>, великого князя, собѣ братомъ старѣшим. ꙗко сына <u>моего</u>, великого князя Ивана, имѣти <u>ти</u> собѣ братом старѣшим. ꙗко <u>нам</u>, великим князем, имѣти <u>тебя</u> собѣ братом младшим.</p>	<p>Имѣти <u>вам</u> <u>меня</u>, господине, собѣ братом младшим. ꙗко <u>мнѣ</u>, господине, имѣти <u>тебя</u>, своего господина, великого князя, братом старѣшим. ꙗко сына <u>твоего</u>, великого князя Ивана, имѣти <u>ми</u> собѣ братом старѣшим.</p>
	<p>О том, что Иван Иванович включен в дискурс, свидетельствует форма множественного числа местоимения, употребляемая в разных местах обоих вариантов. Интересно, что отдельные части фрагмента «имети» выступают в разной последовательности. Оба князя начинают установление взаимных отношений с самого себя, а только потом относятся к собеседнику (и Ивану Ивановичу). Минимальный контекст позволяет понять, что здесь личные местоимения множественного числа относятся к Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу.</p> <p>До этого момента документы строятся по типу А: каждый из князей пишет в начале о себе, а потом об адресате; референция тех же местоимений ед. ч. в обоих фрагментах разная. Это меняется со следующей части.</p>	
держати	<p>ꙗко <u>меня</u> <u>ти</u>, великого князя, и <u>моего</u> сына, великого князя, и <u>наше</u> великое княжение держати честно и грозно, без обиды.</p>	<p>ꙗко <u>тебя</u> <u>ми</u>, господине, великого князя, и <u>твоего</u> сына, великого князя, и <u>ваше</u> великое княжение держати честно и грозно, без обиды.</p>
	<p>Часть <i>держати</i> имеет строго схематический характер, оба варианта являются практически своим точным «зеркальным отражением».</p>	

	<p>Притяжательное местоимение во мн. ч. обозначает Ивана Васильевича и Ивана Ивановича, о чем свидетельствуют их разные формы в обоих вариантах и минимальный контекст, в котором точно называются все лица. Как в этой части, так и в нескольких следующих, личные местоимения ед. ч., относящиеся к Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу, пополняются формулировкой «великий князь». Кроме того, в грамоте б) часто добавляется титул «господин». Местоимения, называющие Бориса Васильевича, не сопровождаются никакой дополнительной формулировкой.</p>	
<p>добра хотети</p>	<p>ѿ хотѣти ти мнѣ, великомꙋ князю, и моємꙋ сынꙋ, великомꙋ князю, и нашимъ дѣтемъ добра вездѣ, и во всем, и до живота.</p>	<p>ѿ хотѣти ми тобѣ, своемуꙋ господинꙋ, великомуꙋ князю, и твоємꙋ сынꙋ, великомꙋ князю, и вашимъ дѣтемъ добра вездѣ, во всем, и до живота.</p>
<p>друг</p>	<p>ѿ хто бѣдет мнѣ, великомꙋ князю, и моємꙋ сынꙋ, великомꙋ князю, другъ, тот и тобѣ дрꙋгъ. ѿ хто бѣдет намъ, великимъ княземъ, недрꙋгъ, а тот и тобѣ недрꙋгъ.</p>	<p>ѿ хто, господине, бѣдет тобѣ, великомꙋ князю, и твоємꙋ сыноꙋ, великомꙋ князю, дрꙋгъ, тот и мнѣ дрꙋгъ. ѿ хто бѣдетъ вамъ, великимъ князем, недрꙋгъ, а тот и мнѣ недрꙋгъ.</p>
<p>канчивати</p>	<p>ѿ не канчивати ти, ни съсылатисѧ ни с кѣм без нашего вѣдания. ѿ с кѣм мы, великие князи, бѣдемъ в докончаньи, и намъ и тебѧ с темъ ѡчинити в докончанье. ѿ с кѣм бѣдешъ ты в целованье, и тобе томꙋ целованье сложити.</p>	<p>ѿ не канчивати ми, господине, ни съсылатисѧ ни с кѣм без вашего вѣдания. ѿ с кѣм, господине, вы, великие князи, бѣдете в докончанье, и вамъ и мена с тѣмъ ѡчинити в докончанье. ѿ с кѣм бѣдоꙋ язъ в целованье, и мнѣ томꙋ целованье сложити.</p>
<p>В указанных выше частях повторяются описанные раньше отношения, строимые местоимениями. Стоит лишь подчеркнуть, что в конце части <i>канчивати</i> глагол в личной форме быти применяется вместе с личным местоимением и таким образом грамматическая информация о лице выражена два раза.</p>		

<p>слышев</p>	<p>ѿ что ти слышев о нашем добре или о лисе от хрестянина или о м иновѣрца, о м кого ни бѣди, а то ти нам поведати в правдѣ, без примышленя.</p>	<p>ѿ что ми, господине, слышев о вашем добрѣ или о лисѣ о м хрестянина или о м иновѣрца, о м кого ни бѣди, а то ми вам повѣдати в правдѣ, без примышленя.</p>
<p>В последнем абзаце перед диспозитивной частью личные местоимения не сопровождаются более точными определениями участников дискурса. Продолжает употребляться информация о референции местоимений из предыдущих частей.</p>		
<p>dispositio: не ссылатися 1</p>	<p>ѿ с королем с Казимиром и с великим княземъ литовскимъ, с нашим недорѣгом, и с его дѣтми, или кто ни бѣдет король и великий князь на Литовской земле, так же и с великим княземъ Михаилом Борисовичем, не съсылати ти са с ними ни человекомъ, ни грамотами, никакими делы, некоторою хитростию. ѿ с чем х тобе пришлют король и великий князь литовски и его дети, или князь велики Михаил Борисович, с какими речми или з грамотами, и тобе то сказати нам, великим княземъ, в правдѣ, без хитрости. ѿ кого к тобе пришлют, и тебе того послати к нам, к великим княземъ, и грамоты ти нам дати, которые к тобе пришлют.</p>	<p>ѿ с королем, господине, с Казимиром и с великим князем литовским, с вашим недорѣгом, и сь его дѣтми, или хто ни бѣдет король и великий князь на Литовской землѣ, так же и с великим княземъ с Михаилом с Борисовичем, не ссылати ми са с ними ни человеком, ни грамотами, никакими дѣлы, некоторою хитростию. ѿ с чѣм, господине, ко мнѣ пришлют король и великий князь литовскии и его дѣти, или князь великий Михаил Борисович с какими рѣчми или з грамотами, и мнѣ то сказати вам, великим князем, в правдѣ, без хитрости. ѿ кого ко мнѣ пришлют, и мнѣ того послати к вам, к великим князем, и грамоты ми, вам дати, которые ко мнѣ пришлют.</p>

<p>не ссылатися 2</p>	<p>Такъ же ти и с-ынъыми князми да и с панъы, ни с-ынъым ни с кем в Литовъскѣю землю не съсылати ти сѧ на нашо лихо никакими делъы, никоторою хитростью. ѿ с чем к тобе пришлютъ из Литовъскіе земли князи, или панове, или кто ни бѣди, с какими речми или з грамотами, на нашо лихо, и тобе то сказати нам, великим княземъ, в правдѣ, без хитрости. ѿ кого к тобе пришлютъ, и тобе того человека и грамоты послати к нам, к великим княземъ.</p>	<p>Такъ же, господине, и с-ынъыми князми да и с панъы, ни с-ынъым ни с кем в Литовъскѣю землю не съсылати ми сѧ на ваше лихо никакими дѣлы, никоторою хитростию. ѿ с чѣм ко мнѣ пришлютъ из Литовскіе земли князи, или пановѣ, или хто ни бѣди с какими рѣчми или з грамотами на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам, великим князем, в правдѣ, без хитрости. ѿ кого ко мнѣ пришлютъ, и мнѣ того челоуѣка и грамоты послати к вам, к великим князем.</p>
	<p>В данных фрагментах, описывающих отношение князей к королю Казимиру IV, 4 раза личное местоимение 1 л. в мн. ч. сопровождается формулировкой «великие князья». Его референтом являются Иван Васильевич и Иван Иванович. Эта частотность может объясняться тем, что данные фрагменты не являются типичными элементами жанра, поэтому не применяются в них устойчивые конструкции с очевидной референцией и она обозначается в минимальном контексте.</p>	
<p>не ссылатися 3</p>	<p>Такъ же ти и в нашѣ отчинѣ, в Велики Новгород и во Псков, не съсылатисѧ ни с кемъ на нашо лихо, никакими делъы, никоторою хитростью. ѿ пришлютъ к тобе из наше отчины, из Великого Новагорода или изо Пскова, хто ни бѣди, человека или грамоты на нашо лихо, и то сказати нам, великим княземъ, в правдѣ, без</p>	<p>Такъ же ми, господине, и в вашѣ отчинѣ, в Великии Новгород и во Пъсков, не съсылатисѧ ни с кемъ на ваше лихо, никакими дѣлы, никоторою хитростию. ѿ пришлютъ ко мнѣ из ваше отчины, из Великого Новагорода или изо Пъскова, хто ни боуди, челоуѣка или грамоты на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам,</p>

	<p>хитрости. ѿ кого к ТОБЕ пришлютъ, и ТОБЕ того человека и грамоты послати к НАМ, к великим княземъ. Так же ТИ ни с-ынѣмъ ни с кемъ не съсылатиса и не одиначитиса на НАШО лихо, никакими делы, никоторою хитростью. ѿ от НАС ТИ, от великих князей, быти не ѡтступити никгда, ни х комѣ, никоторыми делы. ѿ быти ТИ со МНОЮ, с великим княземъ, и с МОИМ сыномъ, с великим княземъ, везде заодин, и до живота, на всякого НАШЕГО недрѣга, и с НАШИМИ дѣтми, и твоим дѣтемъ. ѿ НАМ, великим княземъ, ТОБѦ жаловати и держати въ братстве, и в любви, и во чти, без обиды, и печаловатиса НАМ ТОБОЮ и ТВОЕЮ отчиною.</p>	<p>великим князем, в правдѣ, без хитрости. ѿ кого ко МНѢ пришлютъ, и МНѢ того человека и грамоты послати к ВАМ, к великим князем. Так же МИ, господине, ни с-ынѣмъ ни с кемъ не съсылатиса и не одиначитиса на ВАШЕ лихо, никакими дѣлы, никоторою хитростию. ѿ от ВАС МИ, от великих князей, быти не ѡтступити никгда, ни х комѣ, никоторыми дѣлы. ѿ быти МИ с ТОВОЮ, с великим князем, и с ТВОИМ сыном, с великим князем, везде за один, и до живота, на всякого ВАШЕГО недрѣга, и с ВАШИМИ дѣтми, и моим дѣтем. ѿ ВАМ, господине, великим князем, МЕНѦ жаловати, и держати в братствѣ, и в любви, и во чти, без обиды, и печаловатиса ВАМ МНОЮ и МОЕЮ отчиною.</p>
	<p>В данном фрагменте титулом «великий князь» сопровождаются не только личные местоимения во мн. ч., но также местоимения, которые выступают в ед. ч., называющие Ивана Васильевича и Ивана Ивановича. «Не ссылатися» также являются статьями уникальными для описываемой грамоты, нетипичными для всего жанра взаимной грамоты.</p>	
<p>благославил</p>	<p>ѿ чем МА, брате, благословилъ отецъ НАШ, князь велики Василей Васильевич, своею отчиною, великим княженьем в Москве, и</p>	<p>ѿ чемъ ТА, господине, благослови отецъ ТВОИ, князь велики Василей Васильевич, своею отчиною, великим</p>

	<p>Коломною с волостми, и всем великим княжениемъ, и что <u>есмь</u> себе примыслил, или что себе <u>примыслим</u>, и <u>тобе</u> того подо <u>мною</u>, под великим княземъ, и под <u>моим</u> сыномъ, под великим княземъ, и под <u>нашими</u> дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстѣпатиса.</p>	<p>княжением в Москвѣ, и Коломною с волостъми, и всѣм великим княжением, и что <u>еси</u> собѣ примыслил, или что собѣ. <u>примыслите</u>, и <u>мнѣ</u> того под <u>тобою</u>, под великим князем, и под <u>твоим</u> сыном, под великим князем, и под <u>вашими</u> дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстѣпатиса.</p>
	<p>Здесь впервые (кроме начальной формулы) в варианте а) Иван Васильевич обращается к Борису Васильевичу, употребляя слово братѣ. Борис Васильевич в том же месте применяет титул господин. Кроме того, как и ранее, титулом великий князь сопровождаются личные местоимения, называющие Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.</p> <p>Однако самым интересным является различие в употреблении притяжательного местоимения мн. ч. по отношению к отцу: Иван Васильевич говорит о нем отецъ наш в то время как Борис Васильевич пишет отецъ твой. Оба князя пишут, несомненно, об одном и том же человеке. Разница (которая будет повторяться и в дальнейшей части документа) может вытекать из желания подчеркнуть факт, что Василий Васильевич наделил землями Бориса Васильевича. Тем самым в данном фрагменте <i>отец</i> обозначает в варианте б) не столько родного отца, сколько сеньора, обладающего полномочиями наделять землями (об употреблении терминов родства в служебной иерархии пишет И. Г. Пономарева 2019).</p>	
удел	<p>И что былъ ѡдел брата <u>нашего</u>, княжъ Юрьевъ Васильевича, в Москвѣ треть княжа Володимировскаго Андрѣевича, и жеребен тамги, и год княжъ Костянтиновскои Дмитриевича, так же и городы Дмитров,</p>	<p>И что былъ, господинѣ, ѡделъ брата <u>нашего</u>, княжъ Юрьевъ Васильевича, в Москвѣ треть княжа Володимировскаго Андревича, и жеребен тамги, и год княжъ Костянтиновскои Дмитриевича, так же и городы</p>

Ростовъ, **И**едъинь, **С**ерпоховъ,
Хотѣнь, и волости, и села, чем
его благословилъ отецъ **НАШ**,
князь велики, и въ свои
дѣховной грамоте емѣ написал,
и чем его благословила баба
НАША, великага княгини Софѣа,
волостми и селы, и въ свои
дѣховной грамоте емѣ написала,
и что былъ дѣел брата **НАШЕГО**,
княжъ **И**ндреевъ Васильевича, в
Москве, годъ княжъ Петровскои
Дмитреевича, и жеребен тамги,
так же и городъ Вологда, и
Кѣбена, и **З**авзерье, и инѣе
волости, и села, чем его
благословилъ отецъ **НАШ**, князь
велики, и въ свои дѣховной
грамотѣ емѣ написал, и что **МИ**
далъ князь **М**ихаило **И**ндреевич
свою отчинѣ, в **М**оскве свои
жеребен, и села **М**осковскѣе, да
Белозеро, да **И**рославецъ, и
волости, и села, и с отѣежжими
мѣсты, чем его благословилъ
отецъ его, князь **И**ндрей
Дмитреевич, и что **ЕСМЪ** взялъ въ
свои винѣ ѿ княжа ѿ
Михаилова сына **И**ндреевича, ѿ
княжа ѿ **В**асильга, его вотчинѣ
Верею, и волости, и села, и того
ТИ всего подъ **МНОЮ**, подъ великимъ
княземъ, и подъ **МОИМЪ** сыномъ,

Дмитровъ, **Р**остовъ, **И**едъшь,
Серпоховъ, **Х**отѣнь, и волости, и
села, чѣм его благословила отецъ
НАШ, князь великии, и в свои
доуховной грамотѣ емѣ написал,
и чѣм его благословила баба
НАША, великага княгини Софѣа,
волостъми и селы, и в свои
доуховной грамоте емѣ
написала, и что, господине, былъ
дѣел брата **НАШЕГО**, княжъ
Индреевъ Васильевича, в **М**осквѣ
годъ княжъ Петровскои
Дмитреевича и жеребен тамги,
так же и городъ Вологда, и
Кѣбена, и **З**авзерье, и инѣе
волости и села, чѣм его
благословилъ отецъ **НАШ**, князь
великии, и в своей доуховной
грамотѣ емѣ написал, и что,
господине, далъ **ТОБѣ** князь
Михаило **И**ндреевич свою отчинѣ,
в **М**осквѣ свои жеребен, и села
Московскѣе, да **Б**елозеро, да
Ирославецъ, и волости, и села, и
с отѣежжими мѣсты, чѣм его
благословилъ отецъ его, князь
Индрей **Д**митреевич, и что **ЕСИ**,
господине, взялъ в свои винѣ ѿ
княжа ѿ **М**ихаилова сына
Индрѣевича, ѿ княжа ѿ **В**асильга
его вотчинѣ **В**ерею, и волости, и
села, и того **МИ**, господине, всего

	<p>ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМЪ, И ПОД НАШИМИ ДѢТМИ БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТЪПАТИСА, НИ ПОДЪИСКИВАТИ НИКОТОРОЮ ХИТРОСТЬЮ, НИ ТВОИМЪ ДѢТЕМ.</p>	<p>ПОД ТОБОЮ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И ПОД ТВОИМ СЪНОМ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И ПОД ВАШИМИ ДѢТМИ БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТЪПАТИСА, НИ ПОДЪИСКИВАТИ НИКОТОРОЮ ХИТРОСТИЮ, НИ МОИМ ДѢТЕМ.</p>
	<p>В данном фрагменте впервые форма 1 л. мн. ч. применяется Борисом Васильевичем в варианте б). Та же форма употреблена в варианте а), что свидетельствует о том, что их референция одинаковая: «брат, отец, баба» – это родственники обоих князей. Однако в предыдущей части тот же отец описывался Борисом Васильевичем как отец Ивана Васильевича (местоимением ед. ч.). Разница заключается в том, что тогда это был отец, который наделил землями Ивана Васильевича, а сейчас – тот, который наделил землями других сыновей и не стоило подчеркивать разницы в их отношениях притяжательным местоимением.</p> <p>Интересным является также тот факт, что здесь не выступают дополнительные определения участников дискурса, и референция притяжательных местоимений понимается благодаря жанровому контексту, так как статья <i>удел</i> является типичной для взаимных грамот.</p> <p>Кроме того, в конечной части этого абзаца Иван Васильевич продолжает употреблять форму 1 л. мн. ч. (ПОД НАШИМИ ДѢТМИ), в то время как Борис Васильевич употребляет уже форму второго лица (ПОД ВАШИМИ ДѢТМИ), что показывает, что референция местоимения в варианте а) поменялась. Сейчас это дети Ивана Васильевича и Ивана Ивановича, но не Бориса Васильевича. Этот факт, однако, не обозначается в тексте лексически. Понять эту новую референцию можно, скорее, по порядку лиц с предлогом «под», перечисленных непосредственно перед этим фрагментом: «(...) и того ТИ всего ПОД МОЮ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМЪ, И ПОД МОИМЪ СЪНОМЪ, ПОД ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМЪ, И ПОД НАШИМИ ДѢТМИ (...)», хотя теоретически вариант, в котором Борис Васильевич включается в значение местоимения наши возможен, так как личное</p>	

	<p>местоимение 2 л. ед. ч. употреблено в начале фразы. Однако такому толкованию данной фразы противоречит просто его смысл – Борис Васильевич не мог бы быть подчинен своим детям (внеязыковой контекст).</p> <p>Стоит также отметить, что личные местоимения ед. ч. определяются дополнительно титулом «князь великий» так же, как и раньше, но для обозначения участников дискурса применяется также личная форма глагола бъти (есмь, еси). В варианте б) после нее употреблено обращение к Ивану Васильевичу («что еси, господине, взял»), причем ранее оно употреблялось после личного местоимения.</p>	
отчина	<p>Так же ти в нашѣ отчинѣ, въ Велики Новгород и во Псков, и во вся Новгородская и во Псковская мѣста, не вѣстѣпатиса, и блюсти, и не обидети, ни подѣскивати всего нашего великого княженя под мною, под великим княземъ, и под моимъ сыномъ, под великим княземъ, и под нашими дѣтми, ни твоимъ дѣтемъ, некоторою хитростью.</p>	<p>Так же ми, господине, в вашѣ отчинѣ, в Велики Новгород и во Псков, и во вся Новгородская и во Псковская мѣста, не вѣстѣпатиса, и блюсти, и не обидети, ни подѣскивати всего вашего великого княженя под тобою, под великим княземъ, и под твоимъ сыномъ, под великим княземъ, и под вашими дѣтми, ни моимъ дѣтемъ, некоторою хитростию.</p>
	<p>Дальше продолжается употребление притяжательных местоимений во множественном числе по отношению к Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу.</p>	
отчина 2	<p>И что дал намъ богъ, взяли есма вотчинѣ ѣ своего недрѣга, ѣ великого князя ѣ Михаила ѣ Борисовича, Тферь и Кашын, и вся Тферская и Кашинская мѣста, и тобе так же в тѣ нашѣ отчинѣ, во Тферь и в Кашин, и во вся Тферская и в Кашинская</p>	<p>И что, господине, дал вамъ богъ, взяли есте вотчинѣ ѣ своего недрѣга, ѣ великого князя ѣ Михаила Борисовича, Тферь и Кашин, и вся Тферская и Кашинская мѣста, и мнѣ, господине, также в тѣ в вашѣ вотчинѣ, во Тферь и в Кашин, и</p>

	<p>МЕСТА, ВО ВСЕ ВЕЛИКОЕ КНАЖЕНЬЕ Тферское, в <u>НАШЕ</u> отчинѣ, не въстѣпатиса, и блюсти, и не обидети, ни подѣскивати всех <u>НАШИХ</u> отчин, великих кнаженей, под <u>МНОЮ</u>, под великим кназемъ, и под <u>МОИМЪ</u> сыномъ, под великим кназемъ, и под <u>НАШИМИ</u> дѣтми, ни <u>ТВОИМЪ</u> дѣтем, никакими дѣлы, никоторою хитростью.</p>	<p>во вса Тферская и в Кашинская мѣста, во все великое кнажение Тферское, в <u>ВАШЕ</u> отчинѣ, не встѣпатиса, и блюсти, и не обидети, ни подѣскивати всех <u>ВАШИХ</u> вотчин, великих кнаженей, под <u>ТОВОЮ</u>, под великим кназем, и под <u>ТВОИМ</u> сыном, под великим кназем, и под <u>ВАШИМИ</u> дѣтми, ни <u>МОИМ</u> дѣтем, никакими дѣлы, никоторою хитростию.</p>
	<p>В данном фрагменте применяется много личных местоимений обоих чисел и каждое из них имеет свое точное соответствие в другом варианте документа, так как и личная форма глагола бѣти во мн. ч. (есма – есте). Только одно личное местоимение сопровождается титулом великий князь, что может вытекать из того, что статья <i>отчина</i> типична для описываемого нами жанра.</p>	
<p>рубеж Твери и Кашину</p>	<p>ѿ рубеж <u>НАШЕЙ</u> отчине, Тфери и Кашинѣ, и всеи Тферской землѣ с <u>ТВОЕЮ</u> отчиною по старинѣ. ѿ сѣд о землях и о водах <u>НАШЕЙ</u> отчинѣ, Тферской земле, с <u>ТВОЕЮ</u> отчиною на обѣ стороны от того веремени, как отца <u>НАШЕГО</u>, великого князя Василья Васильевича, в животѣ не стало. ѿ обидномъ всемъ <u>НАШЕЙ</u> отчинѣ, Тферской землѣ, съ <u>ТВОЕЮ</u> отчиною сѣд обчеи на обѣ стороны от того веремени, как <u>МЫ</u>, великие князи, взяли Тферскую землю. ѿ сѣдити сѣд</p>	<p>ѿ рубеж, господине, <u>ВАШЕЙ</u> отчинѣ, Тфери и Кашинѣ, и всеи Тферской землѣ, с <u>МОЕЮ</u> отчиною по старинѣ. ѿ сѣд о землях и о водах <u>ВАШЕЙ</u> вотчинѣ, Тферской землѣ, с <u>МОЕЮ</u> отчиною на обе стороны от того веремени, как отца <u>НАШЕГО</u>, великого князя Василья Васильевича, в животѣ не стало. ѿ обидномъ всемъ <u>ВАШЕЙ</u> отчинѣ, Тферской землѣ, с <u>МОЕЮ</u> отчиною сѣд вопчеи на обѣ стороны от того веремени, как <u>ВЫ</u>, великие князи, взяли</p>

	<p>вопчени людем старейшим, целовав крестъ. ꙗ холопѣ, робѣ, даномѣ, полшженомѣ, заемномѣ, порѣномѣ <u>НАШЕИ</u> вотчинѣ, Тѣерской землѣ, с <u>ТВОЕЮ</u> отчиною сѣд от вѣка.</p>	<p>Тѣерскѣю землю. ꙗ сѣдити сѣд вопчени людем старейшим, целовав крестъ. ꙗ холопѣ, робѣ, даномѣ, положеномѣ, заемномѣ, порѣномѣ <u>ВАШЕИ</u> вотчинѣ, Тѣерской землѣ, с <u>МОЕЮ</u> отчиною сѣд от вѣка.</p>
<p>В данном абзаце, так как ранее в абзаце <i>удел</i> среди многих употреблений местоимений типа Б обнаруживаем одно типа А: «как отца <u>НАШЕГО</u>, великого князя». И здесь притяжательное местоимение с общей для обоих вариантов референцией определяет семейные отношения, а его значение, отличающееся от значений других идентичных форм в соответствующем фрагменте варианта а), не обозначается никаким способом на лексическом уровне – его референция понятна благодаря внеязыковому контексту.</p>		
<p>благославил 2</p>	<p>ꙗ чѣм, братѣ, <u>ТЕБѦ</u> благословилъ отецъ <u>НАШЪ</u>, князь велики, в Москвѣ годом княжимъ Ивановымъ можаиского и жеребьемъ тамги, на Ржевою с волостми, да Волоком с волостми, Рѣзою с волостми, по своеи дѣховнои грамотѣ, и что <u>ЯЗ</u>, князь велики, <u>ТЕБѦ</u> пожаловал Вѣшегородом с волостми и съ селы въ вотчинѣ и въ вѣдел, к к было за княземъ за Ниѣанломъ, шпрочь тѣх сел, которыѣ <u>ЕСМЪ</u> подавал монастыремъ, и богаром, и дѣтем богарским, а на тѣх селех сѣд и дань <u>ТВОИ</u> по землѣ, да что <u>ЕСМЪ</u> <u>ТОБѣ</u> дал Шопковѣ</p>	<p>ꙗ чѣм, господинѣ, <u>МЕНА</u> благословил отецъ <u>МОИ</u>, князь великии, в Москвѣ годом княжимъ Ивановымъ можаиского и жеребьемъ тамги, да Ржевою с волостьми, да Волоком с волостьми, Рѣзою с волостьми, по своей дѣховнои грамотѣ, и что, господинѣ, князь великии, <u>ТЫ</u> <u>МЕНА</u> пожаловал Вѣшегородом с волостьми и с селы в вотчинѣ и в вѣдел, как было за княземъ за Ниѣанломъ, шпрочь тѣх селъ, которыѣ <u>ЕСИ</u> подавал монастыремъ, и богарам, и дѣтем богарским, а на тѣх селех сѣд и дань <u>МОЯ</u> по землѣ, да что <u>МИ</u> <u>ЕСИ</u>, господинѣ, дал</p>

	<p>СЛОБОДКѢ ТАК ЖЕ ВЪ ВОТЧИНѢ И В ВѢДЕЛ, И ЧТО ОТЕЦЪ <u>НАШЪ</u>, КНЯЗЬ ВЕЛИКИ, ПОВОЛИЛ СВОЕИ БОГАРЪИНѢ Марья ФедоровѢ Федоровича ГолтиевѢ ДАТИ <u>ТОБЕ</u> СВОИ СЕЛА В <u>НАШЕЙ</u> ОТЧИНѢ, ВЪ ВЕЛИКОМ КНАЖЕНЬЕ, И В ДѢХОВНОИ ОТЦА <u>НАШЕГО</u> ТЕ СЕЛА ОПИСАНЪ, И <u>ТОБЕ</u> ТЕ СЕЛА ВѢДАТИ И СЪ СѢДОМ И З ДАНЬЮ, И ТОГО ВСЕГО <u>МНѢ</u>, ВЕЛИКОМѢ КНЯЗЮ, И <u>МОЕМѢ</u> СЪИНОМ, ВЕЛИКОМѢ КНЯЗЮ, ПОД <u>ТОБОЮ</u> БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, И НЕ ВЪСТѢПАТИСА, И <u>НАШИМ</u> ДѢТЕМ, И ПОД <u>ТВОИМИ</u> ДѢТМИ. И КОТОРЫЕ СЕЛА ПОДАВАЛА <u>ТОБѢ</u> Марья в МосквѢ, А ТѢ СЕЛА ДРЪЖАТИ <u>ТОБЕ</u> ПО ТОМѢ, КАК ПРИ ОТЦѢ <u>НАШЕМ</u>, ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗѢ, ЕГО БРАТЪЯ ДРЪЖАЛИ СВОИ СЕЛА МОСКОВСКІЕ.</p>	<p>ШОПКОВѢ СЛОБОДКѢ ТАК ЖЕ В ВОТЧИНѢ И В ВѢДЕЛ, И ЧТО, ГОСПОДИНЕ, ОТЕЦЪ <u>НАШ</u>, КНЯЗЬ ВЕЛИКИИ, ПОВОЛИЛ СВОЕИ БОГАРЪИНѢ Марие ФедоровѢ Федоровича ГолтдеиѢ ДАТИ <u>МНѢ</u> СВОИ СЕЛА В <u>ВАШЕЙ</u> ВОТЧИНѢ, В ВЕЛИКОМ КНАЖЕНИЕ, И В ДѢХОВНОИ ОТЦА <u>НАШЕГО</u> ТѢ СЕЛА ОПИСАНЪ, И <u>МНѢ</u>, ГОСПОДИНЕ, ТѢ СЕЛА ВѢДАТИ И С СѢДОМ И З ДАНЬЮ, И ТОГО, ГОСПОДИНЕ, ВСЕГО <u>ТОБѢ</u>, ВЕЛИКОМѢ КНЯЗЮ, И <u>ТВОЕМѢ</u> СЪИНОМ, ВЕЛИКОМѢ КНЯЗЮ, ПОД <u>МНОЮ</u> БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, И НЕ ВСТѢПАТИСА, И <u>ВАШИМ</u> ДѢТЕМ ПОД <u>МОИМИ</u> ДѢТМИ. И КОТОРЫЕ, ГОСПОДИНЕ, СЕЛА ПОДАВАЛА <u>МНѢ</u> Мариа в МосквѢ, А ТѢ СЕЛА ДЕРЖАТИ <u>МНѢ</u> ПО ТОМѢ, КАК ПРИ ОТЦѢ <u>НАШЕМ</u>, ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ, ЕГО БРАТЪЯ ДЕРЖАЛИ СВОИ СЕЛА МОСКОВСКІЕ.</p>
	<p>В этой части можно обнаружить несколько менее типичных употреблений местоимений.</p> <p>Во-первых, формула отецъ <u>нашъ</u>, князь велики в варианте а) соответствует формуле отецъ <u>мой</u>, князь великии в варианте б).</p> <p>Раньше «отец» определялся местоимением во мн. ч., а в части <i>благославил</i> Борисом Васильевичем применяется местоимение во 2 л. ед. ч. Здесь, опять, Иваном Васильевичем используется местоимение во мн. ч., в то время как в тексте, составленном от имени Бориса Васильевича выступает местоимение в ед. ч., но на этот раз в 1 л. Это значит, что здесь Борис Васильевич подчеркивает, что это «его» отец (в значении сеньора), а раньше – что это отец Ивана Васильевича. В</p>	

данном фрагменте Василий Васильевич упоминается как тот, кто наделил землями Бориса Васильевича, что способствует такому употреблению притяжательного местоимения.

Во-вторых, в одном фрагменте обнаруживаются незначительные различия в синтаксисе, которые ранее не выступали. В варианте а) читаем: (...) и что ЯЗ, князь велики, ТЕБЯ пожаловал (...). В варианте б) в том же месте имеется: (...) и что, господине, князь великий, ТЫ МЕНА пожаловал (...). Данное употребление показывает, что место титула в предложении достаточно свободно и он не обязательно выступает после местоимения.

В-третьих, и здесь обнаруживается определение ОТЦА НАШЕГО в обоих вариантах (тем самым, относящееся к обоим князьям), несмотря на то, что в других местах в варианте а) притяжательное местоимение в 1 л. мн. ч. относится к Ивану Васильевичу и его сыну, но не к Борису Васильевичу. Это употребление подчеркивает также необычность описанной раньше формулировки ОТЕЦЬ МОИ в начале абзаца.

<p>отоимет бог 1</p>	<p><u>ѿ</u> придет божья вола, возмет богъ <u>ТОВА</u>, и <u>МНѢ</u>, великомꙋ князю и <u>МОЕМꙋ</u> сынꙋ, великомꙋ князю, и <u>НАШИМ</u> дѣтемъ тоѣ всеѣ <u>ТВОЕИ</u> отчинꙋ, и <u>Вꙋшегорода</u>, и <u>Шопковꙋ</u>, и тѣх сел, что подавала <u>ТОБѢ</u> <u>Нарыа</u> в <u>НАШЕИ</u> отчинѣ, под <u>ТВОЕЮ</u> княгиней и под <u>ТВОИМИ</u> дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстꙋпатиса, и печаловатиса <u>НАМ</u> <u>ТВОЕЮ</u> княгиней и <u>ТВОИМИ</u> дѣтми.</p>	<p><u>ѿ</u> придет божья вола, возметъ богъ <u>МЕНА</u>, и <u>ТОБѢ</u>, <u>МОЕМꙋ</u> гоподинꙋ, великомꙋ князю, и <u>ТВОЕМꙋ</u> сынꙋ, великомꙋ князю, и <u>ВАШИМ</u> дѣтемъ тоѣ всеѣ <u>МОЕИ</u> отчинꙋ, и <u>Вꙋшегорода</u>, и <u>Шопковꙋ</u>, и тѣх сел, что подавала <u>МНѢ</u> <u>Нарыа</u> в <u>ВАШЕИ</u> вотчинѣ, п под <u>МОЕЮ</u> княгиней и под <u>МОИМИ</u> дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстꙋпатиса, и печаловатиса <u>ВАМ</u> <u>МОЕЮ</u> княгиней и <u>МОИМИ</u> дѣтми.</p>
<p>отоимет бог 2</p>	<p><u>ѿ</u> придет божья вола, возмет богъ <u>МЕНА</u>, великого князя, и <u>ТОБѢ</u> <u>МОЕГО</u> сына, великого князя, держати в <u>МОЕ</u> мѣсто. <u>ѿ</u></p>	<p><u>ѿ</u> придет божья вола, возмет богъ <u>ТЕБА</u>, <u>МОЕГО</u> господина, великого князя, и <u>МНѢ</u> <u>ТВОЕГО</u> сына, великого князя, держати в</p>

	<p>ПОД <u>МОИМЪ</u> <u>ТИ</u> СЫНОМЪ, ПОД ВЕЛИКИМ КНАЗЕМЪ, И ПОД <u>МОЕЮ</u> ВЕЛИКОЮ КНАГИНЕЮ, И ПОД <u>НАШИМИ</u> ДѢТМИ ВСЕѢ <u>НАШЕ</u> ВОТЧИНЫ, ВЕЛИКОГО КНАЖЕНІА, И СДѢЛА БРАТА <u>НАШЕГО</u>, КНАЖ ЮРЬЕВСКОГО, ВСЕГО, И СДѢЛА БРАТА <u>НАШЕГО</u>, КНАЖ <u>АНДРѢВЬСКОГО</u>, ВСЕГО, И КНАЖИ <u>МИХАИЛОВЪ</u> <u>АНДРѢВИЧА</u>, И СЫНА ЕГО, КНАЖИ <u>ВАСИЛЬЕВЪ</u>, ВОТЧИНЫ ВСЕѢ, И ВОТЧИНЫ <u>НАШЕ</u>, ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА И ПСКОВА, И ВСѢХЪ НОВОГОРОДСКИХЪ И ПСКОВСКИХЪ МѢСТЪ, И ТФЕРИ И КАШИНА, И ВСѢХЪ ТФЕРСКИХЪ И КАШИНСКИХЪ МѢСТЪ, ВСѢХЪ <u>НАШИХЪ</u> ВОТЧИНЪ, ВЕЛИКИХЪ КНАЖЕНЕИ, БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВЪСТЪПАТИСА, НИ ПОДЪИСКИВАТИ НИКАКИМИ ДѢЛЪ, НИКОТОРОЮ ХИТРОСТЮ. <u>И</u> БЫТИ <u>ТИ</u> С <u>МОИМЪ</u> СЫНОМЪ, С ВЕЛИКИМ КНАЗЕМЪ, И С <u>МОЕЮ</u> ВЕЛИКОЮ КНАГИНЕЮ, И С <u>НАШИМИ</u> ДѢТМИ ВЕЗДѢ ЗАОДИН.</p>	<p><u>ТВОЕ</u> МѢСТО. <u>И</u> ПОД <u>ТВОИМЪ</u> <u>МИ</u> СЫНОМЪ, ПОД ВЕЛИКИМ КНАЗЕМЪ, И ПОД <u>ТВОЕЮ</u> ВЕЛИКОЮ КНАГИНЕЮ, И ПОД <u>ВАШИМИ</u> ДѢТМИ ВСЕѢ <u>ВАШЕ</u> ВОТЧИНЫ, ВЕЛИКОГО КНАЖЕНІА, И СДѢЛА БРАТА <u>НАШЕГО</u>, КНАЖА ЮРЬЕВЬСКОГО, ВСЕГО, И СДѢЛА БРАТА <u>НАШЕГО</u>, КНАЖА <u>АНДРѢВЬСКОГО</u>, ВСЕГО, И КНАЖИ <u>МИХАИЛОВЪ</u> <u>АНДРѢВИЧА</u>, И СЫНА ЕГО, КНАЖИ <u>ВАСИЛЬЕВЪ</u>, ВОТЧИНЫ ВСЕѢ, И ВОТЧИНЫ <u>ВАШЕ</u> ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА И ПЪСКОВА, И ВСѢХЪ НОВОГОРОДСКИХЪ И ПЪСКОВСКИХЪ МѢСТЪ, И ТФЕРИ, И КАШИНА, И ВСѢХЪ ТФЕРЬСКИХЪ И КАШИНЬСКИХЪ МѢСТЪ, ВСѢХЪ <u>ВАШИХЪ</u> ВОТЧИН, ВЕЛИКИХЪ КНАЖЕНЕИ, БЛЮСТИ, И НЕ ОБИДЕТИ, НИ ВСТЪПАТИСА, НИ ПОДЪИСКИВАТИ НИКАКИМИ ДѢЛЪ, НИКОТОРОЮ ХИТРОСТИЮ. <u>И</u> БЫТИ <u>МИ</u> С <u>ТВОИМЪ</u> СЫНОМЪ, С ВЕЛИКИМ КНАЗЕМЪ, И С <u>ТВОЕЮ</u> ВЕЛИКОЮ КНАГИНЕЮ, И С <u>ВАШИМИ</u> ДѢТМИ ВЕЗДѢ ЗАОДИН.</p>
	<p>В данных фрагментах, похожих по структуре и содержанию, большинство случаев обозначения участников дискурса регулярно и отвечает типу Б. Однако во второй части в обоих вариантах выступает притяжательное местоимение <u>наши</u>, относящееся к брату князей и его детям. Его референция другая, чем по отношению к «детям» и «отчине» во фрагменте а), где употребляется то же местоимение. «Наш брат» это, несомненно, брат Ивана Васильевича и Бориса Васильевича (вначале упоминается Юрий, а потом – Андрей), зато «дети» и «отчина» не</p>	

	<p>относятся к Борису Васильевичу. Они, наверное, принадлежат Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу, что объясняется, с одной стороны, контекстом данной грамоты (перечисление земель; перечисление лиц, которым подчинен Борис Васильевич), с другой – обычным употреблением такого типа определений в других взаимных грамотах, т. е. универсальными жанровыми особенностями взаимных грамот.</p> <p>По отношению к этим фрагментам стоит еще отметить, что в варианте б) появляется обращение к Ивану Васильевичу: товѣ, моемꙋ господинꙋ, которое не имеет своего соответствия в варианте а). Оно подчеркивает подчиненность Бориса Васильевича своему брату.</p>	
села	<p>ѿ сел ти в наших отчинах, въ великих княженьях, не держати, ни кꙋпити, ни закладней не держати. ѿ нам, великим княземъ, въ твоеи отчинѣ сел не держати, ни кꙋпити, ни закладней не держати.</p>	<p>ѿ сел ми в ваших вотчинах, в великих княженьях, не держати, ни кꙋпити, ни закладней не держати. ѿ вам, великим князем, в моеи вотчинѣ селъ не держати, ни кꙋпити, ни закладней не держати.</p>
	<p>В этом фрагменте все употребления форм, называющих участников дискурса, регулярны; формы множественного числа обозначают Ивана Васильевича и Ивана Ивановича и пополняются соответствующими выражениями.</p>	
Орда	<p>ѿ Орды вѣдати и знати нам, великим князем. ѿ товѣ Орды не знати. ѿ въ вѣход ти нам давати, в тысячу рꙋблевъ, шестьдесят рꙋблев с рꙋблем на десять алтынъ з денгою, доколѣ опишемса, по отца нашего дꙋховнои грамотѣ. ѿ как опишем свои отчины, и товѣ нам давати по той описи. ѿ коли мы, великие князи, в Орды не дадим, и нам и ꙋ тебя не</p>	<p>ѿ Орды, господине, вѣдати и знати вам, великим князем. ѿ мнѣ Орды не знати. ѿ въ вѣход ми, господине, вам давати, в тысячу рꙋблев, шестьдесят рꙋблев с рꙋблем на десять алтынъ з денгою, доколѣ опишемса, по отца нашего дꙋховнои грамотѣ. ѿ как опишем свои вотчины, и мнѣ вам давати по той описи. ѿ коли, господине, вты, великие</p>

	ВЗАТИ.	КНАЗИ, в Ордѣ не <u>дадите</u>, и <u>вам</u> и <u>8 мена</u> не взати.
	<p>Здесь главной является оппозиция (во фрагменте а): мы – великие князья, ты – Борис Васильевич. Поэтому большинство форм в 1 л. мн. ч. относятся к Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу, во фрагменте б) это, естественно, формы 2 л. Однако в части от «<u>доколѣ опишемса</u>» меняется точка зрения. Это незаметно, если читать только фрагмент а) – там продолжают употребляться формы 1 л. мн. ч. и никак не обозначается, что их референция поменялась. Однако тот факт, что во фрагменте б) в соответствующем месте также употребляется форма 1 л. доказывает, что эти формы указывают и на Бориса Васильевича, и референция местоимения «нам» во фрагменте а) другая, чем лица, названного личной формой глагола «опишем». Это, однако, на языковом уровне никак не выражено, поэтому стоит предположить, что смысл данного выражения толкуется по жанровому контексту.</p> <p>И в этом фрагменте в варианте б) обнаруживаем несколько обращений к Ивану Васильевичу «<u>господине</u>», не имеющих своих соответствий в варианте а).</p>	
царевич	ѿ цара Нѣрдовлата, или кто по нем инѣи царь или царевич бѣдет на томѣ мѣсте, и <u>тобѣ</u> его держати с <u>нами</u> с одного.	ѿ цара Нѣрдовлата, или хто по нем инѣи царь или царевич бѣдет на томѣ мѣсте, и <u>мнѣ</u>, господине, его держати с <u>вами</u> с одного.
всести на конь	ѿ гдѣ <u>мы</u>, великие князи, <u>всадем</u> на конь сами, и <u>тобѣ</u> с <u>нами</u> поити. ѿ гдѣ <u>тобѣ</u> <u>пошлемъ</u>, и <u>тобѣ</u> поити без ослѣшанья. ѿ гдѣ <u>пошлем</u> своих воевод, и <u>тобѣ</u> с <u>нашими</u> воеводами послати своего воеводѣ съ своими людьми.	ѿ гдѣ, господине, <u>вѣ</u>, великие князи, <u>всадете</u> на конь сами, и <u>мнѣ</u>, господине, с <u>вами</u> поити. ѿ гдѣ, господине, <u>мена пошлете</u>, и <u>мнѣ</u> поити без ослѣшанья. ѿ гдѣ, господине, <u>пошлете</u> своих воевод, и <u>мнѣ</u> с <u>вашими</u> воеводами послати своего воеводѣ съ своими людьми.
князья	ѿ князеи <u>ти</u> слѣжебныхъ с	ѿ князеи <u>ми</u>, господине,

	вотчинами не примати.	сѣбѣныхъ сѣ вотчинами не примати.
	Все вышеуказанные фрагменты строятся по типу Б и в них не обнаруживаются формы нетипичного характера. Стоит лишь отметить немного большее количество личных форм глагола: опишемса, всадем, пошлемъ , которые не сопровождаются личным местоимением – информация о лице передается грамматически.	
вольным воля	ѿ богаром, и дѣтем богарским, и сѣбѣгам промеж нас волным воля.	ѿ богарам, и дѣтем богарьским, и сѣбѣгам промежи нас волным воля.
бояры	ѿ кто нашихъ богаръ, и дѣтеи богарскихъ, и сѣбѣг имет жити въ твоеи отчинѣ, и тобѣ ихъ блюсти, как и своихъ. ѿ кто твоихъ богаръ, и дѣтеи богарскихъ, и сѣбѣг имет жити в нашеи отчинѣ, въ великом княжене, и нам ихъ блюсти, как и своихъ. ѿ кто котормѣ князю сѣбѣжит, гдѣ бы ни жьд, сѣ тѣм емѣ и фхати, котормѣ сѣбѣжит. ѿ городнаѣ осада, гдѣ хто живет, томѣ тѣто и сѣсти, вопричь богаръ въведеныхъ и пѣтников.	ѿ хто, господине, вашихъ богаръ, и дѣтеи богарьскихъ, и сѣбѣг имет жити в моеи отчине, и мнѣ ихъ блюсти, как и своихъ. ѿ кто моихъ богаръ, и дѣтеи богарьскихъ, и сѣбѣг имет жити в вашеи вотчине, в великом княжение, и вам ихъ блюсти, как и своихъ. ѿ кто котормѣ князю сѣбѣжит, гдѣ бы ни жил, сѣ тѣм емѣ и фхати, котормѣ сѣбѣжит. ѿ городнаѣ осада, гдѣ хто живет, томѣ тоуто и сѣсти, вопричь богаръ ввѣденыхъ и пѣтников.
даному...	ѿ даномѣ, положеномѣ, холопѣ, робѣ от вка сѣд. ѿ татѣ и беглеца по исправѣ выдати. ѿ заемномѣ, и порѣчномѣ, и всемѣ обидномѣ межѣ нас сѣд без перевода. ѿ сѣбѣгамъ нашимъ третей волнои.	ѿ даномѣ, положеномѣ, холопѣ, робѣ от века сѣд. ѿ татѣ и беглеца по исправе выдати. ѿ заемномѣ, и порѣчномѣ, и всемѣ обидномѣ межѣ нас сѣд без перевода. ѿ сѣбѣгамъ нашимъ третей волнои.

	<p>В указанных выше фрагментах впервые употребляется форма личного местоимения 1 л. мн. ч. по типу А (раньше в этой форме применялось только притяжательное местоимение), т. е. она обозначает Ивана Васильевича и Бориса Васильевича. Она не сопровождается никакими именами ни титулами, несмотря на то, что в части «князя» в варианте а) тоже применяются местоимения в 1 л. мн. ч., но их референция другая (это Иван Васильевич и Иван Иванович), так как в аналогичных местах в варианте б) обнаруживаем местоимения 2 л. Разницы в референции понимаются благодаря жанровому контексту.</p>	
<p>apprecatio:</p>	<p>ѿ на семъ на всем, брате молодши, князь Борис Васильевич, <u>целѣи</u> ко <u>мнѣ</u> крестъ, къ своемъ господи и братъ старѣшемъ, к великомъ князю Иванъ Васильвичю всеа Рѣси, и к <u>моемъ</u> сынъ, къ своемъ братъ старѣшемъ, к великомъ князю Иванъ, по любви, въ правдѣ, без всакиє хитрости.</p>	<p>ѿ на сем на всем, господине и брате стареишии, князь великии Иван Васильевич всеа Рѣси, и с своимъ сынъ, с великимъ княземъ Иваном, с <u>моимъ</u> братомъ стареишим, <u>целѣите</u> крестъ ко <u>мнѣ</u>, к своемъ братъ молодшемъ, ко князю Борисъ Васильвичю, по любви, в правдѣ, безо всакиє хитрости.</p>
	<p>В окончательной части, так как и в начальной, оба князя употребляют те же местоимения в аналогичных местах, что свидетельствует о том, что их референция разная. Каждый из князей велит другому «целовать крест» к себе, т. е. клясться в верности. Кроме того, в дискурс, как и ранее, включается сын Ивана Васильевича, поэтому меняется также число местоимений и личной формы глагола.</p>	
<p>datum:</p>	<p>ѿ писана лѣта девѣддесѣтъ четвертаго, авгѣста 20.</p>	<p>ѿ писана лѣта девѣддесѣтъ четвертаго, авгѣста въ 20.</p>
	<p>Внизу подпись. Смирены Героньти, митрополит всеа Рѣси.</p>	<p>Внизу подпись Смирены Героньти, митрополит всеа Рѣси. На обороте второй грамоты помета (почерком конца XV в.):</p>

		<p>КНЯЖА БОРИСОВА НОВАА, ЛѢТА 94, АВГУСТА 20.</p>
--	--	---

Вышеуказанный анализ позволяет сделать несколько выводов о способе обозначения участников дискурса во взаимной грамоте.

Прежде всего, подтверждается описываемая нами ранее большая регулярность в употреблении местоимений и личных форм глагола. В большинстве случаев форме 1 л. в одном варианте соответствует форма 2 л. в другом, и наоборот. Другая ситуация выступает главным образом в начальной и конечной частях документа.

Интересным представляются также два случая применения Борисом Васильевичем притяжательного местоимения ед. ч. по отношению к отцу князей. Минимальный контекст двух документов, составляющих взаимную грамоту, позволяет понять, что в этих случаях «отец» обозначает не столько родного отца, сколько сеньора. Факт, что в варианте Ивана Васильевича в аналогичных местах обнаруживаем местоимение мн. ч. показывает, что такое употребление нетипично.

Кроме форм только обозначающих участников дискурса, в тексте обнаруживаем формы непосредственно называющие их. Однако здесь выступает большая несимметричность. Намного чаще упоминается Иван Васильевич – как он сам, так и его брат часто употребляют местоимения, относящиеся к нему, вместе с титулом «князь великий», иногда также «брат старейший», а Борис Васильевич применяет форму «господин». Имя и титул Бориса Васильевича указаны, прежде всего, в начале и конце документа, в тексте они практически не упоминаются. Иван Васильевич обращается к Борису Васильевичу один раз словом «брате» (стоит обратить внимание на сохранение формы звательного падежа, характерной для диалогической речи; это подчеркивает факт, что документ является средством коммуникации между князьями). Титул «великие князья» сопутствует также формам множественного числа, обозначающим Ивана Васильевича и его сына Ивана.

Одновременно, факт упоминания Ивана Васильевича вызывает некоторые затруднения в сфере понимания референции форм множественного числа. Формы множественного числа могут в данной грамоте обозначать либо Бориса Васильевича и Ивана Васильевича, либо Бориса Васильевича, Ивана Васильевича и Ивана Ивановича, либо Ивана Васильевича и Ивана Ивановича; возможно также включение в дискурс других лиц. Если рядом с ними стоит фраза «великие князья», то их референция представляется однозначной – это Иван Васильевич и Иван Иванович.

Если такая формулировка отсутствует, то на их референцию должен указывать контекст, но, как описывалось в таблице, в некоторых фрагментах референция местоимений и личных форм глагола неоднозначна. Рассмотрим ближе употребление форм множественного числа во взаимных грамотах.

5.2 Формы множественного числа

5.2.1 Количество лиц, участвующих в коммуникации

Представленный в подразделе 4.2.4.1 перечень типов документов по преобладающему в них типу отношений показывает, что часть из грамот строится с точки зрения одного лица (о чем свидетельствует преобладание форм единственного числа в обоих вариантах; это грамоты №№ 30, 35, 36, 38, 45, 55, 56, 58, 64, 67, 84), а некоторые с точки зрения многих лиц (о чем свидетельствует преобладание форм типа Б2, где формам 1 л. мн. ч. в одном варианте соответствуют формы 2 л. мн. ч. в другом; это грамоты №№ 24, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 81, 82, 90, 101). Редко преобладают тождественные формы множественного числа в обоих вариантах (грамоты №№ 59 и 63 – обе составлены от имени великих князей). В грамоте № 52 в начальном формуляре преобладают формы типа Б2, а в диспозитивной части – Б1.

Такое распределение по преобладающим грамматическим формам в какой-то степени соответствует ситуации, выраженной на лексическом уровне. В некоторых грамотах в *inscriptio* и *intitulatio* упоминаются только два князя, а в некоторых и другие лица (это, обычно, братья великого князя, иногда и удельного князя). В первой ситуации, в 6 из 7 случаев в целом документе преобладают формы единственного числа, во второй – в 12 из 17 преобладают формы множественного числа. В грамоте № 52, в которой упоминаются другие лица в начале документа, формы мн. ч. появляются в начальном и конечном протоколах. Ниже рассмотрим те документы, в которых выступают нерегулярные формы.

В грамоте № 90 преобладают формы мн. ч., хотя в начальном протоколе почти всегда упоминаются лишь великий князь Василий Иванович и князь Юрий Иванович. Однако во фрагменте *быти* упоминаются их дети и в нем же впервые применяются формы мн. ч.:

И быти ти со мною, с великим княземъ, и с <u>моими дѣтми</u> вездѣ заѡднѣ, и до живота, на всякого <u>нашего</u> недрѡга, и съ <u>нашими</u> дѣтми, и <u>твоимъ дѣтѣмъ</u>.	И быти ми с тобою, с великим княземъ, и с <u>твоими дѣтми</u> вездѣ заѡдинѣ, и до живота, на всякого <u>вашего</u> недрѡга, и с <u>твоими</u> дѣтми, и <u>моимъ дѣтѣмъ</u>.
--	--

Поэтому употребляемые далее формы мн. ч. относятся к названным в этой части лицам.

В остальных 5 нетипичных грамотах сначала, кроме самих князей, упоминаются и другие лица, но они редко выступают как стороны договора, поэтому в этих документах форм множественного числа малочисленны. Их обнаруживаем в следующих статьях отдельных грамот:

- № 30: канчивати, отчина, бояры, казна;
- № 36: жити, суды 2;
- № 45 быти, канчивати, держати, всести на конь, даншики, суды потягли;
- № 56: быти, канчивати;
- № 58: быти, канчивати, держати, вудел, бояры.

Если сравнить вышеуказанные данные с документами, в статьях которых преобладает совместное употребление форм типа Б1 и Б2, то как повторяющиеся можно выделить 2 статьи: *канчивати* и *держати*. Употребление форм мн. ч. в остальных статьях нерегулярно и нельзя выделить типичные способы их применения. Можно лишь отметить рост их употребительности со временем: в более поздних грамотах находим больше форм мн. ч., чем в написанных раньше. Например, грамоты №№ 76, 81 и 82 от конца XV в. почти полностью написаны с употреблением форм мн. ч.

Как упоминалось нами раньше, формы мн. ч. вызывают иногда затруднения, связанные с идентификацией лиц, на которых указывают. Кроме того, сравнивая два варианта грамот, можно обнаружить и другие нетипичные формы. Рассмотрим их ниже, разделяя на категории.

а. несоответствие форм в двух вариантах:

Формы, которые определяем как нерегулярные, могут быть связаны с несоответствием форм в обоих вариантах. Под «несоответствием» понимаем то, что их референция разная (что случается крайне редко, принимая во внимание, что большинство форм, обозначающих участников дискурса, строится по типу Б), но не «взаимная», т. е. не построенная по типу А. На лексическом уровне это выражается обычно употреблением форм разных чисел или 3 л. в одном из вариантов.

- несоответствие чисел и лиц

№ 30:

В розмирьи	и что са оучинило в НАШЕМ	и что оучинило в НАШЕМ	А2,
------------	----------------------------------	-------------------------------	-----

	розмирьи, что поимана твоя казна, великого князя, и твоее матери, великие княгини, или поклажаи <u>ваши</u> , или богаръ твоих поклажеи, или инатцов твоих поклажеи, или что будет мена того дошло, и мнѣ то отъдати по сему целованью.	розмирье, что поимана моя казна, великого князя, и моее матери, великые княгини, или поклажее <u>наши</u> , или богаръ моих поклажее, или инатцов моих поклажее, или что будет твоя того дошло, и тебе то отъдати по сему целованию.	B21
--	---	--	-----

Формы ед. ч. в данном фрагменте не вызывают затруднений, все строятся по типу Б и их референция очевидная. Зато употребление притяжательных местоимений мн. ч., относящихся к словам *размирье* (нарушение мира) и *поклажи* (товар, сокровища), не так однозначно. Прежде всего, в варианте б) два раза употребляется слово *наши*, и в тексте никак не обозначается, что лица, к которым относится это местоимение, разные. Однако сравнивая аналогичные фрагменты в варианте а) видим, что в нем *размирье* определяется как *наше*, а *поклажаи* как *ваши*, поэтому *размирье* можно отнести к обоим князьям (что понятно по минимальному контексту двух вариантов данной взаимной грамоты – князья пишут о споре между собой), а в случае *полажеи* это невозможно. Описываемые предметы принадлежат князю Юрию Дмитриевичу (от имени которого пишется вариант б)) и его матери, о чем свидетельствует упоминание о ней в предшествующей фразе, но не Василию Васильевичу – автору варианта а). Этот факт, однако, в тексте эксплицитно не обозначен. Похожие ситуации обнаруживаются чаще в разных взаимных грамотах:

№ 69:

Орда	И Орды, брате, вѣдати и знати <u>нам</u> , великим князем. И тебе Орды не знати. И вьход ти мнѣ давати по томъ, как еси давал мнѣ после отца <u>моего</u> , великого князя, доколе <u>опишемса</u> , но доуховнои грамотѣ отца своего. И как <u>опишем</u> свои отчины, и тебе мнѣ давати по той описи. И коли, брате, гдъ в Орды не дам, и мнѣ и ѿ твоя не взати.	И Орды, господине, вѣдати и знати <u>вам</u> , великим княземъ. И мнѣ Орды не знати. И в вьход ми давати тебе по томъ, как есмь давал тебе после отца <u>нашего</u> , великого князя, доколе <u>опишемса</u> , по доуховнои грамоте отца своего. И как <u>опишем</u> свои отчины, и мнѣ тебе давати по той описи. И коли, господине, князь велики, ты в Орды не дашь, и тебе и ѿ мена не взати.	B2, A2, B3,
------	---	--	-------------------

В данном фрагменте обнаруживаются некоторые неясности. Во-первых, личное местоимение мн.ч. в варианте а) употреблено в 1 л., зато в варианте б) – во 2 л. Однако глагол *описать(ся)* в обоих вариантах применяется в 1 л. мн. ч., что показывает, что референция лица меняется. В глаголе оно указывает на князей, пишущих грамоту, в местоимении – на великого князя и его сына. Эта разница понятна благодаря контексту обеих грамот и значению выражений, к которым относятся формы, указывающие на лиц.

Во-вторых, в варианте б) притяжательное местоимение *наш* употребляется, определяя *отца*. Отцом обеих князей был Василий Темный, поэтому местоимение несомненно относится к ним, но в варианте а) в соответствующем месте применяется местоимение 1 л. ед. ч. *мой*. Можно предположить, что разница вытекает из желания подчеркнуть Иваном Васильевичем (великим князем) иерархические связи, существующие, между упоминаемыми лицами. Он пишет об отце не столько как о родителе, сколько о сеньоре, стоящем в иерархии выше него. Такое различие между вариантами наблюдается в ранее описанной грамоте № 81 и обнаруживается также в других грамотах:

№ 70:

Имети	Имѣти ти мене , великого княза, собѣ братом старѣшимъ. и сына моего , великого княза Ивана, имѣти ти собѣ братом старѣшим. и нам , великим княземъ, имѣти тоба собѣ братом младшим.	Имѣти вам мена , господине, собѣ братом младчимъ. и мнѣ , господине, имѣти тоба , своего господина, великого княза, братом старѣшимъ. и сына твоего , великого княза Ивана, имѣти ми собѣ братом старѣшимъ .	B2, B1
держати	и нам , великим княземъ, тоба жаловати и держати въ братствѣ, и в любви, и во чти, без обиды, и печаловатиса тобою и твоею отчиною.	и вам , великим княземъ, мена жаловати, и держати в братствѣ, и в любви, и во чти, без обиды, и печаловатиса вам мною и моею отчиною.	B2, B1, B0

удел	И что, брате, был оудѣл брата моего , княж Юрьев Васильевича, в Москвѣ треть княжа Володимеровскага Ондрѣевича с тобою, с моим братом, по половинам, а	И что, господине, был сдѣл брата нашого , княж Юрьевъ Васильевича, в Москвѣ треть княжа Володимеровскага Ондрѣевича , со мною по половинам, а держати нам по	B3, A2, B1
------	--	---	------------------

	держати вам по годом, и год княж Костантиновской Дмитреевича (...).	годом, и год княжъ Костантиновской Дмитреевича (...).	
благословил 2	И чѣмъ, брате, тебе благословила отецъ <u>мои</u> , князь велики, третью в Москвѣ княжею Володимеровскою, съ старѣишим твоимъ братомъ, со княземъ съ Юрьемъ, по половинамъ, а держати вам по годом, и тебе, брате, та треть держати с нами, с великими князми, по половинамъ, по доуховно грамоте отца нашего.	И чѣмъ, господине, мене благословилъ отецъ <u>нашъ</u> , князь велики, третью в Москвѣ, княжою Володимеровскою, с старѣишымъ моимъ братомъ, со княземъ съ Юрьемъ, по половинамъ, а держати нам по годом, и мнѣ, господине, та треть держати с вами, с великими князьми, по половинамъ, по доуховно и грамоте отца нашего.	B1, B3, B2
благословил 3	И чѣмъ благословила тебе отецъ <u>наш</u> , князь велики, городы Углечемъ, Бѣжицкимъ Верхомъ, Звенигородомъ, и с волостями, и з селы, и чѣмъ тебе благословила баба <u>наша</u> , великаа княгини Софиа, Вѣшельсомъ, и въ своей доуховно грамоте отецъ <u>наш</u> , князь велики, то тебе написал, и что, брате, пожаловала тебе мати <u>моа</u> , великаа княгини, своею кѣплею Романовымъ городкомъ, да Усть-Шокъсны, что кѣпила оу княза њ семена и њ княза њ Василья оу Шехонскихъ, и того мнѣ, великомѣ князю, и моемѣ сынѣ, великомѣ князю, под тобою и под твоими дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстѣпатиса.	И чѣмъ благословилъ мене отецъ <u>наш</u> , князь велики, городы Углечемъ, Бѣжытцскимъ Верхомъ, Звенигородомъ, и с волостми и селы, и чѣмъ ма благословила баба <u>наша</u> , великаа княгини Софѣа, Вѣшельсомъ и в своей доуховно грамотѣ отецъ <u>наш</u> , князь велики, то мнѣ написал, и что, господине, пожаловала мене мати <u>моа</u> , великаа княгини, своею кѣплею Романовымъ городкомъ, да Усть-Шохсны, что кѣпила њ княза њ семена и њ княза њ Василья њ Шехонскихъ, и того тебе, великомѣ князю, и твоемѣ сынѣ, великомѣ князю, под мною и под моими дѣтми блюсти, и не обидети, ни вѣстѣпатиса.	B1, B2, B3

В этом отрывке из грамоты № 70 (между двумя, указанными выше, частями выступает еще статья *благословил 1*, в которой нет нерегулярных форм), состоящем из нескольких статей, обнаруживаем много нетипичных употреблений местоимений. В статье *имѣти* мнимое полное несоответствие форм, называющих участников дискурса, вытекает из измененной структуры – в двух вариантах отдельные предложения выступают в разной последовательности, но, сопоставляя их, замечаем, что они строятся по регулярному типу Б. В *держати* в варианте а) отсутствует соответствие личного местоимения мн. ч. из варианта б).

В *благословил 2* не соответствуют друг другу притяжательные местоимения, определяющие отца, что можно объяснить – как и в вышеуказанном случае в грамоте № 69 – тем, что в варианте а) отец упоминается скорее как сеньор, у которого было право наделять землями, а в варианте б) как родитель обоих князей. Однако такое употребление притяжательных местоимений встречается редко, что подчеркивает тот факт, что в статье *благословил 3* тот же *отец* определяется в обоих вариантах местоимением 1 л. мн. ч., так же, как и *баба*. В свою очередь, *мати* оба князя описывают, употребляя местоимение 1 л. ед. ч., что нельзя объяснить соблюдением порядка подчиненности. Такого типа нерегулярность обнаруживаем исключительно в этом документе.

№ 73:

села	<p>И сел ти в <u>НАШЕЙ</u> отчинѣ, в великом княженѣ, и во всей <u>НАШЕЙ</u> отчинѣ, не кспити, ни держати, ни закладней не держати. И <u>НАМЪ</u>, великим князем, в <u>ТВОЕЙ</u> отчинѣ сел не кспити, ни держати, ни закладней не держати.</p>	<p>И сел ми въ <u>ТВОЕЙ</u> отчинѣ, в великом княженѣ, и во всей <u>ВАШЕЙ</u> отчинѣ не кспити, ни держати, ни закладней не держати. И <u>ВАМ</u>, великим князем, в <u>МОЕЙ</u> отчинѣ сел не кспити, ни держати, ни закладней держати.</p>	<p>B1, B3, B2</p>
Орда	<p>И Орды, брате, вѣдати и знати <u>НАМ</u>, великим княземъ. И <u>ТОБѣ</u> Орды не знати. И въ вѣход <u>ТИ</u> <u>МНѣ</u> давати, в тысячу рѣблев, шестьдесят рѣблев с рѣблем да десять алтын с денгою, доколѣ <u>ОПИШЕМСА</u>, по отца <u>НАШЕГО</u> доуховной грамотѣ. И как <u>ОПИШЕМ</u> свои отчингы, и <u>ТОБѣ</u> <u>МНѣ</u> давати по той описи. И коли, брате, <u>ЯЗ</u> в Орды не <u>ДАМ</u>, и <u>МНѣ</u> и <u>ТОВА</u> не взати.</p>	<p>И Орды, господине, вѣдати и знати <u>ВАМ</u>, великим князем. И <u>МНѣ</u> Орды не знати. И въ вѣход <u>МИ</u>, господине, <u>ВАМ</u> давати, в тысячу рѣблев, шестьдесят рѣблев с рѣблем да десять алтын с денгою, доколѣ <u>ОПИШЕМСА</u>, по отца <u>НАШЕГО</u> доуховной грамотѣ. И как <u>ОПИШЕМ</u> свои отчингы, и <u>МНѣ</u> <u>ТОБѣ</u> давати по той описи. И коли, господине, князь велики, <u>ТЫ</u> в Орды не <u>ДАШЬ</u>, и <u>ТОБѣ</u> и <u>МЕНА</u> не взати</p>	<p>B2, B1, A2, B4,</p>

Данный фрагмент показывает часто меняющуюся точку зрения в обоих вариантах. В грамоте № 73 в. кн. Иван Васильевич упоминает своего сына, в. кн. Ивана и обращается к своему брату кн. Борису Васильевичу. Поэтому формы мн. ч. могут называть как великих князей, так и обоих братьев. В статье *села* в варианте а) два раза применяется притяжательное местоимение 1 л. мн. ч. по отношению к слову *отчина*

(земля, данная отцом), но в варианте б) оно имеет два разных соответствия – в мн. и в ед. ч., но всегда во 2 л. В варианте б) *отчина* – великое княженъе определяется как принадлежащая исключительно в. кн. Ивану Васильевичу, зато *вся отчина* как принадлежащая ему и его сыну – великим князьям. В варианте а) такого распределения нет. В обоих вариантах *отчина* кн. Бориса определяется местоимением мн. ч.

В следующей статье в варианте а) продолжают часто применяться формы 1 л. мн. ч., но их референция меняется. В начале: «*Орды... знати нам*» великий князь пишет о себе и своем сыне; зато в глаголе *опишем* и местоимении *наш отец* лицо называет его и брата. Как в ранее указываемых примерах, эти изменения в референции никак не обозначены в тексте. Их разная референция понимается благодаря внеязыковому контексту и значениям описываемых явлений, а также жанровому контексту – типичному употреблению этих формул в других взаимных грамотах. Стоит также отметить, что при выражении *давати в выход* в. кн. Иван применяет форму ед. ч. *мнѣ* (относясь только к себе), в то время как кн. Борисом употребляется форма мн. ч. *вам* – им включается в дискурс сын Иван.

№ 82:

Имети	Имѣти ти МЕНА , великого князя, собѣ братом старейшимъ. ѿ сына МОЕГО , великого князя Ивана, имѣти ти собѣ братом старейшим. ѿ НАМЪ , великим княземъ, имѣти ТОВА собѣ братом младшимъ.	Имѣти ВАМ , господине, МЕНА собѣ братом младшим. ѿ МНѣ , господине, имѣти ТОВА , своего господина, великого князя, братом старейшим. ѿ сына ТВОЕГО , великого князя Ивана, имѣти МИ собѣ братом старейшим.	Б1, Б2
-------	---	--	-----------

Здесь мнимые различия в употреблении местоимений вытекают из измененной структуры целой статьи.

№ 90:

БЫТИ	И БЫТИ ти со мною, с великим княземъ, и с моими дѣтми вездѣ заѡдинѣ, и до живота, на всякого НАШЕГО недрѡга, и съ НАШИМИ дѣтми, и твоим дѣтем.	И БЫТИ ми с тобою, с великим княземъ, и с твоими дѣтми вездѣ заѡдинѣ, и до живота, на всякого ВАШЕГО недрѡга, и с ТВОИМИ дѣтми, и моимъ дѣтемъ.	В1, В2, В4
------	---	--	------------------

В данном отрывке из грамоты № 90 в двух вариантах по-другому определяются *дети* – в. кн. Василий Иванович, употребляя местоимение мн. ч., пишет о детях своих и своих детей. Кн. Юрий Иванович, применяя местоимение ед. ч., относится только к детям великого князя, несмотря на то, что ранее употреблено местоимение мн. ч. по отношению к *недругу*, которое, однако, можно толковать как обозначающее великого князя и его детей. Однако сравнивая данный фрагмент с началом статьи видим, что окончание варианта а) нетипичное, так как в начале сохранена оппозиция я / мои дети – ты / твои дети. Похожее различие обнаруживаем и в дальнейшем отрывке грамоты.

Орда	<p>И Орды вѣдати и знати мнѣ, великомꙋ князю. И тебе Орды не знати. И въ вѣходы ти в ординские, и в Крым, и в Исторохань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в-ыные цари и во царевичи, которые бѣдѣт ꙗко мена в землѣ, или ꙗко моего сына, ꙗко великого князя, и во все татарские проторы давати ти мнѣ и моемꙋ сынꙋ, великомꙋ князю, со всеѣ своеи отчины по томꙋ, как отецъ наш, князь велики, въ своеи дꙋховной грамотѣ написалъ. И коли <u>мы</u> в вѣходы в ординские и в татарские проторы не <u>дадимъ</u>, и <u>намъ</u> и ꙗко тебе не <u>взати</u>.</p>	<p>И Орды, господине, вѣдати и знати тебе, великомꙋ князю. И мнѣ Орды не знати. И въ вѣходы ми, господине, в ординские, и въ Крымъ, и в Исторокань, и в Казань, и во Царевичевъ городок, и в-ыные цари и въ царевичи, которые бѣдѣт оу тебе в землѣ, или ꙗко твоего сына, ꙗко великого князя, и во все татарские проторы давати ми тебе и твоемꙋ сынꙋ, великомꙋ князю, со всеѣ моеи отчины по томꙋ, как отецъ нашъ, князь велики, въ своеи дꙋховной грамотѣ написалъ. И коли, господине, въ вѣходы в ординские и в татарские проторы не <u>дашь</u>, и <u>тебѣ</u> и ꙗко мена не <u>взати</u>.</p>	В1, А2, В4
------	--	--	------------

Здесь в целом фрагменте упоминается великий князь и его дети и в конце варианта а) глагол и личное местоимение употреблены в мн. ч. Однако в варианте б) в аналогичных местах обнаруживается ед. ч. Причину, по которой великий князь включает своего сына в дискурс, а князь Юрий Иванович этого не делает, нельзя определить, относясь к информации, которой мы располагаем в тексте. Однако сам факт такого различия показывает живой процесс коммуникации, отраженный в обоих вариантах грамоты, которые не являются просто своими копиями даже на уровне обозначения участников дискурса.

№ 101:

держати	<p>И мена ти, великого княза, и моего сына Ивана, и наших дѣтей, и нашъ великие княжства, Володимѣрское, Московское, и Новгородское, и Псковское, и Смоленское, и Тверское, чѣмъ благословил мена отецъ нашъ, князь великий, по томъ, какъ мнѣ въ своей дѣховной грамоте написал, и что мнѣ богъ дал, держати честно и грозно, безъ обиды.</p>	<p>И тоба ми, господине, великого княза, и твои великие княжства Володимѣрское, и Московское, и Новгородское, и Псковское, Смоленское, Тверское, чѣмъ, господине, благословил тоба отецъ нашъ, князь великий, по томъ, какъ тобѣ въ своей дѣховной грамоте писал, и что тобѣ дал богъ, держати честно и грозно, безъ обиды.</p>	B1, A2, B4
---------	--	---	------------

Различия в указанном выше фрагменте вытекают в первую очередь из того, что в варианте б) не упоминается сын великого князя, Иван. Поэтому и в нем пишется о *великих княжествах* исключительно великого князя. Зато далее выделенное притяжательное местоимение 1 л. мн. ч. показывает, что его референцией являются оба князя, пишущие грамоту, а не великий князь и его сын. Несмотря на это, такое изменение референции в варианте а) никак в тексте не обозначается.

№ 35:

суды	<p>И что будут на мои люди, которые мнѣ служат, пени старые или соуды, и кто от соудовъ, и от пень, и от пороукъ оутеклъ, или межы насъ в наше нелюбье люди ваших и наших соуды, и войны, и грабежи, и томуо всемоу дерть по наше первое докончаше.</p>	<p>И што будет на твои люди, которые тобѣ служат, пени старьи или соуды, и хто отъ соудов, и отъ пень, и отъ пороук оутеклъ, или межы нас в наше нелюбье люди нашыхъ и вашихъ соуды, и войны, и грабежы, и томуо всемоу дерть по наше первое докончанье .</p>	B1, B2, A2
------	---	---	------------

Референция притяжательного местоимения *наши* по отношению к *людям* в варианте б) другая, чем всех остальных употреблений местоимений 1 л. мн. ч. в этом фрагменте. То же касается местоимения *наши* по отношению к *судам* в варианте а). Это следующий пример, который показывает, что пишущие грамоты относятся ко внеязыковому контексту и жанровому контексту, так как изменения в референции непонятны без дополнительной информации, не находящейся в тексте.

№ 84:

Дворы, города	<p>И что <u>есма</u>, брате, отдѣлили тебѣ княженеискихъ дворовъ в городе, и посад, и мелници (...).</p> <p>И что дворы в городе в Переяслави, кѣпла матери <u>нашеи</u>, великие княгини, и в тѣхъ дворѣхъ матери <u>нашой</u> вола.</p>	<p>И что <u>есте</u>, господине, отдѣлили мнѣ княженеискихъ дворовъ в городѣ, и посад, и мелници (...).</p> <p>И что в городѣ в Переяслави дворы, кѣпла матери <u>наше</u>, великие княгини, и в тѣхъ дворѣхъ матери <u>нашей</u> вола.</p>	B2, B1, A2
---------------	--	--	------------

Изменения в референции, не обозначенные эксплицитно в тексте, но понятные благодаря внеязыковому контексту, могут также касаться личных форм глагола. В начале вышеприведенного фрагмента в варианте а) имеется форма 1 л. мн. ч. *есма*, которой соответствует форма 2 л. мн. ч. *есте* в варианте б). Однако в конце этой статьи в обоих вариантах применяются формы 1 л. мн. ч. в притяжательных местоимениях, относящихся к матери обоих князей.

№ 30:

жити	<p>И жити <u>ти</u> в Москвѣ со <u>мною</u> и с моимъ сыномъ, со княземъ з Дмитриемъ, какъ есмь жилъ съ твоимъ отцомъ, с великимъ княземъ, а съ своимъ братомъ.</p>	<p>И жити <u>нам</u> в Москвѣ с <u>тобою</u> и с твоимъ сыномъ, с княземъ Дмитреемъ Меншимъ, какъ еси жилъ с моимъ отцемъ, с великимъ княземъ, а съ своимъ братомъ.</p>	B1, A1, A3
------	--	--	------------

В этом фрагменте на внимание заслуживают начальные конструкции: «*А жити ти в Москве со мною*» – «*А жити нам в Москве с тобою*», в которых первые формы местоимения отличаются числом. Все остальные формы применяются в ед. ч. Похожая ситуация наблюдается в дальнейшей части документа:

платил в Орде	<p>И что еси платил в Ордѣ за мою отчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о томъ <u>ми с тобою</u> розчестиса, и чего са не оточтоушь, и мне то тебе поднати те выходы.</p>	<p>И что есмь платил в Ордѣ за твою вотчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о томъ <u>намъ с тобою</u> розчестиса, и чего са не оточтешъ, и тебѣ то мнѣ поднати те выходы.</p>	B1, A1, A3
---------------	--	--	------------

Начало указанного фрагмента строится по типу Б в ед. ч., после чего применяются формы «*ми с тобою*» – «*нам с тобою*», отличающиеся числом, а потом опять формы типа Б в ед. ч. Стоит отметить, что непосредственно перед этим

фрагментом в варианте б) не применяются формы мн. ч., к которым можно бы отнести слово *нам*. Его употребление в обеих статьях может быть синонимично с выражением «*ми/ти с тобою*» из варианта а), и тогда данная разница имела бы исключительно морфологический характер.

№ 45:

суды	ѿ што, брата, которъи соуды потагли к городоу и з <u>моиѹ</u> волостей и изъ твоиѹ при моем дѣде, при великом князи, и при моем отцѣ, при великом князи, и тѣ соуды соудат <u>нашы</u> намѣстники, какъ бѣвало переже сего.	ѿ што, господине, которъи соуды потагли к городоу и з <u>вашиѹ</u> волостей и изъ моиѹ при твоем дѣде, при великом князи, и при твоем отци, при великом князи, и те соуды соудат <u>наши</u> намѣстники потомоу же, какъ бѣвало переже сего.	B1, B3, B2
слуги потягли	ѿ которъи слоуги потагли къ дворьскомоу, а чернъи люди к сотьскомоу при моем отцѣ, при великом князи, и <u>товѣ</u> тѣхъ не примати. ѿ такъ же и мнѣ тѣхъ не примати.	ѿ которъи слоуги потагли к дворьскомоу, а чернъи люди к сотьскомоу при твоем отци, при великом князи, и <u>вамъ</u> тѣхъ не примати. Такъ же и мнѣ тѣхъ не примати.	B1, A3, A1

В грамоте № 45 уже в *inscriptio* упоминаются в варианте а) в. кн. Василий Васильевич и его дети, поэтому формы местоимений мн. ч. можно обычно отнести к ним. Например, в статье *быти* в варианте а) читаем: «*А быти ти с нами заодин*», что соответствует «*А быти ми с вами заодин*» в варианте б), хотя в целом документе решительно преобладают формы ед. ч. Однако в двух, выступающих одна после другой, статьях, формы местоимений в обоих вариантах разные. В *суды* великий князь определяет *волости* как свои словом «мои», зато в варианте б) они описаны местоимением в мн. ч. «ваши».

В статье *слуги потягли* зато, имеется немного другая ситуация, так как необычное употребление местоимений касается фрагмента, построенного по типу А. В нем Василий Ярославич опять употребляет форму мн. ч. 2 л., включая здесь в дискурс и детей Василия Васильевича. Это удивительно потому, что сам великий князь пишет о себе в ед. ч. Кроме того, такие различия выступают только в названных двух статьях, а формы мн. ч. вообще редко употребляются в этом документе.

№ 56:

добро	<p>И что ВЫ слышев о НАШЕМ добрѣ или о лицѣ о м крестыанина или о м иновѣрца, и то ВЫ НАМ повѣдати в правдоу, без примышленья.</p>	<p>И что МИ, господине, слышевѣ о ВАШЕМ добрѣ и о лицѣ, и то НАМ, господине, поведати ВАМ в правдоу, без примышленья.</p>	В3, А1, В1
-------	--	---	------------

И в этом фрагменте обнаруживаем необычное несоответствие чисел в формах местоимений, так как только один раз в варианте б) применяется форма ед. ч. *ми*, несмотря на то, что дальше то же предложение содержит форму мн. ч. *нам*, соответствующую формам мн. ч. в варианте б). Это позволяет зачислить данный пример к нерегулярным формам, которые могут являться результатом ошибки при составлении документа.

№ 58:

удел	<p>И въ оудѣл МИ в ТВОИ данщиков своих не слати, ни приставов не всылати, ни грамот давати, ни закладней и оброчников ми не держати. Так же мнѣ, великому князю, и моеи великои княгинѣ и моим дѣтем в твоём ДЕЛѣ селѣ не держати. И богаром НАШИМ без вашего вѣданья въ твоём оуделѣ селѣ не коупити. И тебѣ, брате, в мою отчиноу, в великое княженье, и моих дѣтей, так же данщиковъ своих не слати, ни приставов не всылати, ни грамот давати, ни закладней и оброчников не держати. Так же ВАМ в моеи вотчинѣ, в великом княженьи, и твоєи княгинѣ, и твоим дѣтем селѣ не держати. И богаром твоим без нашего вѣданья так же селѣ не коупити в моеи отчинѣ, в великом княженьи.</p>	<p>И въ оудѣлѣ ТИ, господине, въ МОИ данщиков своих не слати, ни приставов своих не всылати, ни грамот, господине, не давати, ни закладней ти, ни оброчников не держати, ни сел ти, господине, в моем оудѣлѣ не держати, ни твоєи великои княгини, ни твоим дѣтем. И богаром ТВОИМ без нашего вѣдания сел не коупити въ моем оуделѣ. И мнѣ, господине, въ твою вотчиноу, въ великое княжение, и въ твоих дѣтей так же, господине, данщиков своих не слати, ни приставов МИ своих не всылати, ни грамот МИ не давати, ни закладней МИ, ни оброчников не держати. Так же МИ, господине, ни сел не держати, ни моеи княгини, ни моим дѣтем въ твоєи вотчинѣ, въ великом княжении. И богаром моим, господине, без вашего вѣданья сел не коупити въ твоєи вотчинѣ, въ великом княженьи.</p>	В1, В2, В4
------	---	---	------------

В грамоте № 58 упоминаются в. кн. Василий Васильевич, кн. Василий Ярославич и их дети, поэтому есть фрагменты, в которых в обоих вариантах применяются местоимения мн. ч. (что видно в конце вышеуказанной статьи: «*без нашего вѣдания*» – «*без вашего вѣдания*»). Однако в части, посвященной боярам, *бояры* определяются в варианте а) местоимением мн. ч., а в варианте б) местоимением ед. ч. Похожая ситуация имеется дальше, при упоминании сел в вотчинах, но там местоимение мн. ч. применено в варианте а), а ед. ч. – в варианте б). Оба нетипичных употребления нельзя объяснить значением, вытекающим из контекста, и такого типа разницы не повторяются в целом документе.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что в варианте б) много раз употребляется форма *ми*, которая не имеет никакого соответствия в варианте а). Больше таких примеров приведем в дальнейшей части.

№ 84:

прислати на лихо	ѿ что к тебе ꙗзичет присылати на НАШЕ лихо, и тебе то НАМ повѣдати в правдѣ, без хитрости.	ѿ кто, гослодине, ꙗзичет ко мнѣ присылати на НАШЕ лихо, и мнѣ ТЕБѣ то повѣдати въ правдѣ, без хитрости.	A2, B1, B4
------------------	---	--	------------

И здесь форме мн. ч. в варианте а) *нам* соответствует форма ед. ч. *мнѣ* в варианте б). Обоим словам предшествует притяжательное местоимение *наше*, относящееся, скорее всего, к обоим князьям, а не к другим лицам. Перед этим фрагментом и после него не применяется больше форм мн. ч., а только упоминаются другие лица (братья и сыновья князей). Поэтому употребление формы мн. ч. в варианте а) нерегулярно и может вытекать из ошибочного употребления.

Указанные выше нетипичные употребления местоимений хорошо отражены также в грамоте № 84:

мордва 1	ѿ что НАШИ люди деленъи ловчане, и они свои мѣста и оухожан вѣдают по старине (...).	ѿ что ТВОИ люди деленъи ловчане, и они свои мѣста и ꙗхожан вѣдают по старинѣ (...).	B1, B4
монастырские села	ѿ что дом великиѹ моченик Бориса и Глѣба, и отца НАШЕГО Семѣона владыки в НАШЕЙ отчинѣ, и	ѿ что дом великиѹ моченик Бориса и Глѣба, и отца НАШЕГО Семѣона владыки въ ТВОЕЙ отчинѣ,	A2, B4, B1

	ВОЛОСТИ, И СЕЛА, И ЗЕМЛИ БОРНЬЕ (...).	ВОЛОСТИ, И СЕЛА, И ЗЕМЛИ БОРНЬИ (...).	
--	---	---	--

В варианте а) три раза применяется форма притяжательного местоимения 1 л. мн. ч. В варианте б) один раз применяется такая же форма, по отношению к «отцу Семиону». Здесь слово «наш» значит «мой и твой». Однако двум остальным примерам соответствует форма 2 л. ед. ч., свидетельствующая о том, что референция местоимений в варианте а) разная, что в нем же никак не обозначается. Кроме того, «люди» и «отчина» определяются в обоих вариантах словами, которые по-разному определяют их принадлежность.

– употребление 3 л. в одном из вариантов

Фрагменты грамот, в которых применяются местоимения в 3 л., соответствующие 1 или 2 л. в другом варианте, редки, как и употребления местоимений 3 л. в целом. Они всегда касаются семейных отношений князей. Их употребление может быть вполне регулярным, как в нижеприведенном отрывке грамоты № 56:

имети	И имѣти ти собѣ мене, великого княза, братом старейшим. Я моих дѣтей, великого княза Ивана и княза Юрья, и менших моих дѣтей так же имѣти <u>ти</u> <u>их</u> собѣ братьею старейшею.	Имѣти ти себѣ, господине, князь великий, мене братом младшим. Я дѣтем твоим, господине, великому князю Ивану и князю Юрью, и младшим твоим дѣтем имѣти <u>имъ</u> <u>мене</u> , господине, себѣ так же братом младшимъ.	В1, А1, В
-------	---	---	--------------

Среди других описаний отношений между князьями и их детьми, имеется также описание, определяющее отношение между князем Василием Ярославичем и детьми великого князя Василия Васильевича. Оно строится по типу Б, поэтому, сравнивая оба варианта, обнаруживаем следующие эквиваленты: 2 л. ед. ч. – 3 л. мн. ч.; 3 л. мн. ч. – 1 л. ед. ч., что вполне регулярно. Другие примеры употребления форм 3 л. обнаруживаем также в статье *имети*.

№ 76:

имети	Имѣти ти мене, великого княза, себѣ братом	Имѣти ти, господине, мене себѣ братом младшимъ. И	А1, В1, В,
-------	--	---	---------------

	старѣишим. И моего сына, великого князя, имѣти <u>ти его</u> себѣ братом старѣишим. И брата нашего молодшего, князя Андрѣя, имѣти <u>ти его</u> себѣ братом. И брата нашего молодшего, князя Бориса, и меншево нашего брата, князя Михаила, и сына его, князя Василья, имѣти <u>ти</u> себѣ братьею молодшею.	твоемоу сыноу, великомѣ князю Иванѣ, имѣти <u>емоу мена</u> себѣ братом молодшим. И братоу вашоמוу молодшомоу, князю Андрѣю Васильевичю, имѣти <u>емоу мена</u> себѣ братом. И братѣ вашоמוу молодшомоу, князю Борисоу Васильевичю, и меншомоу вашомѣ братѣ, князю Михаилоу Андрѣевичю, и его сыноу, князю Василью, имѣти <u>имѣ мена</u> себѣ братом стареишим.	В2
--	---	--	----

В вышеуказанном отрывке две первые выделенные формы имеют свои эквиваленты в обоих вариантах, в то время как последняя форма местоимения мн. ч. применяется только в варианте б).

№ 30:

имети	Имети ми тобѣ, князя, себе братом стареишим. И братоу нашему молодшемоу, князю Костантиноу Дмитриевичю, имѣти <u>емоу мена</u> себе братом стареишим. И князю Иваноу да князю Михаилоу Андреевичем имѣти <u>им мена</u> себѣ дадею. И князю Василью Йрославию имѣти <u>емоу мена</u> себѣ дадею жо.	Имѣти ти мене, князя великого, себѣ братом старѣишим. И брата нашего молодшого, князя Костантина Дмитриевича, имѣти <u>ти</u> себѣ братом молодшим. И князя Ивана да князя Михаила Андреевичев, имѣти <u>ти</u> себѣ братаничи. И князя Василья Йрославича имѣти <u>ти</u> себѣ братаничем жо.	В
-------	---	--	---

В указанном фрагменте в варианте а) три раза применяются местоимения 3 л., которые не имеют соответствия в варианте б). В нем князья именуются с помощью личных собственных имен.

№ 55:

жити	И жити ми, господине, с тобою, с великим княземъ, в Москвѣ по доушевнои грамотѣ дѣда <u>нашего</u> , великого князя Дмитриа Ивановича.	И жити мнѣ, великомѣ князю, с тобою, съ своим братом молодшим, в Москвѣ по дѣда <u>его грамотѣ и дѣда своего</u> , великого князя Дмитриа Ивановича.	А1, В
------	--	--	-------

Вышеприведенный отрывок очень необычный. В нем местоимению в 1 л. мн. ч. соответствует конструкция, в которой существительное *дѣд* повторяется, и один раз определяется местоимением 3 л., а другой раз – 1 л. ед. ч. В обоих вариантах, конечно, пишется об одном и том же – эксплицитно названном – лице, князе Дмитрие Ивановиче. Конструкция в варианте б) в какой-то степени напоминает вышеупомянутые нетипичные конструкции, в которых применялось притяжательное местоимение в 1 л. ед. ч., хотя описываемое лицо являлось «общим» членом семьи и местоимение в 1 л. мн. ч. (употребленное в другом из вариантов) являлось бы более естественным.

б. отсутствие одной из форм

Как уже показал пример из грамоты № 58, в документах обнаруживается также ситуация, в которой форма, обозначающая участника дискурса в одном из вариантов, не имеет своего соответствия в другом варианте. Иногда это результат отсутствия некой фразы, частью которой является местоимение, как в нижеуказанном фрагменте грамоты № 63:

отоимет бог нас	ѿ отоимет богъ котороу из насъ, а котороу из насъ богъ оставит, и вамъ, брате, печаловатиса нашими книгинами и нашими дѣтьми.	ѿ отоимет богъ котороу из насъ, а котороу богъ из насъ оставит, ино томъ, брате, печаловатиса <u>по нашемъ животе</u> нашими книгинами и нашими дѣтьми.	А2, В
-----------------	---	---	-------

и грамоты № 84:

отоимет бог 1	ѿ по грѣхомъ, отоимет богъ мена, великого князя, и тебѣ под моими дѣтьми великого княженья не хотѣти, ни твоимъ дѣтемъ под моими дѣтьми, и блюсти, и не обидети, ни встѣпатиса. ѿ не будетъ оу мена дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княженьемъ благословити тебѣ, своего брата.	ѿ по грѣхомъ, господине, отоимет богъ тебѣ, великого князя, <u>оу насъ</u> , и мнѣ, господине, под твоими дѣтьми великого княженья не хотѣти, ни моимъ дѣтемъ, и блюсти, и не обидети, ни встѣпатиса. ѿ не будетъ, господине, тебѣ дѣтей, и тебѣ, великомъ князю, великимъ княженьемъ благословити мена, своего брата.	Б1, В
отоимет	ѿ отоимет богъ тебѣ, <u>нашего</u>	ѿ отоимет богъ мена, и тебѣ,	Б1,

бог 2	бРАТА МОЛОДШАГО , и мнѣ, великомуу князю, въ твою отчину не вступатиса, ни моимъ дѣтемъ подъ твоими дѣтми. ѿ не бѣдетъ оу тебѣ дѣтей, и тебѣ, моему брату, свои отчины не отдати никоторою хитростью мимо мена, великого княза.	господине, великомъ князю, в мою отчину не вступатиса, и твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтми. ѿ не бѣдетъ оу мена дѣтей, и мнѣ, господине, свои отчины не отдавати никоторою хитростью мимо тебѣ, великого княза.	В
-------	--	---	---

Однако иногда пропускается само местоимение (или местоимение с предлогом), что показывает, что их употребление в данном фрагменте не обязательно (как и в вышеприведенном фрагменте из грамоты № 58):

№ 59:

мыта	ѿ новыхъ вы мытовъ не замышлати.	ѿ новыхъ мытов не замышлати.	В
------	--	-------------------------------------	---

Здесь стоит отметить, что в грамоте № 63, где выступает такая же статья о мытах, местоимение не применяется ни в одном варианте. То, к кому она относится, понимается по внеязыковому контексту.

5.3 Выводы

Сопоставление регулярных, повторяющихся элементов взаимных грамот с менее типичными позволяет сделать ряд замечаний, касающихся самих документов и коммуникации, отраженной в них.

Прежде всего, анализ личных и притяжательных местоимений, а также личных форм глагола, позволяет выявить, что грамоты, несмотря на большой уровень схематичности, являлись действительными средствами коммуникации, на которые сильно влияли условия, в которых они создавались. Сам анализ их формуляров показал, что каждый из документов представляет собой созданный заново текст. Коммуникативную функцию взаимных грамот подчеркивают титулы, а также названия семейных и иерархических отношений, употребляемые в форме звательного падежа, характерного для диалогической речи. Однако анализ языковых единиц, зависимых от контекста, обнаружил еще большую их способность к модификациям. Даже между двумя вариантами одной и той же грамоты выступают различия, которые свидетельствуют о некоторой дозе независимости в создании каждого из них. Эти различия не касаются только графического (разные написания букв) или грамматического уровней. Они выступают также на уровне лексическом, где в аналогичных местах применяются формы с разным значением, меняющим референцию употребленных языковых элементов. Особенные различия можно заметить в следующих ситуациях:

1. Представление семейных отношений.

Хотя оба князя пишут часто об одних и тех же лицах, к которым имеют идентичное отношение, ими употребляются разные притяжательные местоимения для их описания. Несколько раз такая ситуация обнаруживается, когда в тексте упоминается отец князей. Несмотря на то, что в документе переписываются братья, отец не всегда определяется местоимением *нам*, иногда применяется местоимение ед. ч., что может свидетельствовать о том, что одно и то же слово употребляется двумя князьями в разном значении. Местоимение ед. ч. употребляет обычно великий князь, когда говорит о наделении землями и тогда «мой отец» – это «мой сеньор». Зато удельный князь, применяя местоимение «наш», продолжает высказываться об отце как о родителе, что показывает, что каждая из грамот в паре создается в какой-то степени независимо от другой.

2. Представление принадлежности различных объектов и лиц

В ходе проведенного нами анализа было обнаружено нерегулярное применение притяжательных местоимений. Достаточно многочисленны примеры, в которых в обоих вариантах применяются формы с разной референцией. Разницы касаются, прежде всего, числа местоимений: то, что одним князем определяется словом *твое*, другим определяется как *наше*. Такие различия обнаружены при описании:

- лиц (*дети, бояры*);
- земель (*вотчина, княжества*);
- повинностей (с личными местоимениями в дательном падеже: *дати прототы, взяти, жити*).

Различия в описании такого типа объектов и явлений могут указывать на то, что принадлежность и повинность в некоторых случаях понимается по-разному обоими князьями. Разница обычно заключается во введении в дискурс в данном фрагменте сына / сыновей только одним из князей. Такое неточное определение может вытекать из анахронизма свойственного договорным грамотам, о котором мы писали ранее (см. разд. 4.3).

Кроме того, внимания заслуживает факт, что в тексте не всегда обозначается изменение референции. Например, читая отрывок из варианта грамоты № 35:

ѿ что боудут на **мои** люди, которъи мнѣ слоужат, пени старыѣ или соуды, и кто ѿт соудовъ, и ѿт пень, и ѿт пороукъ оутеклъ, или межи **насъ** в **наше** нелюбье люди **ваших** и **наших** соуды, и воинъ, и грабежи, и томуоу всемоу дерть по **наше** первое докончаніе.

невозможно установить, что *наши суды* принадлежат другим лицам, чем тем, обозначенным притяжательным местоимением во фразе *межи нас в наше нелюбье* или в *наше первое докончаніе*. Только отнесение к первому уровню контекста исследуемой грамоты и сравнение с вариантом б) позволяет ясно увидеть, что в других примерах имеются в виду два князя, от имени которых составляется документ (поскольку и там применены формы 1 л. мн. ч.), зато *суды* (определенные в варианте б) как *ваши*) относятся к великому князю Василию Васильевичу и его детям, но не к князю Дмитрию Юрьевичу. Похожие ситуации достаточно часты, несмотря на то, что многие формы, обозначающие участников дискурса, сопровождаются именами и титулами князей или обращениями в звательной форме (*я, князь великий; ты, брате старейший*). Однако рядом с формами мн. ч. почти никогда не выступают никакие добавочные объяснения, позволяющие с полной точностью определить их референцию. Факт, что

мы можем ее понять, сравнивая два варианта (опираясь на минимальный контекст), не объясняет интенций лиц, составляющих документ, так как два варианта были созданы для двух князей и функционировали отдельно. Поэтому надо предположить, что для князей референция тех форм была очевидной и не нуждалась в добавочных объяснениях. Она понималась не по минимальному контексту данного документа, но по более общему контексту.

Первым источником знаний о референции в анализируемых нами грамотах является жанровый контекст. Как показал проведенный анализ, значительная часть формул и целых абзацев (статей), из которых строятся документы, повторяется в идентичном или очень похожем виде в большинстве из них. Поэтому часто значение отдельных их формул (в том числе содержащих дейктические элементы) понятно даже вне текста, в котором они применяются. Например, широко употребляемое выражение *А межси нас вольным воля* всегда относится к двум князьям, составляющим договор, а не к одному из них и другим лицам. Здесь *мы* – это всегда *мы, заключающие этот договор*. Поэтому такие формулировки не сопровождаются другими определениями, которые более точно определяли бы их референцию. Смотри на взаимные грамоты таким образом, видим ясно присущую им интертекстуальность, связанную с горизонтальным дискурсом, описанным нами в подразделе 1.6.2 – ни одна из взаимных грамот не является документом, созданным абсолютно заново, без отношений к другим текстам. Каждая из грамот функционирует в огромном дискурсе деловых документов и в каждой отражаются формальные и смысловые элементы, закрепленные в них.

Существенным уровнем контекста, который позволяет осмыслить содержание грамот, являются также знания князей о внеязыковом мире – ситуативный контекст. Его создают, прежде всего, знания о семейных отношениях и о иерархии членов правящей династии, а также о принадлежности отдельных земель. То, чьим отцом, братом или бабушкой являлось данное лицо, было общеизвестным и не было необходимым обозначать референцию притяжательных местоимений более точно. То же касается земель, принадлежность которых была общеизвестной. Более того, между двумя вариантами грамоты иногда можно также обнаружить различия в определении принадлежности, которые, однако, не препятствуют коммуникации, благодаря общим знаниям участников дискурса о внелингвистическом контексте.

Заключение

Как указывалось во введении к настоящей работе и в дальнейших ее частях, язык, являющийся базовым средством человеческой коммуникации, стоит исследовать с учетом его пользователей и условий, в которых он употребляется. Знания о структуре языка представляют собой необходимую базу такого исследования, но нельзя ими ограничить лингвистический анализ.

Дисциплиной, которая объединяет в себе этих два подхода, является анализ дискурса. Этот достаточно молодой научный подход стал очень популярным в современной лингвистике, из чего вытекает не только большое количество работ, посвященных анализу языка в дискурсивном аспекте, но и разнообразие способов толкования самого термина *дискурс*. В представленных в Разделе 1 подходах языковеды, с одной стороны, в центре разработок ставят разные аспекты дискурса (коммуникативные функции высказываний; цели говорящего; создание значения в интеракции; употребление языка в определенных ситуациях, и др.), но, с другой, все трактуют язык как средство коммуникации, исследуют реальные отрывки языка, и учитывают условия создания текста в своем анализе. Следуя этим положениям, мы исследовали среднерусские грамоты в дискурсивном аспекте.

Итак, нами были предложены два главных способа применения анализа дискурса на практике: 1. «вертикальный», в котором текст исследуется с учетом внелингвистических условий его создания и 2. «горизонтальный», в котором текст исследуется в контексте других текстов одной жанровой принадлежности. Эти два способа могут применяться независимо друг от друга или дополнять друг друга. В анализе, представленном в нынешней работе, применялись оба способа, поэтому необходимым являлось установить жанровые черты исследуемых документов, а также воспользоваться знаниями о внелингвистической реальности, к которой они относились.

С целью установления жанровых особенностей взаимных грамот, являющихся разновидностью договорных грамот, был проведен их формулярный анализ. Формулярный анализ заключается в делении текстов на смысловые части, которые – после их сопоставления с соответствующими частями других документов данной жанровой разновидности – позволяют указать главные, повторяющиеся фрагменты (как на уровне текста – абзацы-статьи, так и на более глубоком уровне отдельных

конструкций). В результате проведенного нами анализа, удалось показать взаимные грамоты как тексты со строго определенными жанровыми особенностями, функционирующие в деловом дискурсе. Это, в свою очередь, делает также возможным выделить оригинальные, неповторимые компоненты, засвидетельствованные исключительно в одном документе, а тем самым лучше отражающие живой процесс коммуникации.

В Разделе 5 прослеживается выполнение коммуникативной функции личными и притяжательными местоимениями, а также (немногочисленными) личными формами глагола. Важной функцией, выполняемой названными языковыми единицами в тексте, является дейктическая функция обозначения участников дискурса, что естественным путем ведет с уровня языка в неязыковую действительность. Пользуясь доступной исторической информацией о лицах, от имени которых составлялись грамоты, а также о других существенных условиях создания анализируемых текстов (способ составления грамоты; такие элементы реальности, как: земли, люди, повинности, которые в них упоминаются), нами прослеживается процесс коммуникации, отраженный в них. Наш анализ показал, прежде всего, что взаимные грамоты (будучи подтипом договорной грамоты) функционируют как элемент целого жанра. Поэтому, обширные части документов воспроизводятся в каждом из них и не все слова, обозначающие участников дискурса, сопровождаются выражениями, которые однозначно позволяют их идентифицировать. Их личность становится ясной благодаря жанровому контексту, типичному употреблению определенных конструкций, в которых, например, референцией местоимения 1 л. мн. ч. *мы* всегда является «мы, заключающие данный договор». Возможно также, что референция понимается благодаря внелингвистическому контексту – знаниям участников дискурса о реальности. Кроме того, обнаруженные различия между двумя вариантами договорной грамоты, в которых референция местоимений разная, показали влияние живого процесса коммуникации на создание текста. Случаи, в которых князья по-разному определяют одни и те же лица или явления, свидетельствуют о том, что составление грамоты не заключалось в простом копировании существующего образца.

Кроме полученных результатов, относящихся исключительно к исследованным нами текстам, считаем, что настоящая работа показала обоснованность самого анализа дискурса исторических текстов, который иногда ставится под сомнение. Такого рода анализ не только возможен, но даже нужен для полного понимания функций, выполняемых языковыми единицами.

Одновременно, стоит указать дальнейшие способы развития и применения методов анализа, описанных в настоящей работе. Прежде всего, сравнение двух вариантов взаимных грамот может пояснить не только употребление местоимений и личных форм глагола, но также других языковых явлений на разных уровнях: орфографическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом.

Важным является анализ не только самих взаимных грамот, но всех договорных грамот. При нехватке пары документов, сравнение способов обозначения участников (и других языковых явлений) невозможно, но их точный формулярный анализ позволит указать более подробно черты целого жанра и на этом фоне выделить больше индивидуальных черт, отражающих живые процессы коммуникации. Это касается, конечно, не исключительно договорных грамот, но и других текстов древне- и среднерусского документооборота.

Наконец, необходимо указать на возможность расширения рамок исследования также на другие древне- и среднерусские тексты. Как подчеркивалось в работе, возможность анализа исторических текстов в дискурсивном аспекте и применения других современных достижений языкознания в исторической лингвистике стоит перестать ставить под сомнение. Исследования такого типа не только возможны, но и необходимы для того, чтобы полностью описать язык данной эпохи, так как язык является, прежде всего, средством коммуникации. Учитывая контекст, в котором составлялись древние тексты, и пользуясь (по мере возможности) знаниями об их творцах и условиях их создания, исследователи могут вскрыть функции языковых единиц как элементов коммуникативного процесса.

Summary

The main function of language is to enable communication. Including the communicative aspect in the linguistics of the second half of the 20th century meant huge changes in this field of science, gave rise to new directions of analysis, enabled the creation of original research methods and ways of interpreting the functions of language as a whole and its individual elements. Taking into account the communicative function of linguistic means significantly broadens the field of their research.

In the dissertation 25 Middle Russian *vzaimnye gramoty* (reciprocal contractual letters), published in the collection of documents *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knâzej XIV–XVI vv.* (Čerepnin 1950), were analyzed. The main aim of the study was to determine how in these texts the means of identifying discourse participants: personal and possessive pronouns, and personal verb forms are used. The initial stage of the research was to carry out a formal analysis of *vzaimnye gramoty*. It made it possible to indicate their genre features and separate the repetitive features of each document from individual ones.

The analyzed *vzaimnye gramoty* come from the 15th–16th centuries and constitute a sub-type of agreements (Russian: *dogovornye gramoty*). They were concluded between Ruthenian princes of different status in the hierarchy, usually brothers – the grand prince and his subordinate appanage prince. This term is used to describe documents that were created in duplicate: one was written on behalf of the grand prince, the other on behalf of the appanage prince. Their content is identical, they describe the same phenomena in the same conditions, and differ only in the identities of the sender and the recipient, who perform these opposite functions interchangeably. In these circumstances, it was possible to investigate how deictic elements indicating the persons on whose behalf the texts were written change in two closely related texts (which, however, constitute separate, closed wholes). The research problem formulated in this way determines the discursive approach and addressing the issues of reference in language, and then – due to the partially schematic, repetitive way of creating the researched contracts – taking into account the questions of genre and the form. These questions are the subject of the first three theoretical chapters of the dissertation.

The first chapter is an introduction to the problem of discourse. The term discourse itself is defined in various ways, which is largely due to the variety of scientific disciplines that influenced its development. The state of research on discourse is presented in the dissertation, based mainly on the publication of a Russian linguist Mihail L'vovič Makarov

(Makarov 2003). In the description of various approaches to discourse analysis, the classification of an American researcher Deborah Schiffrin (1994) was used, as well as contemporary interpretations of this concept, presented in the articles of the participants of the International Round Table *Diskurs v akademičeskom prostranstve 2009* (Pušná 2010) and in the article by a Polish researcher, Piotr Cap (Cap 2019). Various interpretations of the terms text and context were discussed in detail, including the suggestions of Teun A. van Dijk (1980; 2001) in this regard, and the final definition of discourse as a combination of text and context. Two possible ways of practical application of discourse in research were highlighted: 1. "vertical", which focuses on the analysis of the text in the context of extra-linguistic conditions of its creation, and 2. "horizontal", which analyzes the text in the context of other texts belonging to the same genre. The dissertation presents the results of research on *vzaimnye gramoty* carried out with the use of both methods.

The second chapter is devoted to the phenomenon of reference and related to it: deixis, anaphora, cataphora and ellipse. It characterizes the parts of speech that constitute the main means of reference, i.e. pronouns, focusing on personal and possessive pronouns which have a grammatical category of a person, and thus are used to indicate discourse participants in the text. Personal verb forms fulfilling the same function were also described and these linguistic means, functioning in the Middle Russian language and present in the analyzed documents, were described in detail.

The third chapter contains the genre characteristics of the *vzaimnye gramoty*. The documents are presented as a type of a Middle Russian document. Also, the historical conditions in which they were created are described, thus characterizing the extra-linguistic context of their creation. The principles of form analysis (Russian: *fomulárnyj analiz*) were introduced with special emphasis on the studies of Russian researchers, Sergei Mihajlovič Kaštanov (Kaštanov 1970) and Anatoly Nikolaevič Kačalkin (Kačalkin 1988). The scope of functioning of the terms *gramota*, *dogovornaâ gramota*, *vzaimnaâ gramota* was also discussed.

The fourth chapter of the dissertation presents four types of the form of *vzaimnye gramoty*: conditional, abstract, concrete and individual. The analysis of 25 pairs of documents made it possible to identify the recurring structural and content components that determine whether the analyzed texts belong to one genre. Particular attention was paid to expressions indicating discourse participants and strategies for their application.

The fifth chapter presents the results of the analysis of all 25 *vzaimnye gramoty*, allowing to characterize the communicative functions of pronouns and personal verb forms,

and thus enabling the achievement of the goals set in the work. The use of vocative forms showed the dialogical nature of the documents studied. In many cases, the identification of discourse participants was not possible without referring to two levels of contexts other than the minimal context of the two texts that constitute the *vzaimnye gramoty*: the genre context and the extra-linguistic context. The observed differences in defining family and hierarchical relations as well as belonging indicate the individual creation of each of the copies that constitute a *vzaimnaya gramota*. They allow to distinguish elements of live communication in them. The obtained conclusions were collected in the summary of the work.

Streszczenie

Główną funkcją języka jest umożliwienie komunikacji. Uwzględnienie aspektu komunikacyjnego w lingwistyce drugiej połowy XX w. oznaczało ogromne zmiany w tej dziedzinie nauki, dało początek nowym kierunkom analizy, umożliwiło stworzenie oryginalnych metod badawczych i sposobów interpretacji funkcji języka w całości, jak i poszczególnych jego elementów. Wzięcie pod uwagę komunikacyjnej funkcji środków językowych znacząco poszerza pole ich badań.

W rozprawie przeprowadzono analizę 25 średnioruskich wzajemnych gramot, opublikowanych w zbiorze dokumentów *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knâzej XIV–XVI vv.* (Čerepnin 1950). Głównym celem badania było ustalenie, jak w tych tekstach wykorzystywane są środki służące wskazywaniu uczestników dyskursu: zaimki osobowe i dzierżawcze oraz osobowe formy czasownika. Wstępny etap badań stanowiło przeprowadzenie analizy formularzowej wzajemnych gramot. Pozwoliła ona wskazać ich cechy gatunkowe i oddzielić powtarzalne cechy każdego dokumentu od cech indywidualnych.

Analizowane gramoty wzajemne pochodzą z XV–XVI w. i stanowią podtyp umów (ros. *dogovornye gramoty*). Były one zawierane między ruskimi książętami o różnym statusie w hierarchii, najczęściej braćmi – wielkim księciem i poddanym mu księciem dzielnicowym. Terminem tym określane są dokumenty, które tworzono w dwóch egzemplarzach: jeden pisany był w imieniu wielkiego księcia, drugi w imieniu księcia dzielnicowego. Ich treść jest jednakowa, opisują te same zjawiska w tych samych warunkach, a różnią się jedynie osobami nadawcy i odbiorcy, pełniącymi wymiennie owe przeciwstawne funkcje. W tych okolicznościach zaistniała możliwość zbadania, jak w dwóch ściśle powiązanych ze sobą tekstach (stanowiących jednak odrębne, zamknięte całości) zmieniają się elementy deiktyczne wskazujące osoby, w których imieniu zostały te teksty spisane. Tak postawiony problem badawczy determinuje podejście dyskursywne i podjęcie zagadnień referencji w języku, a następnie – ze względu na częściowo schematyczny, powtarzalny sposób tworzenia badanych umów – uwzględnienie problematyki gatunkowości i formularza. Tym kwestiom poświęcono trzy pierwsze, teoretyczne rozdziały rozprawy.

Rozdział pierwszy stanowi wprowadzenie do problematyki dyskursu. Sam termin *dyskurs* bywa różnie definiowany, co w dużym stopniu wynika z różnorodności naukowych dyscyplin, które wpłynęły na jego wypracowanie. Stan badań nad dyskursem przedstawiono w rozprawie, opierając się głównie na publikacji rosyjskiego językoznawcy Mihaila L'voviča

Makarova (Makarov 2003). W opisie różnorodnych podejść do analizy dyskursu posłużono się z kolei klasyfikacją amerykańskiej uczoney Deborah Schiffrin (1994), a także współczesnymi interpretacjami tego pojęcia, zaprezentowanymi w referatach uczestników Międzynarodowego Okrągłego Stołu *Diskurs v akademičeskom prostranstve 2009* (Pušná 2010) oraz w artykule polskiego badacza, Piotra Capa (Cap 2019). Szczegółowo omówione zostały różne objaśnienia terminów *tekst* i *kontekst*, w tym również propozycje Teuna A. van Dijka (1980; 2001) w tym zakresie, i ostateczne wypracowanie definicji dyskursu jako połączenia tekstu i kontekstu. Zwrócono uwagę na dwa możliwe sposoby praktycznego zastosowania dyskursu w badaniach: 1. „pionowy”, który w centrum stawia się analizę tekstu w kontekście pozajęzykowych warunków jego tworzenia oraz 2. „poziomy”, poddający tekst analizie w kontekście innych tekstów należących do tego samego gatunku. W rozprawie przedstawiono wyniki badań nad gramotami wzajemnymi przeprowadzonych z zastosowaniem obu sposobów.

Rozdział drugi poświęcony został zjawisku referencji i powiązanych z nią: deiksie, anaforze, kataforze i elipsie. Scharakteryzowano w nim części mowy, które stanowią główne środki referencji, tj. zaimki, skupiając się na zaimkach osobowych i dzierzawczych, posiadających gramatyczną kategorię osoby, a tym samym służących do wskazywania w tekście uczestników dyskursu. Wyróżniono też osobowe formy czasownika pełniące tę samą funkcję i dokładnie opisano te środki językowe, funkcjonujące w języku średnioruskim i obecne w analizowanych dokumentach.

Rozdział trzeci zawiera charakterystykę gatunkową średnioruskich umów. Przedstawiono gramoty jako typ średnioruskiego dokumentu, a także opisano warunki historyczne, w jakich były tworzone, charakteryzując tym samym pozajęzykowy kontekst ich powstania. Przybliżono zasady analizy formularzowej, ze specjalnym uwzględnieniem opracowań rosyjskich badaczy, Sergeja Mihajloviča Kaštanova (Kaštanov 1970) i Anatolija Nikolaeviča Kačalkina (Kačalkin 1988). Omówiono również zakres funkcjonowania określeń *gramota*, *dogovornaâ gramota*, *vzaimnaâ gramota*.

Czwarty rozdział rozprawy przedstawia cztery typy formularza wzajemnych gramot: warunkowy, abstrakcyjny, konkretny i indywidualny. Przeprowadzona analiza 25 par dokumentów pozwoliła wskazać powtarzające się komponenty strukturalne i treściowe, decydujące o przynależności badanych tekstów do jednego gatunku. Szczególną uwagę poświęcono wyrażeniom wskazującym uczestników dyskursu i strategiom ich stosowania.

Rozdział piąty przedstawia wyniki analizy wszystkich 25 wzajemnych gramot, pozwalającej scharakteryzować komunikacyjne funkcje zaimków i osobowych form

czasownika, a tym samym umożliwiając osiągnięcie założonych w pracy celów. Użycie form wołacza pokazało dialogiczny charakter badanych dokumentów. W wielu wypadkach identyfikacja uczestników dyskursu nie była możliwa bez odwołania się do dwóch innych poziomów kontekstu niż minimalny kontekst dwóch tekstów tworzących gramotę wzajemną: kontekstu gatunkowego i pozajęzykowego. Zaobserwowane różnice w określaniu stosunków rodzinnych i hierarchicznych oraz przynależności świadczą o indywidualnym powstaniu każdego z egzemplarzy składających się na wzajemną gramotę. Pozwalają one wydzielić w nich elementy żywej komunikacji. Uzyskane wnioski zebrano w podsumowaniu pracy.

Библиография

На русском языке

Арутюнова, Нина Давидовна. «Диску́рс». *Лингвистический энциклопедический словарь*. Web. 13.07.2019. <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>.

Бахрушин, Сергей Владимирович (ред.) *Духовныя и договорныя грамоты князей великих и удельных*. Москва, Издание Н.Н. Ключкова, 1909.

Белковец, Лариса Прокопьевна. „Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей как памятники права московской Руси XIV–XV вв.”. *История Государства и Права*, 20, 2012, с. 38–41.

Бжозовска, Дорота. „Дискурс и его коллокации”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 10–11.

Бжозовска, Дорота. „Обыденный дискурс ”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 26.

Большой Энциклопедический словарь. Web 14.05.2019. <http://web.archive.org/web/20160305013938/http://slovari.299.ru/word.php?id=6148&sl=oj>.

Борковский, Виктор Иванович, Петр Саввич Кузнецов. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, КомКнига, 2006 [1963].

Борковский, Виктор Иванович. *Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение)*. Львов, Издательство Львовского государственного университета, 1949.

Васильева, Оксана Юрьевна, Боброва Анна Владимировна. „Отписка как жанровый источник деловой документации (на материале региональных архивных источников г. Омска)”. *Научный диалог*, 4 (52), 2016, с. 9–22.

Виноградов, Виктор Владимирович. *Русский язык*. Москва, Высшая школа, 1986.

Вороничев, Олег Евгеньевич. „Лично-притяжательные местоимения *его, ее, их*: комментарий к морфологическому разбору”. *Русский язык в школе*, 5, 2006, с. 19–23.

Гальперин, Илья Романович. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, Наука, 1981.

Гужва, Федор Кириллович. *Современный русский литературный язык*. Киев, Радянская школа, 1967.

Дебольский, Владимир Николаевич. *Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник*. Санкт-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 1901.

Дойкина, Ксения Юрьевна. „Системы местоименных энклитик в языке духовных и договорных грамот князей Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.”. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 56, 2018, с. 48–59.

Дука, Олег Геннадьевич. „Дискурс исторической науки и идентичности”. *Дискурс-Пи*, 5, (1), 2005, с. 170–172.

Дьяконов, Михаил Михайлович. „Докончанье”. *Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. Web. 17.10.2019. <http://www.vehi.net/brokgauz/all/036/36922.shtml>.

Ельчанинова, Ольга Юрьевна. „Специфика формуляра и видовое многообразие русских грамот XVII века”. *Актуальные проблемы российского права*, 10 (71), 2016, с. 21–26.

Зализняк, Андрей Анатольевич. *Древнерусские энклитики*. Москва, Языки славянских культур, 2008.

Иванов, Валерий Васильевич. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, Просвещение, 1990.

Кафкова, Ольга. „О роли контекста в разных типах коммуникатов”. *Синтаксис текста*. Ред. Золотова, Галина Александровна. Москва, Наука, 1979, с. 236–247.

Качалкин, Анатолий Николаевич. *Жанры русского документа допетровской эпохи. Часть II. Филологический метод анализа документов*. Москва, Издательство Московского университета, 1988.

Каштанов, Сергей Михайлович. *Очерки русской дипломатики*. Издательство Наука, Москва, 1970.

Каштанов, Сергей Михайлович. „ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ”. *Историческая энциклопедия*. Web. 13.12.2019. <https://interpretive.ru/termin/dogovornye-gramoty.html>.

Климкович, Ольга Александровна. *Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI вв.* Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, 2015.

Кнурова, Валентина Александровна. „Договорные грамоты великих князей XIV–XVI вв. как источниковая основа реконструкции их правового статуса”. *Теория и практика общественного развития*, 1 (131). 2019. Web. 12.03.2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovornye-gramoty-velikih-knyazey-xiv-xvi-vv-kak-istochnikovaya-osnova-rekonstruktsii-ih-pravovogo-statusa>.

Коваленко, Яна Юрьевна. „Жанры деловой переписки XVII века: указная грамота и отписка (по материалам «Актов Иверского Святоозерского монастыря»)”. *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 2, 2011. Web. 25.05.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-delovoy-perepiski-xvii-veka-ukaznaya-gramota-i-otpiska-po-materialam-aktov-iverskogo-svyatoozerskogo-monastyrya>.

Кожемякин, Евгений Александрович. „Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект”. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 15 (2), 2008, с. 5–12.

Кожина, Алла Андреевна. „Образ мира в древнем славянском дискурсе: к вопросу об интровертированности древних дискурсов”. *Карповские научные чтения*. Ред. Головня, Анастасия Ивановна. Минск, Белорусский Дом печати, 2013, с. 31–35.

Колядин, Евгений Андреевич. „Проблема «текст versus дискурс» в отношении древних текстов”. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной конференции*. Екатеринбург, 2012, 59–62.

Копанев, Александр Ильич. „Советская дипломатика”. *Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I.* Москва, Наука, 1968, с. 56–72.

Коробков, Николай. „Русская дипломатика”. *Архивное дело*, 1, 1940, с. 17–37.

Крылов, Сергей Александрович, Елена Викторовна Падучева. „Местоимение”. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Web. 21.11.2019. <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>.

Кубрякова, Елена Самуиловна, Ольга Викторовна Александрова. „Виды пространства, текста и дискурса”. *Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции*. Москва, Диалог-МГУ, 1997, с. 19–20.

Курчак, Людмила. „Дискурс переговоров”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 31–32.

Лаппо-Данилевский, Александр Сергеевич. *Очерк русской дипломатики частных актов*. Санкт-Петербург, Северная звезда, 2007.

Львов, Андрей Степанович. „К истории слова грамота в древнерусской письменности”. *Исследования источников по истории русского языка и письменности*, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1966.

Макаров, Михаил Львович. *Основы теории дискурса*. Москва, ИТДГК «Гнозис», 2003.

Маркович, Анна. „Дискурс – дискурсные практики – текст”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 15–17.

Миньяр-Белоручева, Алла Петровна. „Восприятие исторического дискурса через призму грамматики”. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3, 2018, с. 9–17.

Миньяр-Белоручева, Алла Петровна. „Типология исторического дискурса”. *Язык и текст*, 2, 2015, с. 8–16.

Миньяр-Белоручева, Алла Петровна. „Типология исторического дискурса”. *Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru» Том 2, 2, 2015*, с. 8–16. Web. 17.08.2021. https://psyjournals.ru/files/76880/langpsy_2015_n2_Minjar-Beloroucheva.pdf.

Осминкина, Елена Ильинична. „Роль лично-притяжательных местоимений в усвоении персонального дейксиса русскоязычными и англоязычными детьми”. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3 (56), 2014.

Падучева, Елена Викторовна. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений*. Москва, Издательство ЛКИ, 2007.

Пекот, Томаш. „Три варианта понимания слова «дискурс»”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 16.

Плехова, Ольга Геннадьевна. „Исторический дискурс: институциональные характеристики”. *Известия ВГПУ*, 2 (106), 2016, с. 99–105.

Пономарева, Ирина. „Терминология древнерусских служебных отношений”. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, № 3 (836), 2019, с. 173–190.

Поправа, Мартин. „Политические теледебаты”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 27–31.

Приборович, Артем Александрович. „Дискурс-анализ как метод выявления факта из исторического источника”. *Веснік БДУ*, 3 (2), 2012, с. 38–42.

Пронштейн, Александр Павлович. *Методика исторического источниковедения*. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1976.

Рождественский, Юрий Владимирович. *Введение в общую филологию*. Москва, Высшая школа, 1979.

Розенталь, Дитмар Эльяшевич. *Русский язык*. Москва, Издательство Московского университета, 1988.

Ругалева, Анеля. „Структура дейктического знака: притяжательные местоимения в русском языке”. *Russian Language Journal / Русский язык*, 34 (117), 1980, с. 25–42.

Савельева, Елена Борисовна. „Дейктическая идентификация адресата и адресанта в пространстве художественного текста (на материале прозы Андре Жида)”. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–2 (81), 2018, с. 367–370.

Саларев, Сергей Гаврилович. „Описание разного рода российских грамот”. *Вестник Европы*, 4–5, 1819.

Сапожникова, Галина. „Исследование духовных и договорных грамот московских князей XIV–XVI вв. с помощью технологии XML”. *Писменото наследство и информационните технологии*. София–Ижевск, 2014, с. 143–146.

Сарин, Евгений Игоревич. *Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жития, поучения, послания)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Web. 21.02.2021. http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2014/Sarin_E_I.pdf

Сарновски, Михал. „Межкультурная интерференция; негативная коммуникация”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 26–27.

Синельникова, Лара Николаевна. „Дискурсивная семантика личных местоимений”. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 2020, с. 21–28.

Скребцова, Татьяна. „Дискурс – текст – высказывание – стиль”. *Дискурс в академическом пространстве – Материалы Международного круглого стола 3–5 апреля 2009 г.* Ред. Г. А. Пушня. Минск, Издательский Центр БГУ, 2010, с. 17–18.

Смолина, Анджелла Николаевна. „Конситуация”. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь или справочник*. Ред. Сковородников, Александр Петрович. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 2014, с. 241–242.

Соловьев, Сергей Михайлович. *История отношений между князьями Рюрикава дома*, Москва, Университетская типография, 1847.

Стеценко, Алексей Никитич. *Исторический синтаксис русского языка*. Москва, Высшая школа. 1972.

Сторожев, Василий Николаевич. „Грамота”. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Web. 22.10.2019. <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>

Тарланов, Замир Курбанович. *Юридическая лингвистика: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры*, Москва, Издательство Юрайт, 2019.

Тихомиров, Михаил Николаевич. *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Том I*. Москва, Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

Торсуева, Ирина Георгиевна. „Контекст”. *Лингвистический энциклопедический словарь* Web. 02.03.2020. <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>

Хомутова, Тамара Николаевна. „Типология жанра: от теории к практике”. *Вестник ЮУрГУ*, 6, 2006, 60–64.

Черепнин, Лев Владимирович. *Русские феодальные архивы XIV–XV веков, т. 1* Москва, Издательство Академии наук СССР, 1948.

Черепнин, Лев Владимирович. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Москва, Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1950.

Черепнин, Лев Владимирович. *Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XVI вв.* Москва, Государственное издательство юридической литературы, 1955.

Черепнин, Лев Владимирович (ред.). *Памятники русского права, т. 3*. Москва, Госюриздат, 1955.

Черных, Павел Яковлевич. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, Учпедгиз, 1952.

Шахматов, Алексей Александрович. *Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1–2.* Санкт-Петербург, Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903.

Шведова, Юльевна Шведова (ред.). *Русская грамматика. Том I.* Москва, Наука, 1980.

Шевченко, Надежда Викторовна. *Основы лингвистики текста. Учебное пособие.* Москва, ООО Приор-издат, 2003.

Шумаков, Сергей Александрович. *Обзор «Грамот коллегии экономики».* Москва, Университетская типография, 1917.

Энциклопедия „Всемирная история”. Web. 02.03.2019 <https://w.histrf.ru/>.

На других языках

Adam, Jean-Michel. *Eléments de linguistique textuelle: théorie et pratique de l'analyse textuelle*, Liège, Mardaga, 1990.

Berkhofer, Robert F. *Beyond the great story: history as text and discourse.* Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard University Press, 1997. Web. 15.03.2020. <http://hdl.handle.net/2027/heb.04779.0001.001>.

Boniecka, Barbara. „Tekst potoczny a dyskurs”. *Tekst. Problemy teoretyczne.* Red. Jerzy Bartmiński, Barbara Boniecka. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998, s. 45–62.

Brinton, Laurel J. „Historical Discourse Analysis”. *The Handbook of Discourse Analysis.* Red. Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 2001, s. 222–243.

Brown, Gillian, George Yule. *Discourse analysis.* Cambridge, Cambridge University Press, 1993.

Cap, Piotr. „A note on the post-structuralist evolution of discourse analysis”. *HETEROGLOSSIA. Studia kulturoznawczo-filologiczne*, 9, 2019, 109–128.

Chafe, Wallace (red). *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, New Jersey, Ablex, 1980.

Clark, Herbert Herb. Deanna Wilkes-Gibbs. „Referring as a collaborative process”. *Cognition*, 22 (1), 1986, s. 1–39.

Cook, Guy. *Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 1989.

Cumming, Susanna, Tsuyoshi Ono. „Dyskurs i gramatyka”. *Dyskurs jako struktura i proces*. Red. Teun A. van Dijk. Przeł. Grzegorz Grochowski. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, 2001 [1997], s. 102–130.

Cumming, Susanna. *Functional Change: the Case of Malay Constituent Order*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1991.

De Beaugrande, Robert, Wolfgang Dressler. *Introduction to Text Linguistics*. London, Routledge, 1990 [1981].

De Beaugrande, Robert. „The story of discourse analysis”. *Discourse as Structure and Process*. Red. Teun van Dijk. London, Sage Publications, 1997, s. 35–62.

Deskis, Susan E. „Exploring Text and Discourse in the Old English Gnomeric Poems: The Problem of Narrative”. *The Journal of English and Germanic Philology*, 104 (3), 2005, s. 326–344. Web. 13.03.2021. <http://www.jstor.org/stable/27712511>.

Dubisz, Stanisław. „Dzieje języka polskiego jako problem badawczy w pracy historyka języka”. *Poradnik Językowy*, 3, 2009, s. 19–34.

Duszak, Анна. *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*. Warszawa, PWN, 1998.

Fasold, Ralph. *The sociolinguistics of language. (Introduction to Sociolinguistics, Volume I.)*. Oxford, Basil Blackwell, 1990.

Fetzer, Anita. „Discourse analysis”. *Methods in Pragmatics (Handbooks of Pragmatics, Volume 10)*. Red. A. H. Jucker, K. P. Schneider, W. Bublitz. Berlin, Mouton de Gruyter, 2018, s. 401–421.

Fillmor, Charles J. „Topics in lexical semantics”. *Current Issues in Linguistics Theory*. Red. Cole, Roger. Bloomington, Indiana University Press, 1977.

Fox, Barbara. *Discourse structure and anaphora: written and conversational English*. (Cambridge studies in linguistics). Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Grice, Herbert Paul. „Meaning”. *The Philosophical Review*, 66 (3), 1957, s. 377–388.

Halliday, Michael, Alexander Kirkwood, Ruqaiya Hasan. *Cohesion in English*. London, Longman, 1976.

Hansen, Mosegaard Maj-Brit. „The Grammaticalization of Negative Reinforcers in Old and Middle French: A Discourse–Functional Approach.” *Current Trends in Diachronic Semantics and Pragmatics*. Leiden, The Netherlands, Brill, 2009, s. 227–251.

Harris, Zellig Sabbetai. „Discourse Analysis”. *Language*, 28 (1), 1952, s. 1–30. Web. 07.04.2021. www.jstor.org/stable/409987.

Hirst, Graeme. *Anaphora in natural language understanding: A survey*. Berlin, Heidelberg, Springer-Verlag, 1981.

Huang, Yan. *Anaphora: a cross-linguistic approach*. Oxford, Oxford University Press, 2000.

Hymes, Dell. „Introduction: Toward Ethnographies of Communication”. *American Anthropologist*, 66 (6), 1964, s.1–34. Web. 27.03.2021. <http://www.jstor.org/stable/668159>.

Jakobson, Roman, *Shifters, verbal categorie and the Russian verb*. Cambridge, Mass., Harvard University, 1957.

Karolak, Stanisław. „Zaimek”. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Red. Kazimierz Polański, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 654.

Kleiber, Georges. *Anaphores et pronoms*. Louvain-la-Neuve, Duculot, 1994.

Klein, Kerwin Lee. „On the Emergence of Memory in Historical Discourse”. *Representations*, 69, 2000, s. 127–150.

Kleszczowa, Krystyna, Tomasz Mika. „Wyzwania badawcze i metodologiczne lingwistyki historycznej. Refleksje po dyskusji”. *Historia języka w XXI wieku: stan i perspektywy*. Red. Magdalena Pastuch, Mirosława Siuciak. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018, s. 639–652.

Kryk, Barbara. *On Deixis in English and Polish: The Role of Demonstrative Pronouns*. Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH, 1987.

Labov, William, David Fanshel. „Therapeutic discourse: Psychotherapy as conversation”. *Language in Society*, 9 (1), New York, Academic Press, 1977, s. 117–126.

Lewis, David K. „Psychophysical and theoretical identifications”. *Australasian Journal of Philosophy*, 50 (3), 1972, s. 249–258.

McCarthy, Michael. Ronald Carter, *Language as Discourse. Perspectives for language teaching*. Harlow, Longman, 1994.

Mitkov, Ruslan. *Anaphora resolution*. New York, Longman, 2002.

Mokros, Hartmut B. „Introduction: From information and behavior to interaction and identity”. *Interaction and Identity: Information and Behavior*, 5, 1996, s. 1–22.

Moszyński, Leszek. *Wstęp do filologii słowiańskiej*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.

Nunan, David. *Introducing discourse analysis*. England, Penguin English, 1993.

Pastuch, Magdalena. „Metoda czy metodologia? Współczesne potrzeby historii języka”. *Historia języka w XXI wieku: stan i perspektywy*. Red. Magdalena Pastuch, Mirosława Siuciak. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018, s. 32–43.

Paveau, Marie-Anne, Georges-Élia Sarfati. *Wielkie teorie językoznawcze*. Przekł. Iwona Piechnik. Kraków, Wydawnictwo FLAIR, 2009.

Polański, Kazimierz. „Anafora”. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Red. Kazimierz Polański, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 41–43.

Polański, Kazimierz. „Konsytuacja”. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Red. Kazimierz Polański, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 313.

Polański, Kazimierz. „Wskazywanie (deixis)”. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Red. Kazimierz Polański, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 638.

Sadock, Jerrold M. „On testing for conversational implicature”. *Syntax & Semantics 9: Pragmatics*. Red. Cole, Peter. New York, Academic Press, 1978, s. 281–297.

Saloni, Zygmunt. „Kontekst językowy”. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Red. Kazimierz Polański, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 313–314.

Schiffrin, Deborah. *Approaches to discourse*. Oxford, UK, B. Blackwell, 1994.

Schmolz, Helen, David Coquil, Mario Döllner. „In-depth analysis of anaphora resolution requirements”. *Proceedings of the 23rd International Workshop on Database and Expert Systems Applications*. Nowy Jork, IEEE Computer Society, 2012, s. 174–179.

Searle, John Rogers. „How performatives work”. *Linguistics and Philosophy* 12 (5), 1989, s. 535–558.

Searle, John Rogers. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969.

Siuciak Mirosława. „Nowe perspektywy i zadania historii języka polskiego”. *Historia języka w XXI wieku: stan i perspektywy*. Red. Magdalena Pastuch, Mirosława Siuciak. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018, s. 55–64.

Stubbs, Michael. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago, University of Chicago Press, 1983.

Swales, John Malcolm. *Genre Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.

Świeczkowska Patrycja. *Wybrane aspekty tłumaczenia japońsko-polskiego ze szczególnym uwzględnieniem zjawiska anafory*, 2017. Web. 03.02.2022. <https://hdl.handle.net/10593/21288>.

Taylor, Talbot J., Deborah Cameron. “Analysing Conversation: Rules and Units in the Structure of Talk”. *Canadian Journal of Linguistics / Revue Canadienne De Linguistique*, 35 (4), 1987, s. 381–383.

Topolińska, Zuzanna. „Zaimki – uniwersalny system referencji”. *LingVaria : Półrocznik Wydziału Polonistyki UJ poświęcony zagadnieniom języka i językoznawstwa*, XI, NR 1 (21), 2016, s. 35–41.

Van Dijk, Teun A. „Badania nad dyskursem”. *Dyskurs jako struktura i proces*. Red. Teun A. van Dijk. Red. wyd. pol. Teresa Dobrzyńska. Przeł. Grzegorz Grochowski. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.

Van Dijk, Teun A. *Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1980.

Wasow, Thomas. *Anaphoric relations in English*. Cambridge, MA, Massachusetts Institute of Technology, 1972.

Widdowson, Henry George. *Discourse Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2007.

Wodak, Ruth, Michael Meyer. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, SAGE, 2001.